Игнатович И. Н.
"Борьба
крестьян
за
освобождение"
Л.-М., 1924.

И. И. ИГНАТОВИЧ

БОРЬБА КРЕСТЬЯН ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПЕТРОГРАД"
ЛЕНИНГРАД—МОСКВА
1924

★

ВОЕННАЯ
ТИПОГРАФИЯ
Шт. Р.-К. К. А.
Пл. Урицк., 10.
Ленинградский
Гублит № 12108.
Тираж 4.000.
Заказ № 855.

Светлой памяти

историка русского крестьянства

ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА

СЕМЕВСКОГО

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Книга эта представляет собою первый сборник моих статей по истории крестьянских волнений XIX в., печатавшихся в различных периодических изданиях и сборниках. В переживаемую нами эпоху, когда интерес к истории борьбы трудящихся масс за свое политическое и социальное освобождение чрезвычайно возрос, появление этих статей отдельным сборником вполне своевременно. Затерянные в различных изданиях, статьи эти не всегда оказывались известными даже специалистам, не говоря уже о широкой публике.

Статьи, вошедшие в этот сборник, дают посильную картину крестьянских волнений накануне освобождения на основании печатного и, главным образом, архивного материала, почерпнутого из Центрального Архива б. Мин. Внутр. Дел и несколько дополненного в самое последнее время данными других архивов, ставших доступными после революции.

Автор имеет смелость утверждать, что через его руки прошли все дела о крестьянских волнениях за период от 1826 по 1861 г., какие сохранились в Центральном Архиве б. Мин. Внутр. Дел. К сожалению, приходится констатировать, что многие из дел о крестьянских волнениях погибли, будучи признаны в дореволюционную эпоху подлежащими уничтожению. Первая статья этого сборника и последняя являются обобщениями того печатного и архивного материала, который прошел через мои руки. Вторая и третья статьи составляют части труда по истории крестьянских волнений, который мною еще не закончен. Хотя обобщения, сделанные мною, базируются главным образом на данных одного архива—Центрального Архива б. Мин. Внутр. Дел,—тем не менее, я полагаю, что данные других архивов, ставших теперь доступными для исследователей, едва ли изменят мои основные положения и выводы, так как именно в ведомстве Министерства Внутренних Дел сосредоточивалась главная масса сведений о крестьянских волнениях.

Посвящая этот сборник своих статей светлой памяти своего незабвенного учителя, историка русского крестьянства, Вас.

Ив. Семевского, автор считает долгом и счастьем указать, что свои исследования по истории крестьянских волнений он начал при нравственной и материальной поддержке своего учителя. Даже доступ в Центральный Архив б. Мин. Внутр. Дел был устроен для автора именно В. И. Семевским. Всегда живо интересуясь ходом моих работ и их появлением в печати, он первый указал на желательность издания моих статей по истории крестьянских волнений отдельными сборниками, дабы они не могли затеряться в периодических и непериодических изданиях и были бы более доступны всем интересующимся историей борьбы и страданий трудящихся масс. Но, к сожалению, по разным причинам тогда это не было осуществлено, и только теперь это удалось выполнить.

И. Игнатович.

1-ое января 1924 г.

Борьба крестьян за свое освобождение [1]).

В числе факторов, подготовивших освобождение крестьян от крепостной зависимости, несомненно одно из первых мест принадлежит отношению самого народа к крепостному праву. Крестьяне, конечно, не могли непосредственно влиять на крепостное законодательство, на приступ к реформе. Они были также тщательно устранены от какого бы то ни было участия в выработке Положения 19 февраля: от них требовали лишь безмолвного повиновения. Но крестьяне разрозненно, стихийно, разными способами протестовали против своего положения и бессознательно создавали тревожную общественную атмосферу, заставляли прислушиваться к своим мнениям, требованиям и желаниям то самое правительство, то самое дворянство, которые фактически сосредоточили в своих руках право вершить судьбы многомиллионной крепостной массы.

Крепостная зависимость не делала из крестьян безответных, покорных рабов. Различными способами, начиная с единичных, повседневных неповиновений и кончая грозными массовыми движениями, поднимавшими на ноги правительственные власти, они заявляли протест против крепостного права. Во время пугачовщины—этого сложного движения, где об'единилось столько недовольных элементов населения против господствовавшего политического и социального строя—от взмахов разбиваемых крепостных цепей погибло не мало дворян, непрочно почувствовала себя на троне Екатерина II. Память о пугачевщине, до самого освобождения, была тем кошмаром, который преследовал и дворянство, и власть, как возможный исход накопившегося народного негодования. Правда, в XIX веке это негодование не выражалось массовыми восстаниями; протесты крестьян, за исключением редких случаев, не выходили за пределы отдельных крепостных ячеек и быстро подавлялись; но все поведение крестьян прониклось такою враждебностью

---

[1]) Статья эта впервые напечатана в сборнике „Освобождение крестьян", изд. „Жизни для всех", 1911 г.

по отношению к помещикам, что не могло не внушать им серьезных опасений за свое существование, а правительству—за прочность общественного порядка при крепостном праве. Условиями, взращивавшими эту враждебность, были не только злоупотребления помещичьею властью. Помимо общего стремления крестьян к воле, к независимой жизни, главную причину нужно видеть в создавшихся экономических отношениях. В XIX веке помещики начали энергично искать путей для повышения доходов с имений. Повышение эксплоатации труда во всех его формах: повышение оброка, расширение господских запашек, влекущее за собою перевод оброчных крестьян на барщину, заведение фабрик и заводов—таковы были наиболее крупные последствия для крестьян „хозяйского" усердия помещиков. При интенсификации и расширении помещичьих хозяйств требовалось сделать крепостной труд более производительным. Среди различных попыток в этом направлении отметим развитие урочной системы, увеличение размера барщины, усиление надзора за крестьянами во время работ и вне их, перевод на месячину, стремление ограничить количество крестьянской земли и рабочего времени в пользу крестьян пределами строгой необходимости, что в свою очередь вело к сильнейшей регламентации крестьянской жизни, вмешательству в частную жизнь крестьян. Все это сильно ухудшало экономическое положение крестьян, создавая почву для мелких ослушаний, ежедневных мелких столкновений с помещиком или вотчинными властями и вызывая в крестьянах отпор безграничной эксплоатации труда и личности. Патриархальные отношения все больше и больше отходили в область преданий, и лицом к лицу, в одной и той же крепостной ячейке, должны были уживаться два антипода, из которых один смотрел на своего „подданного", как на средство наживы, а другой должен был ежеминутно быть готовым отстаивать свою личность и хозяйственную самостоятельность от присосавшегося к нему паука. Социального мира в такой ячейке быть не могло, и состояние напряженной, скрытой, но постоянно чувствуемой вражды, недоверия и борьбы все сильнее и определеннее господствовало почти в каждом помещичьем имении.

Такое положение было крайне неудобно для дворян, не только в отношении личной безопасности,—ибо на фоне общей враждебности тот или другой эксцесс со стороны помещика или крепостного мог повлечь кровавую развязку для первого,—но и для помещичьего хозяйства, вводя в хозяйственные расчеты такой неопределенный фактор, как наличность полного

спокойствия и повиновения в имении, за что, при господствовавшем „духе недовольства“, никогда нельзя было ручаться. Повышать репрессии по отношению к крестьянам было небезопасно—как во избежание лишних столкновений с крестьянами, так и в силу правительственной политики, строже, чем прежде, проводившей принцип наблюдения за отношениями помещиков к крестьянам; да и самый рост образованности мешал это делать. Нужно заметить к тому же, что все средства повысить производительность крепостного труда мало помогали, задолженность дворян росла, крепостное хозяйство развивалось плохо. Ко времени освобождения, в некоторых местах крепостной труд стал настолько невыгодным, что ненаселенные имения ценились выше населенных. И в этом крахе крепостного труда мы не можем не отвести львиной доли влияния росту „духа недовольства“ и отпору крестьянской массы поползновениям помещиков выжать соки из крепостного люда.

На указанном общем фоне раздражения и враждебности против помещиков росли различные формы протеста крестьян против крепостного права. Свое недовольство крестьяне выражали жалобами, побегами, оскорблениями и насильственными действиями против помещиков и вотчинных властей, убийствами их, частичными неповиновениями вплоть до полного отрицания помещичьей власти и отказа повиноваться ей в каком-либо отношении; сплошь и рядом эти неповиновения помещичьей власти переходили в открытые неповиновения правительственным властям, выражаясь в отказе подчиниться их требованиям. Такого рода неповиновения переходили иногда в бунты с насильственными действиями, сопротивлениями и даже нападениями на воинские команды. Но таких бунтов в николаевское время было очень мало. Восстаний же, хотя сколько-нибудь напоминавших собою пугачевщину или т. п. народные движения, в XIX веке ни разу нигде не было.

Из всех видов протестов, повидимому, наиболее частыми и распространенными были жалобы. К сожалению, невозможно указать даже приблизительного количества их. По сведениям, приводимым в труде В. И. Семевского „Крестьянский вопрос во 2-ую половину XVIII и в 1-ую половину XIX столетия“, за 10-летний промежуток времени (с 1844 по 1854 г.) в министерство внутренних дел было подано 319 жалоб и 33 всеподданнейшие жалобы, т.-е. в среднем по 32 жалобы в год, а со всеподданнейшими—по 35-ти. Но этот перечень, даже по отношению к жалобам, поданным в министерство внутренних дел, далеко не полон. Жалобы кроме того попадали в другие

центральные учреждения, масса жалоб получала то или иное разрешение, не доходя до центральных властей. А сколько жалоб не получало никакого движения! Вызывались жалобы обременительностью оброка, барщины, жестоким обращением, недостатком продовольствия и т. д. На учащение их влияли и различные частные причины. Назначение нового губернатора, сенаторская ревизия, вообще какие-либо события, пробуждавшие надежды в крестьянах, что на их жалобы могут обратить внимание, усиливали приток их. Особенно увеличилось количество крестьянских жалоб в последние годы перед реформою. В это время оживились надежды крестьян получить защиту от помещичьего гнета; местные и центральные власти, действительно, стали внимательнее к крестьянам и давали формальный ход таким жалобам, на которые раньше не обратили бы внимания. Не малое значение имели в то время и упорные слухи о воле. Вообще, при некоторых слухах о даровании воли можно подметить циркулирующую среди крестьян легенду, что воля будет дана тем, кто жалуется на помещиков. Так, эту мысль можно отметить в слухах по поводу указа 2 апреля 1842 г. об обязанных крестьянах. Вероятно, этим нужно об'яснить обилие волнений в 1842 г. в виде принесения жалоб толпами или группами крестьян. Нужно отметить также влияние примера при подаче жалоб. Крестьяне чутко прислушивались к совершавшемуся в других имениях, и успешное движение жалобы, поданной соседями, вызывало нередко их на такой же шаг. Помещики хорошо были знакомы с этою „заразительностью“ жалоб, а потому с большим неудовольствием и даже негодованием встречали внимательное отношение местных или центральных властей к крестьянским жалобам. Тульский губернский предводитель Мяснов в 1846 г. обратился даже к уездным предводителям с секретным циркуляром, где просил „никогда ни словесных, ни письменных жалоб от людей на помещиков не принимать“, ибо между прочим „таковые жалобы... могут только распространять в народе неуважение к законным властям“ [1]).

Пронский уездный предводитель дворянства, признав в 1860 г. жалобу одного крестьянина принесенною „собственно по существующему вообще в настоящее время раздражительному состоянию крепостных людей и по грубости“, находил нужным наказать крестьянина через земскую полицию, „сделав оное гласным, иначе невзыскание за подобные жалобы увели-

---

[1]) В. И. Семевский. „Крестьянский вопрос“, т. II, стр. 576.

чит число обращающихся и вместе породит неуважение и безбоязненность к помещикам и вотчинному начальству, и тогда трудно будет ввести порядок и спокойствие“ [1]).

Желание помещиков пресечь жалобы вызывалось различными причинами. Каждая жалоба есть, конечно, прежде всего признак поколебленности безусловного повиновения помещичьей власти; помещик же мог спокойно вести хозяйство лишь при уверенности, что крестьяне беспрекословно повинуются ему. Подача жалобы, с другой стороны, вовлекала крестьян в различные расходы по ведению дела: нужно было оплатить сочинителя просьбы, поддерживать подателя, нередко одаривать чиновников, от которых прямо или косвенно зависело движение просьбы. Эти расходы, средства для которых крестьяне добывали обыкновенно самообложением, иногда достигали значительных размеров и разоряли их, чем косвенно наносился материальный ущерб и помещику. Подача жалоб толпою, для чего иногда все крестьяне, иногда часть их, отлучались из имения, вызывала в барщинных имениях перерыв в работах, что, конечно, было крайне невыгодно помещикам, особенно если это делалось в страдное летнее время. Помимо этого, жалобы нередко переходили в неповиновение или вызывали его. Уже самовольные отлучки толпою для подачи жалобы зачислялись нередко в официальной статистике в разряд крестьянских волнений, хотя здесь перерыв в исполнении крепостных повинностей был лишь временным, и, вернувшись домой, крестьяне мирно возвращались к обычному повиновению. Но бывали случаи, когда крестьяне, обжаловав те или другие распоряжения помещика или вотчинных властей, отказывались исполнять их до разбора жалобы. В этих случаях подача жалобы действительно переходила в неповиновение помещичьей власти со всеми тяжелыми последствиями как для крестьян, так и для помещиков. Наконец, подача жалоб могла повлечь довольно крупные неприятности для помещиков, если они имели основание опасаться, что расследование жалобы раскроет действительные злоупотребления помещичьей властью.

Правительство относилось к крестьянским жалобам двойственно, что зависело вообще от двойственной политики его в крестьянском вопросе. С одной стороны, правительство, считая нужным ограничить крепостное право и бороться со злоупотреблениями помещичьей властью, должно было в этих целях прислушиваться к крестьянским жалобам, имея полное основание

---

[1]) Повалишин. «Рязанские помещики и их крепостные», стр. 245.

сомневаться, чтобы в его целях был достаточен надзор за помещиками со стороны местных властей и предводителей дворянства. С другой стороны, во имя сохранения полного спокойствия среди крестьян, оно должно было требовать от них *безусловного* повиновения помещикам, а поэтому не могло поощрять их к подачам жалоб. Соответственно этому, мы видим, что при Николае I жалобы были попрежнему законом запрещены, и по уложению 1845 г. крепостные за принесение жалоб должны были подвергаться телесному наказанию. Но, с другой стороны, фактически жалобы принимались всеми, начиная от императора и кончая уездными предводителями и исправниками, и по ним назначались не только секретные, но иногда и формальные дознания. Это противоречие между практикою и законом давало широкий простор для усмотрения местных властей, которые относились так или иначе к крестьянским жалобам в зависимости от веяний в высших сферах, от силы, богатства и влияния помещика, на которого крестьяне жаловались, и от личных взглядов.

Такие протесты, как убийства и всякого рода расправы с помещиками и вотчинными властями, грозили более их личной безопасности, чем наносили материальный ущерб собственно помещичьему хозяйству. К такого рода расправам крестьяне прибегали сравнительно часто. За время от 1836 до 1854 г. было 75 покушений на убийство, т.-е. в среднем по 4 в год. Убийств произошло с 1834 по 1854 г.—144, в среднем ежегодно по 7. В течение только 9 лет (1835—1843 г.) в Сибирь было сослано за убийство помещиков 416 человек (298 мужчин и 118 женщин) [1]. Сколько было случаев насилий крепостных над помещиками, неизвестно, но есть указания современников (Ю. Ф. Самарин, Славутинский), что ко времени освобождения, приблизительно в начале 50-х годов, число таких случаев увеличилось. При Александре II, вплоть до самого освобождения, не прекращались подобные расправы с помещиками и вотчинными властями (убийства их и проч.). В 1855 г. количество этих случаев, по официальной статистике, было 16 в 13 губерниях [2]. В 1856 г. убийств было 8, покушений 2 и случаев побоев и других оскорблений—11. В 1857 г. убийств было 5, покушений 4 и случаев побоев также 4. В 1858 г. убийств помещиков не было, но в 8 случаях им были нанесены более или менее тяжелые побои, 1 управляющему были нанесены

---

[1]) В. И. Семевский. „Кр. вопрос", т. II, стр. 585.
[2]) Материалы для ист. креп. права в России, т. I, стр. 290—291.

раны, а другой был убит, в 4 случаях управляющим были нанесены побои. В 1859 году было 3 случая убийства, 4 покушения и 3 случая побоев. Наконец, накануне 19 февраля 1861 г., в 1860 г. было 3 убийства, 1 покушение и 3 случая побоев, а в течение только 2-х месяцев 1861 г. (январь и февраль) было 2 убийства, 1 покушение и 1 случай побоев [1].

Это несомненно далеко не все случаи нападений крестьян на помещиков. „Большинство считало нужным молчать, видя в оглашении таких случаев не только позорящее для того, на кого нападение было произведено, но и опасное для сохранения помещичьего авторитета“ [2]). Не забудем, что подобные расправы чаще всего были следствием злоупотреблений помещичьей властью. Поэтому помещики, чувствующие за собою подобные грехи, предпочитали, боясь ответственности, замалчивать покушения и расправы с ними, расправляясь с обидчиками собственными средствами.

Причинами этих расправ с помещиками были чаще всего крайняя требовательность помещиков, страх перед наказанием или месть за него; видное место в числе причин занимает также разврат помещиков; кроме того, убийства и покушения на убийства совершались при сдаче в рекруты, при введении общественной запашки, из-за опасения переселения и проч. Способы убийства были крайне разнообразны: удушение, зарезание, выстрел из ружья и т. п.

Страх перед подобными расправами об'единял помещиков. Кн. Волконский указывает, что во 2-ой половине 50-х годов помещики Рязанской губернии собирались вместе для выработки мер воздействия на крестьян в виду часто повторявшихся нападений крестьян на помещиков. Особенно страшились помещики массовых убийств, подобных тем, какие происходили во время пугачевщины или в Галиции в 1846 г. В 1848 г. в Смоленской губ. среди помещиков ходили тревожные слухи, что недалеко „мужики режут помещиков и что нет ничего невозможного в том, что у нас скоро начнется то же самое“. Даже дети,—говорит смоленский дворянин, сообщивший

---

[1]) Цифры, относящиеся к 1856—1858 годам, взяты из отчетов Деп. Пол. Исп. Министерства Внутр. Дел за эти годы (А. М. В. Д. Деп. Пол. Исп. 1857 г. № 877; 1858 г. № 564 и 1859 г. № 538).—Относительно 1859 и 1860 г. приведены данные, имеющиеся в еженедельных справках, составлявихся для доклада Александру II (А. М. Вн. Д. Земск. Отд. Канцелярия 1859 г. № 1 и 1860 г. № 2). Цифры 1861 г. получены на основании дел, хранящихся в Деп. П. Исп. и Земск. Отдел М. Вн. Д. за 1-61 г.

[2]) Кн. Волконский. „Условия развития помещичьего хозяйства“, стр. 42.

этот факт, — были в том же унылом настроении, в котором были тогда все“ [1]). Подобные слухи тем более тревожили помещиков, что среди крестьян действительно ходили слухи о необходимости вырезать панов. Так, по словам гр. Киселева, в Юго-Западном крае в 1831 г. между крестьянами разнесся слух, что вскоре последует указ об умерщвлении шляхты и евреев; это было, добавляет Киселев, всегдашнее народное толкование [2]). Подобные же слухи о близкой резне панов и шляхтичей были замечены в Гродненском уезде в 1846 г. [3]). В Белостокском уезде в то же время один крестьянин просил священника освятить нож, об'яснив, что „пришло время расчитаться с панами за прошлое“ [4]). В 1847 г. в Киевской губ. распространились слухи о возобновлении колиивщины, или резни поляков и евреев [5]). В Царстве Польском и в западных губерниях мысль об избиении помещиков, вообще, пользовалась в то время большой популярностью, очень вероятно под влиянием галицийских событий [6]).

Правительство, конечно, круто расправлялось с крестьянами за убийства и различные насилия над помещиками. Но в то же время оно не могло не обратить внимания, что эти расправы вызываются, главным образом, злоупотреблениями помещичьей властью. Поэтому на ряду с репрессиями по адресу крестьян правительство принимало некоторые палиативы для устранения причин этих насилий над помещиками. Так, после убийства могилевского помещика Свадковского, отличавшегося жестоким обращением с крестьянами, Николай I повелел сделать строгие выговоры губернатору, губернскому и уездному предводителям дворянства, а некоторых местных чиновников предать уголовному суду; об этом по высочайшему повелению было сообщено для назидания губернаторам и губернским предводителям. В 1842 г., по случаю довольно многочисленных случаев убийств и покушений на жизнь помещиков и управляющих, было отдано распоряжение, чтобы при подобных случаях производилось особое розыскание губернским

---

[1]) „Воспоминания смоленского дворянина“. Русская Старина, 1895 г., июль, стр. 117.

[2]) Заблоцкий-Десятовский. „Гр. Киселев и его время“, т. IV, стр. 146.

[3]) А. М. Вн. Д. Деп. П. Исп. 1846 г. № 969.

[4]) Попружанко. „Эпизод из истории польского крестьянства“ (1846—1848 г.). „Ист. Вестн.“, 1894 г., июль, стр. 123.

[5]) Петров. „Обществ.-политич. брожения в Киевск. губ. в 1846 и 1847 гг.“. Ист. В. 1885 г., кн. 9, стр. 542.

[6]) Попружанко. „Эпизод из истории польского крестьянства“ (1846—1848 г.). Ист. Вестн., 1894 г., т. 2, стр. 717—718; 724.

предводителем дворянства и жандармским офицером для выяснения причин их [1]).

Поджоги также занимали одно из видных мест в борьбе крепостных с помещиками. Как показывает статистика преступлений, число сосланных за поджоги было больше всего в местностях с густым сельским населением. Крестьяне поджигали из мести притеснителям, иногда из других побуждений, расчитывая, например, нанести этим значительный материальный убыток и вынудить этим отпустить их на волю за умеренную плату. Эти поджоги, нанося крупные убытки помещикам, были, конечно, опасны и для самих крестьян. Учащались ли случаи поджогов ко времени реформ — неизвестно. Сохранилось любопытное свидетельство, относящееся к кануну об'явления воли и указывающее, что и в этом направлении крестьяне начинали,—по крайней мере местами, — сильно наступать на помещиков, прибегая к выкуриванию их из имений. Некий помещик Енишерлов в письме от 29 января 1861 г. к редактору „Сельского Хозяйства" сообщал об участившихся поджогах в Краснослободском уезде Пензенской губ. Он указывал, что в короткое время поджоги произошли у 5 помещиков. Если первый помещик, по слухам, давал крестьянам поводы быть недовольными им, то последние 4, по указанию лично знавшего их Енишерлова, были людьми „добрыми и порядочными, и если их постигла такая участь, то в целой России едва ли есть кто-либо из помещиков, которому бы не грозила подобная катастрофа". „И прежде было слышно,— пишет Енишерлов,—что здесь и там сожгли усадьбу помещика, но так как эти пожары происходили в разных концах губернии, то они не обещали ничего особенно ужасного; здесь же случилось это в одном и том же околодке, и при том промежутки между пожарами чем далее, тем становятся короче, а потому теперь здесь не без основания многие ожидают, что тем дело не кончится". Енишерлов ставил эти поджоги в связь с ожидаемой реформой и выражал опасение, что они усилятся с об'явлением Положения, когда крестьяне убедятся, что их ожидания обмануты. Это письмо министр государственных имуществ переслал министру внутр. дел. По сделанному последним запросу ответ от пензенского губернатора получился лишь во второй половине августа 1861 года. Губернатор сообщал, что опасения Енишерлова не оправдались.

---

[1]) В. И. Семевский. „Кр. вопрос", т. II, стр. 573—574.

Очевидно, об'явленная реформа направила силы крестьян в другую сторону [1]).

Побеги по внешней форме своей являются хотя и незаконною, но довольно мирною попыткою разорвать крепостные цепи. Крестьянин, не вынеся тяжести крепостного права, уходил от помещика. Но, по существу, как для крестьянина, так и для помещиков эта форма протеста была крайне тяжела и невыгодна. Для крестьянина побег знаменовал полное разорение налаженного хозяйства, разрыв с привычным укладом жизни, иногда разлуку с близкими во имя неизвестного будущего. Только горькая нужда или глубокая вера в возможность найти на стороне „волю-долю" могла побуждать крестьян решаться на этот шаг. Кряхтели от побегов и помещики. Побег означал собою потерю рабочей силы, и чем большая группа крестьян решалась бежать, тем больший ущерб наносился хозяйству. В местах, где побеги были особенно распространены, хозяйственные расчеты постоянно нарушались, особенно если побеги совершались в рабочую пору. Необходимость удержать при себе рабочие силы заставляла помещиков в таких местах умерять крепостной гнет. Будучи бессильными удержать крестьян на местах, помещики прибегали к помощи правительства. Последнее с своей стороны серьезно было озабочено борьбою с побегами, будучи вынуждено применять иногда даже военную силу для возвращения беглецов или для предупреждения побегов. Оно возвращало беглецов помещикам, должно было стеснять свободу поселения в пограничных местах, куда устремлялись беглые, чем нарушало государственные интересы.

И тем не менее побеги все расширялись и расширялись, принимая характер массовых и народных движений, по своим размерам и полному нарушению обычного уклада крепостной жизни приравнивающихся к наиболее крупным крестьянским волнениям. Можно сказать даже больше. В то время как так-наз. крестьянские волнения во 2-ую четверть XIX века почти никогда не выходили за пределы отдельного имения [2]), побеги, под влиянием того или другого слуха, об'единяли общим настроением, однородностью действий крепостное население целых уездов и даже губерний. Сотни и тысячи крестьян двигались в одном направлении под влиянием одного и того же

---

[1]) А. М. Вн. Д. Деп. П. Исп. 1861 г. № 2918.

[2]) Исключение представляют волнения в имениях, представлявших раньше из себя одно целое, но распавшихся между несколькими помещиками.

слуха, об'единенные одною и той же целью. В этом отношении побеги представляли для помещиков и правительства более грозное явление, более грозный симптом пробуждающейся солидарности крепостной массы в поисках выхода из крепостной неволи, чем обычные неповиновения, отличающиеся разрозненностью, быстрою подавляемостью, мирные по форме и внушавшие опасения лишь ростом количества их ко времени реформы в связи с другими формами борьбы крестьян с крепостным правом. Это легко подметить даже из краткого обзора того и другого вида протестов.

Мы не будем касаться единичных побегов, которые в настоящее время еще не подсчитаны, да и вряд ли когда можно будет это сделать. Эти побеги происходили под влиянием притеснений помещиков, от страха перед наказанием, рекрутчиной, по личным мотивам и т. д. Скажем несколько слов о побегах, в которые иногда выливались те или другие волнения. Крестьяне, не желая подчиниться тем или другим распоряжениям правительственных властей или помещика, иногда желая выждать решения возбужденного ими судебного иска или по поданной жалобе, скрывались из имения временно или навсегда, смотря по обстоятельствам дела. Целые деревни пустели, крестьянские помещичьи хозяйства разорялись, и нередко помещик принужден бывал за бесценок продавать разоренную, обезлюдевшую деревню.

Мы остановимся, главным образом, на побегах, по поводу различных слухов об освобождении, при переселении в те или другие местности, в основе которых зачастую лежали действительные распоряжения правительства о заселении той или другой местности, не имевшие отношения к крепостным крестьянам. Так, в середине 20-х годов происходили массовые побеги из Воронежской, Саратовской, Пензенской и Симбирской губерний под влиянием слухов, что помещичьи крестьяне будут поселены на свободных землях по Уралу. Правительство было настолько озабочено этим движением, что в места побегов был командирован сенатор кн. Долгоруков. В начале 30-х годов потянулись беглецы из Саратовской, Курской, Симбирской и Нижегородской губ. на Кавказ записываться в казаки, ибо прошел слух, что правительство вызывает желающих селиться по Кавказской линии, с предоставлением им различных льгот и в том числе, конечно, воли. И опять-таки для прекращения этих побегов правительство нашло нужным командировать флиг.-ад'ютанта кн. Трубецкого. Ловля этих беглецов шла в 1830, 31 и 1832 годах. В 1834 г. крестьяне целыми

партиями бежали из Воронежской губ.; в 1837 г. в этой губернии опять проявились частые побеги на Кавказ; то же наблюдалось и во внутренних губерниях. Одних воронежских крестьян было задержано в Области Войска Донского около 900 человек, в Черноморьи около 250. В 1839—1840 гг. жалуются на побеги помещики Херсонской, Подольской и Волынской губерний. В 40-х годах побеги усиливаются. В 1841 г. из Белицкого уезда Могилевской губ. бежало до 1.000 чел., бежали из Харьковской, Екатеринославской (по 200—250 чел.), Херсонской, Подольской, Волынской губ. В 1843 г. бежали на Кавказ 157 чел. из Пензенской и Тамбовской губ. под влиянием слуха, что правительство отвело земли на Кавказе для приписки крепостных с дарованием им воли. В 1845 г. крестьяне опять целыми толпами бегут на Кавказ. В 1847 г. побеги принимают местами стихийный характер. До 1.300 человек бежали из Саратовской, Курской, Воронежской губ. на Кавказ опять-таки под влиянием слухов о свободном и льготном поселении там крепостных людей. С места трогались целые семьи, деревни, продавая имущество за бесценок или оставляя его на произвол судьбы. Подобные побеги замечались и в других сопредельных губерниях. В Курской губ. к побегу готовилось до 20.000 человек, но они были остановлены насильственным возвращением раньше бежавших. Здесь, при задержании беглецов военною командою, крестьяне оказали сопротивление, выхватили оружие из рук солдат и перевязали полицейских чиновников; впрочем, эти крестьяне были быстро усмирены. Еще обширнее и интенсивнее по силе сопротивления местным властям и военным командам было движение витебских крестьян в том же году. Это движение привлекло к себе внимание общества и правительства и поразило современников своими размерами и формами.

Витебское движение вспыхнуло на почве тяжелого экономического положения крестьян, сделавшегося особенно невыносимым из-за трехлетних неурожаев. Измученное население жадно ловило слухи о воле или каких-либо льготах для себя. Слухи же были крайне разнообразны. Особенною популярностью пользовались слухи, что в великороссийских губерниях уже дали волю и следует спешить туда. Под влиянием этих слухов, витебчане двинулись в великороссийские губернии целыми семьями и деревнями. Движение, начавшись весною 1847 г. в Себежском уезде, быстро охватило 2 других уезда и готово было распространиться на всю Витебскую губернию. В пути крестьяне оказывали сопротивление военным командам, которые

пытались остановить народную лавину. Общее количество охваченных движением простиралось до 10.000 человек. Для усмирения пришлось употребить 1 пехотный полк, 1 батальон, 2 роты из других полков. Для усмирения были командированы два фл.-ад'ютанта. Движение подавили военною силою, репрессиями и организацией продовольственной помощи.

После 1847 г. до половины 50-х годов неизвестно крупных массовых движений, подобных указанному. Но затем в 1854, 1855 и 1856 гг. мы снова встречаемся с крупными народными движениями, так или иначе связанными с Крымскою войною. То были движения крестьян по поводу призыва в морское ополчение в 1854 г., в государственное ополчение в 1855 г. и массовые побеги крестьян в „Таврию за волей" в 1856 г.

В 1854 и 1855 гг. государство, напрягая силы в борьбе с внешним врагом, обратилось к населению за помощью. Крепостные горячо откликнулись на этот призыв под влиянием слухов, что участникам ополчения будет дарована воля. Толпами потянулись крестьяне записываться в ополчение. В 1854 г. движение наблюдалось в 10 губерниях, и его пришлось подавлять силою оружия. Для задержания крестьян были посланы войска и командированы 2 фл.-ад'ютанта. В 1855 г. движение было еще сильнее, проявившись в 6 великороссийских и в Киевской губерниях. Движение приняло огромные размеры, перекидываясь из имения одного помещика в имение другого. Господские работы в таких местах в большинстве случаев прекращались, и крестьяне отказывались от какого бы то ни было повиновения помещикам, ибо, по их мнению, с записью в ополчение, крепостная зависимость прекращалась. И это движение пришлось подавлять силою оружия. В нескольких местах Киевской губ. произошли кровавые столкновения военных команд с крестьянами, во время которых, по официальным сведениям, было убито 37 крестьян и ранено 57. В тяжелое военное время для усмирения крепостных в одной Киевской губ. пришлось двинуть 16 эскадронов кавалерийской дивизии, 2 роты сапер, резервный батальон Бельского егерского полка и 1 дивизион. В великороссийских губерниях усмирение совершено было с большею легкостью, но и здесь произошло одно кровавое столкновение между военною командою и крестьянами.

В 1855 г. для усмирения опять было командировано два флигель-ад'ютанта.

Эти движения 1854 и 1855 гг., происшедшие во время тяжелой для государства Крымской войны, имели громадное влияние на общество, а главным образом на правительство.

Они ярко подчеркнули молодому императору, только-что вступившему на престол, что при крепостном праве правительство не может свободно распоряжаться подвластным и преданным ему населением, даже в минуты государственной опасности, что крепостное право противоречит государственным интересам, и что во имя охраны крепостного права приходится последние приносить в жертву первому. Новому императору эти движения отчетливо показали напряженность и общность стремления крепостных к воле, способность крепостных масс переходить из инертного состояния в активное под влиянием одной и той же идеи или слуха на громадном расстоянии, без всякого сообщения друг с другом и без всяких подстрекательств. Это были слишком грозные признаки народного возбуждения: подобные движения грозили слишком большою опасностью для общественного и государственного порядка, чтобы не навести Александра II на сознание необходимости покончить разом с крепостным состоянием.

Еще более должно было укрепить опасения Александра II и доказать серьезность и упорность народных ожиданий воли вспыхнувшее народное движение на юге России в 1856 г.

Под влиянием слухов, что в Крыму дают волю переселившимся туда, крепостной люд целыми семьями и деревнями стал сниматься с родных мест и двигаться к Перекопу. Движение это началось в Екатеринославской губернии, где число бежавших только в 2 уездах простиралось до 9.000 человек. Движение перекинулось затем в Херсонскую губ., где число беглецов доходило до 3.000 человек. С меньшею силою проявилось это движение в Черниговской, Полтавской, Харьковской, Курской и Орловской губерниях.

Для подавления движения опять пришлось употребить военную силу и командировать фл.-ад'ютанта. При этом произошло, по официальным сведениям, 6 кровавых столкновений между крестьянами и солдатами с 5 убитыми и 50 ранеными.

Репрессиями и другими мерами движение было подавлено, но впечатление от него осталось, хотя, быть может, и не столь сильное, как от движений 1854 и 1855 гг. В отчете Департамента Полиции Исполн. за 1856 г. этому движению посвящено не меньше места, чем движению 1854 и 1855 г. в отчетах предыдущих годов. В отчете за 1858 г. указывается одинаково на движение 1855 и 1856 г., как на признак возбужденного настроения народа, заставляющего опасаться за спокойствие крепостных при обнародовании рескриптов. Наконец, секретный циркуляр министра внутренних дел от 26 июля 1856 г.,

об'являвший все слухи о воле не имеющими никакого основания, предписывал, на основании высочайшего повеления, „немедленно принять меры предупреждения, дабы избежать последствий, подобных тем, какие происходили недавно в Новороссийском крае, где открылись весьма значительные побеги крестьян в Крым“...

Что этот циркуляр вполне соответствовал мысли Александра II, свидетельствует собственноручная надпись его на подлиннике: „Очень хорошо“.

На ряду с побегами и другими формами борьбы крепостных с крепостным правом, росло количество и т. наз. волнений или, вернее, неповиновений крестьян. За период времени от 1826 по 1861 г. более или менее известны 1186 волнения [1]).

По десятилетиям они распределялись следующим образом:

1826—1834 г.	148	волнений
1835—1844 г.	216	„
1845—1854 г.	348	„
1855—1861 г.	474	„

Как видим, количество волнений росло по мере приближения к реформе. Происходили они повсеместно и за время от 1826 по 1854 г. на каждую из 45 губерний приходилось по 15 волнений [2]). Причины этих волнений были крайне разнообразны, и зачастую самим современникам было трудно определить, что служило главною причиною неповиновения. Не анализируя здесь этих причин [3]), скажем лишь, что характернейшие черты второй четверти XIX века — стремление крестьян сбросить с себя крепостные цепи и хотя бы ослабить усилившийся экономический гнет — нашли себе верное отражение в крестьянских волнениях.

Волнения николаевского времени, разросшись в количестве, не углубились, однако, ни по силе сопротивления, ни по спло-

---

[1]) Приведенные выводы сделаны на основании подлинных дел, хранящихся в архиве б. Мин. Внутр. Дел, отчетов Министерства Внутр. Дел за 1836—54 г. (Мат. для ист. креп. права) и „Истории министерства внутр. дел“ Варадинова (т. III кн. 1—4), составленной также на основании подлинных дел, многие из которых в настоящее время в архиве Мин. Внутр. Дел уже уничтожены. Некоторые факты почерпнуты из местных исследований Повалишина, Мордовцева, Снежневского и др., из воспоминаний современников и т. д.

[2]) Всего за время от 1826 по 1854 г. было 712 случаев волнений.

[3]) См. об этом статью „Основные черты крестьянских волнений перед освобождением“.

ченности населения. Они попрежнему были мирны по форме, слабы по силе сопротивления, крайне разрозненны и редко выходили за пределы отдельных крепостных ячеек. Достаточно сказать, что из 271 имения, о которых имеются более или менее подробные сведения, лишь в 34 имениях оказано было какое бы то ни было сопротивление военной команде; вооруженные же столкновения с военными командами случились лишь в 8 имениях за все 29 лет. Конечно, если мы будем судить о силе волнения по мерам усмирения, то, пожалуй, можем сделать неправильное заключение о силе волнений и упорстве неповиновений. Так, военные команды вводились в 259 случаях, в 80 случаях крестьяне были преданы военному суду и т. д. Но меры усмирения относятся скорее к характеристике правительственной политики в крестьянском вопросе, и суровость их зависела как от влияний в высших правительственных сферах, так и от взглядов и ретивости местных властей.

Однако, некоторые стороны волнений и увеличение их числа сильно тревожили помещиков. Почти каждое волнение сопровождалось полным или частичным неповиновением помещику целого крестьянского общества или группы крестьян [1]). Чаще всего крестьяне отказывались от работ, от платежа оброка или других повинностей. Подобные отказы наносили, понятно, серьезный материальный ущерб помещикам и расстраивали помещичьи хозяйства. Волнения обыкновенно сопровождались подачею крестьянами жалоб, возбуждением ими того или другого судебного иска и т. п., что вовлекало крестьян в довольно крупные расходы. В некоторых случаях крестьяне отказывались от собственных работ, разбегались при вводе военных команд и т. д., что также разоряло их. Самое усмирение правительственными властями, необходимое для помещиков, чтобы быстро прекратить неповиновение, было палкою о двух концах. Наезд чиновников, содержание их и введенных военных команд били помещика по карману даже в том случае, если эти расходы взыскивали с виновных крестьян; но бывали случаи, когда расходы эти, в виду бедности и разорения самих крестьян, взыскивались непосредственно с самого помещика. Аресты крестьян, допросы их, наказания по суду, особенно если осужденные удалялись из имения, лишали помещика рабочих сил на время или навсегда. Все это наносило поме-

[1]) Неповиновений отдельных личностей мы в своем изложении не касаемся.

щичьим хозяйствам большой ущерб и заставляло помещиков — помимо всяких других соображений — страшиться волнений в силу материальных расчетов. Нельзя игнорировать того, что всякое волнение и усмирение его могло повлечь за собою раскрытие злоупотребления помещичьей властью, если таковое было, и подвести помещика под ту или другую кару. Это также могло служить немаловажною причиною, почему помещики так боялись возникновения волнений в их имениях.

На ряду с этим, подавление вспышки неповиновения не означало еще усмирения крестьян. „Обычного повиновения“, „обычного спокойствия“ не наступало нередко и после усмирения. Враждебность, мелкие ослушания, небрежность при исполнении повинностей наносили не меньший ущерб хозяйству, не меньше досаждали помещику, чем открытое неповиновение, при котором можно было призывать на помощь правительственные власти для применения репрессий. Иногда, как упоминалось, крестьяне постепенно разбегались. Иногда, удачно и быстро подавленная, вспышка неповиновения через некоторое время возобновлялась с еще большею силою, иногда эти вспышки повторялись в год по нескольку раз, из года в год, или возобновлялись через несколько лет. В промежутках крестьяне, большею частью, находились в состоянии скрытого брожения. При этом можно отметить, что с каждым разом вспышки становились сильнее и неповиновение упорнее, а крестьяне все заметнее и заметнее озлоблялись как против помещиков, так и против правительственных властей. Иногда волнение, первая вспышка которого была совершенно мирного характера, кончалась вооруженным сопротивлением, и только суровейшие репрессии, кровавое усмирение, продолжительный постой военной команды сламывали их упорство. Бывали случаи, когда неповиновение в таких имениях поддерживалось только постоем военной команды. Это не могло стать обычным состоянием имения, и постой мог совершенно разорить крестьян. Такого рода волнения заставляли иногда самих помещиков просить о взятии имения в опеку, купить его в казну; иногда помещик старался продать такое имение в другие руки или отделаться от него каким-либо другим путем. Подобные имения менее охотно покупались, теряли в цене. Бывало и так, что помещик, узнав после покупки имения, что крестьяне здесь перед тем волновались, старался быстро перепродать его.

Для правительства волнения, несмотря на их мирный характер, доставляли много хлопот, ибо, по тем или другим причинам, приходилось употреблять военную силу и другие

средства для их подавлений. Правительство не могло также не озабочиваться замечающимся возрастанием их количества, несмотря на принимаемые репрессии и другие меры, а также на наростающее недоверие крестьянских масс к местным и даже центральным властям, за исключением одного лишь царя. Эти признаки, на ряду со все растущей восприимчивостью крестьян к слухам о воле, передвижениями *масс* под их влиянием, как то было в витебском движении 1847 г. и в массовых движениях 1854—1856 гг., составляло то грозное дыхание крепостной массы, которое сильнее, чем слова, говорило правительству о растущем раздражении крестьян, о все сильнее, глубже и шире охватывавшем их стремлении к воле, заставлявшем их без размышления, без дум, под влиянием как бы заразы, бросать родные места в поисках за волею, быть готовыми жертвовать своими силами и жизнью, идя в ополчение, чтобы добыть волю себе и своим близким. Это было могучим фактором приступа к крестьянской реформе, это было грозным призраком, вставшим перед Александром II, по вступлении его на престол, и не давшим ему успокоиться на простом об'явлении слухов о воле ложными.

Крестьяне же не переставали волноваться до самого освобождения, как бы напоминая этим, что, пока существует крепостное право и не раздастся слово освобождения, мира с помещиками не будет. Так, в 1855 г., помимо движения по поводу государственного ополчения, были волнения в 10 имениях, в 1856—в 25-ти, в 1857—в 40 имениях, в 1858 г. было почти 200 случаев неповиновений, в 1859 г.—75, в 1860 г.—более 114, а в 2 зимних месяца (январь и февраль)—почти 10, не говоря о других формах протеста, о которых говорилось выше.

Рост „духа недовольства“, разного рода протестов и народных движений не оставался незамеченным дворянскою массою, и чем ближе мы подходим к эпохе реформ, тем сильнее реагирует дворянство на настроение и поведение крестьян, тем сильнее охватывает его страх перзд возможностью народного восстания, повторением пугачевщины или галицийской резни в русских условиях. К сожалению, мы не имеем возможности в этом беглом очерке проследить за этим нарастанием тревожного настроения дворян. Мы отметим лишь некоторые факты.

Уже в начале царствования Николая I мы встречаемся с жалобою вологодского дворянства на распространившийся

среди крестьян дух буйства, непокорности [1]). Заблоцкий-Десятовский в своей записке 1841 г. свидетельствует, что „дворянство сходится в одном, в чувстве страха восстания крестьян“, и он признает, что эти опасения „не без основания“ [2]). Барон Гакстгаузен, мнение которого также относится к 40-м годам, говорит, что „все умные русские люди сознают необходимость уничтожения крепостного права“, замечая при этом, что „важнейший вопрос дня состоит в том, чтобы разрешить эти отношения, не вызвавши социальной революции“ [3]). Министр внутренних дел Перовский в своей известной записке 1845 г. называет в числе причин, по которым дворяне без страха относятся к уничтожению крепостного права, „раздоры“ между крестьянами и помещиками, вытекающие из неопределенности крестьянских обязанностей [4]). В конце 40-х годов страхи дворян обострились. Галицийская резня 1846 г., соответствующие слухи среди крестьян резко поставили вопрос о возможности таких же событий и у нас. Петрашевский в одном из своих писем указывал „на возобновление общего внимания к эмансипации крестьян“, под влиянием привезенных киевским ген. губернатором Бибиковым известий, что крепостные смежных с Галицией губерний „весьма расположены вырезать помещиков“. О влиянии слухов о Галицийской резне приходилось уже говорить. Как указано В. И. Семевским, динабургское дворянство возбудило ходатайство о выработке правил освобождения крестьян—после восстания в Галиции и в виду предстоящего определения крестьянских повинностей, а среди побудительных причин, по которым витебское губернское депутатское собрание в 1846 г. выразило готовность освободить крестьян, были волнения последних [5]). Во время кампании за отмену столь неприятного для помещиков указа 8 ноября 1847 г., дворянство, в лице губернских предводителей дворянства, апелировало к возможности обострения враждебных отношений между крестьянами и помещиками и к беспорядкам, происшедшим или могущим произойти в связи с этим указом. Революция 1848 г. возбудила сильнейший страх

[1]) Середонин. „Обзор деятельности комитета министров“, т. II, ч. 1, стр. 231.

[2]) Заблоцкий-Десятовский. „Гр. Киселев и его время“, т. IV, стр. 336.

[3]) Барон Гакстгаузен. „Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России“. Москва. 1869 г., т. I, стр. 72.

[4]) В. И. Семевский. „Кр. вопрос“, т. II, стр. 138.

[5]) В. И. Семевский. „Кр. вопрос в России во 2-й половине XVIII и первой половине XIX в.“, ст. в сборнике „Крестьянский строй“, стр. 275—276.

в дворянах перед возможностью чего-либо подобного у нас. Киреевский писал Погодину после февральской революции, что должно желать только того, чтобы правительство... „не возмущало народ ложными слухами о свободе и не вводило бы никаких новых законов, покуда утишатся и об'яснятся дела на Западе, чтобы, например, оно не делало инвентарей к помещичьим имениям, что волнует умы несбыточными надеждами“ [1]). В этом отношении правительственная реакция в крестьянском вопросе после 1848—49 г. вполне соответствовала желаниям дворян.

В 50-х годах опасения дворян обострились. На это указызывает целый ряд современников. Чиновник особых поручений в Рязанской губернии, Славутинский, пишет в своих воспоминаниях, что в середине 50-х годов „крестьянскими бунтами и всем, что относилось к ним, даже причинами, по которым они возникали, интересовались уже чрезвычайно“. При разговорах на эту тему помещики жаловались, что приходится жить в тяжелое время, что „прежде, еще так недавно, ничего подобного не случалось“. Славутинскому приходилось слышать общим хором выражаемые опасения, что при таком настроении крестьян, при склонности их к волнениям, к покушениям на помещиков и к нанесению им побоев уже нечего ждать доброго и в будущем. Эти опасения Славутинский слышал года за $1^1/_2$ до начала освобождения крестьян. „Вообще,—говорит Славутинский,—опасения насчет будущего положения крепостных отношений, насчет как будто бы уже неминуемого с каждым годом усиления реакции со стороны самих крестьян против крепостного права сделались к тому времени чем-то нормальным в обществе как между помещиками, так и между чиновниками“. По его мнению, „через них-то именно и началось общественное сознание относительно необходимости порешить окончательно с крепостным правом“ [2]).

Многие опасались восстания при приступе к отмене крепостного права. Эти страхи, по указанию того же Славутинского, были именно результатом „тех крестьянских волнений, которые за последнее десятилетие перед 1857 г. стали случаться часто, стали обходить уезд за уездом“ [3]). А. И. Кошелев также указывал, что, под влиянием страха перед народ-

---

[1]) Барсуков. „Жизнь и труды М. П. Погодина“, т. IX, стр. 303.

[2]) Славутинский. „Выдержки из отрывочных воспоминаний“. Др. и Нов. Россия, 1879 г. № 9, стр. 388.

[3]) Ibid., стр. 389.

ным восстанием в 1854—55 гг., ярые крепостники готовы были на самые невыгодные условия освобождения, лишь бы развязаться с крепостным правом [1]). Самарин в своей записке 1856 г. говорит также об опасениях помещиков за свою безопасность. В одной статье 1856 г. он отмечает, что „дворяне сознают про себя непрочность своих прав и опасаются одинаково народной расправы и внезапного, неподготовленного распоряжения правительства... Просвещеннейшие из них... откровенно сознаются в настоятельной необходимости предупредить грозящую опасность своевременными уступками и добросовестно изыскивают способ перейти от настоящего напряженного положения к более прямому порядку вещей. Доказательством может служить множество записок об упразднении крепостного права, ходящих по рукам в Москве и Петербурге и оттуда распространяющихся по всей России“ [2]). И мы знаем, на примере хотя бы сильно распространенных в освободительные годы записок самого Самарина, Кошелева, Кавелина, что мотив возможности народного восстания, в случае промедления реформы, является в них одним из главных доказательств необходимости немедленно приступить к отмене крепостного права на основе наделения крестьян землею.

Не менее важно было влияние крестьянских протестов во время самой выработки Положения 19 февраля. А. А. Корнилов отмечает, что одною из причин невозможности для дворян медлить с ходатайствами об улучшении быта крестьян, после ходатайств с.-петербургского, нижегородского и московского дворянств, было опасение народных волнений. „Сами помещики,—говорит он,—везде понимали, что отстать от других невозможно и даже опасно, так как промедление могло легко вызвать беспокойство и волнения среди крестьян“ [3]). Крестьяне в этом отношении бессознательно следовали политике систематического устрашения.

Если мы сопоставим таблицу крестьянских волнений 1858 и 1859 гг. по месяцам с таблицею ответных рескриптов на ходатайства дворян об открытии губернских комитетов и времени закрытия их, то убедимся, что, за малыми исключениями, крестьянские волнения и другие формы протестов были чаще до рескриптов, замирали во время работ комитетов и возобно-

---

[1]) А. И. Кошелев. „Записки“.—Приложения, стр. 78.—Берлин, 1884.
[2]) Самарин. Собр. сочинений, т. II стр. 139—140.
[3]) А. А. Корнилов. „Крестьянская реформа 19 февраля 1861 г.“, стр. 316. Сборник „Крестьянский строй“, стр. 316.

влялись с новою силою с закрытием их, когда, под влиянием переноса крестьянского дела в Петербург, среди крестьян возникли слухи, что дворянам опять удалось или удастся скрасть волю.

Неспокойное поведение народных масс сыграло весьма крупную роль в деле ускорения реформы. Справедливы были сетования многих дворян, что с оглашением приступа к реформе, крепостное право в сущности было разрушено. Крестьяне лишь выжидали об'явления воли, крепостные повинности выполнялись крайне небрежно; крестьяне сильнее и чаще реагировали на злоупотребления помещичьей властью, жалуясь и волнуясь нередко по поводу таких действий помещиков, которые раньше сносились безропотно. С другой стороны и помещики, в виду повышенной чувствительности крестьян и усиленного внимания администрации к обращению помещиков с крестьянами, опасались пользоваться вотчинною властью с прежнею смелостью. Калужский помещик Доломанов, например, жестоко наказывавший раньше крестьян за каждую небрежность в сельских работах, прекратил наказания со времени начала реформы. Некоторые помещики сознательно уклонялись от всяких расправ с крестьянами собственною властью и по каждому случаю неповиновения или грубости обращались за содействием к земской полиции.

При подобных отношениях между крестьянами и помещиками крепостное хозяйство, расчитанное на сильную вотчинную власть помещиков и безусловное повиновение крестьян, не могло итти успешно, и помещики должны были жаждать скорейшей развязки в ту или другую сторону. Крайне характерно письмо А. И. Кошелева от 26 мая 1860 г. из села Песочного Рязанской губ. Он указывал на полное расстройство хозяйства в силу бездействия крестьян, выжидающих воли и ждущих, что царь прикажет. Власть полиции, помещика ослабела, воровство, пьянство усилились, барщина плоха, землю не унаваживают, не делают никаких условий при переходе на оброк, одним словом—полный хозяйственный застой, хотя народ и спокоен. Кошелев умоляет торопиться с реформою, ибо при промедлении может произойти бунт [1]). В другом письме от 30 июня 1860 г. он указывает на готовность всех помещиков принять какой угодно проект, лишь бы прекратить создавшуюся неурядицу (Кошелев имеет в виду Тамбовскую, Пен-

---

[1]) Кн. О. Трубецкая. „Материалы для биографии кн. В. А. Черкасского“, т. II, стр. 190—191.

зенскую, Саратовскую и Самарскую губернии). Он жалуется, что крепостного права фактически уже нет, но и нет ничего взамен. Кошелев прямо говорит, что помещиков „посадили на кол“ и им волею-неволею приходится жаждать развязки“ [1]). Из фактических данных мы знаем также, что спокойствия среди крестьян не было, волнения не уменьшались, а скорее росли.

Необходимо отметить также, что опасения крестьянских беспорядков заставляли дворян считаться с народными взглядами на волю. Помещикам, постоянно соприкасавшимся с крестьянами, был хорошо известен взгляд последних на неразрывность их с землею. Можно сказать, что мысль о необходимости наделения крестьян землею как в правительственных, так и дворянских кругах, завоевала в XIX веке право гражданства в значительной степени под влиянием опасений, что безземельное освобождение может вызвать взрыв народного негодования. Это получило особо сильное значение при выработке самого Положения 19 февраля. В записках Самарина, Кошелева, Кавелина, Унковского и др. резко подчеркивалась мысль, что крестьяне не иначе представляют себе освобождение, как с землею, и освобождение может произойти мирно только при условии обеспечения за крестьянами владения землею.

Дворяне ясно сознавали, что вполне мирное разрешение крестьянского вопроса возможно лишь тогда, если будут удовлетворены все народные ожидания от воли. И нужно заметить, что страхи многих помещиков перед грядущим освобождением, опасения общих сильных беспорядков зависели в значительной степени от сознания, что ожидания крестьян от воли не могут быть и не будут удовлетворены. Народная программа „воли“, на которой мы не имеем возможности останавливаться здесь, была настолько шире дворянской, правительственной, даже программы „либеральной“ партии, что полное ее удовлетворение было немыслимо для дворян, даже под страхом кровавого народного восстания: для этого им нужно было отречься от собственных интересов, от собственного бытия. Но уже важно и то, что крестьянские волнения, та борьба, которую крестьяне вели в разных направлениях против различных проявлений крепостного права, заставили хотя в слабой степени считаться с народными требованиями, и выработка Положения 19 февраля происходила под грозным влиянием возбужденных народных масс.

---

[1]) Кн. О. Трубецкая. „Матер. для биогр. кн. В. А. Черкасского“, т. II, стр. 191—192.

Наш обзор был бы крайне неполон, если бы мы ограничились лишь беглыми замечаниями об отношении правительства к крестьянским протестам и влиянии последних на первое. В силу особых условий, влияние правительства в русском государстве особенно сильно сказывалось во всех областях общественной и народной жизни. Самодержавная власть брала исключительно на себя инициативу как во внутренней, так и во внешней политике; она всегда стремилась властвовать над „обывателями", а не „гражданами", строго отмежевывая им лишь сферу частных *обывательских* отношений. Особенно типичным выразителем этой самодержавной идеи был император Николай I. В частности его отношение к крестьянской массе было резко и определенно. Народная масса должна быть безмолвно покорной, и все заботы об ее благе должно было принимать на себя правительство. По поводу галицийских событий 1846 г. он писал кн. Паскевичу: „Происходящее в Галиции—урок добрый и доказывает еще разом более, что никогда черни воли давать не должно, чего у нас отнюдь не допущу. Чернь должна слушать, а не действовать". Поручив ген.-губернатору Бибикову не допускать в Подольской и Волынской губ. ничего подобного тому, что было в Галиции, Николай I замечает, что „никогда не дозволит распорядков снизу, а хочет, чтобы ждали сверху".

Причины, по которым он так опасался крестьянских восстаний, революций снизу, отчасти выражены им в одном из писем к тому же Паскевичу. Он полагал, что народные волнения, народное недовольство являются хорошей почвой для распространения ненавистных ему социальных идей братства и равенства, и для предупреждения такой возможности необходимо держать народ в безмолвной покорности. „Верю очень, — пишет он, намекая, что австрийское правительство виновно в попустительстве галицийской резни, — что теперь австрийцам не легко будет приводить народ к порядку, ибо сколько народное орудие в том случае не было полезно, оно самое опасное, ибо выводит из порядка и послушания, а *тут и коммунизм готов*". Пример пугачевщины, европейские революции—также не могли не учить его, что народные восстания угрожают как самодержавному строю государства, так и социальному строю, основанному на порабощении трудящихся масс сильными политически и экономически группами. Конечно, к к государственный человек, он не мог не понимать, что одними репрессиями он не может сдержать народные массы в повиновении, и во имя самой покорности их нужны свое-

временные уступки назревающим потребностям. Этим об'ясняется его политика в крестьянском вопросе.

На ряду с суровыми репрессиями по отношению к крестьянам, борющимся с помещиками за свои права и волю, на ряду с неоднократными подтверждениями требования безусловной покорности помещичьей власти, он пытается постепенно ограничивать крепостное право, имея конечною целью его уничтожение, он борется со злоупотреблениями помещичьей властью. Его благие начинания в крестьянском вопросе зависели в значительной степени от желания предупредить крестьянские волнения. Принимая в 1842 г. депутатов от смоленского дворянства, он выразил в речи к ним мысль, что лишь перевод крестьян из крепостных в обязанные может предупредить „крутой" перелом. „Лучше нам отдать добровольно, чем допустить, чтобы от нас отняли",—говорил он [1]). Именно так понимали его политику и современники. Смоленский губернский предводитель дворянства кн. Друцкий-Соколинский в своей записке 1849 г. об'яснял возникновение мысли о преобразовании крепостного права желанием правительства предупредить стремление крепостных приобрести свободу [2]). Самая реакция после 1848 г. была отчасти результатом тех же опасений народного восстания. Под влиянием примера революции 1848 г., он готов был отказаться от всяких поступательных шагов в крестьянском вопросе, лишь бы не поддерживать в народных массах брожения против существующих властей. Николай I внимательно следил за всеми формами крестьянских протестов, приказывал докладывать себе особо о выдающихся случаях волнений и требовал тщательного выяснения причин их; некоторые случаи волнений вызывали с его стороны распоряжения и даже законодательные акты для устранения признанной им причины их. Укажем на некоторые факты этого рода.

Обильные волнения крестьян в 1826 г., слухи о воле, а также декабрьское восстание 1825 г. вызвали большое оживление в крестьянской политике. Донесения о циркулировавших в народе слухах о воле и связанных с ними волнениях непосредственно вызвали издание манифеста 12 мая 1826 г., требовавшего от крестьян полной покорности помещикам и об'явившего слухи о воле не имеющими никакой почвы под собою. С целью скорейшего подавления крестьянских волнений

---

[1]) В. И. Семевский. „Кр. вопрос", т. II, стр. 163—165.
[2]) Ibid., стр. 181.

в том же году учреждены смешанные (из гражданских и воинских чинов) военные суды для неповинующихся крестьян. В том же году изданы рескрипты 26 июня и 6 сентября с целью сократить злоупотребления помещичьей властью. Открыт был секретный комитет 1826 г., на обсуждение которого был поставлен и крестьянский вопрос. Слухи о воле, возникшие в 1830 г., и вспышка волнений в этом году вызвали рассылку секретных циркуляров по высочайшему повелению губернаторам от 4 мая 1830 г. и предводителям дворянства от 22 декабря того же года, об искоренении подобных слухов и прекращении самыми деятельными мерами малейших признаков неповиновения крестьян помещикам [1]. В 1833 г. волнение крестьян помещика Грудева Московской губ., работавших на фабрике, побудило составить секретные правила (циркуляр 26 декабря 1833 г.), которыми должны были руководствоваться предводители дворянства в надзоре за вотчинными фабриками. Хотя эти правила, повидимому, не имели практического значения, они интересны, как попытка регулировать крестьянский труд на вотчинных фабриках [2]. В этом же году, обильном беспорядками на почве недостатка продовольственной помощи, Николай I, опасавшийся голодных бунтов, повелел усмирять крестьян силою (оружия), не щадя их [3], а по войскам было отдано дополнительное секретное высочайшее повеление о безотлагательном содействии гражданским властям в случае беспорядков на почве голода. Эти распоряжения вызвали вакханалию усмирений и применение военной силы по самым ничтожным поводам. Вообще следует отметить, что первые годы царствования Николая I, характеризующиеся большим интересом его к крестьянскому вопросу и более широкими планами в области крестьянского законодательства, в то же время отличаются более суровыми репрессиями по отношению к крестьянским беспорядкам.

Мы знаем уже о мерах, принятых по поводу убийства крестьянами помещика Свадковского, и о распоряжениях 1842 г. по поводу участившихся случаев убийств помещиков. Укажем также на волнение крестьян помещиков Чулковых Московской губ. в 1842 г., вызвавшее указ 1842 г. о запрещении лицам, происходившим из крепостного состояния и возве-

---

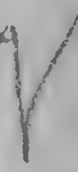
[1]) А. М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп. 1830 г. №№ 235 и 392.

[2]) А. М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп. 1833 г. № 398. См. также Тугана-Барановского. „Фабрика в ее прошлом и настоящем", стр. 111—112.

[3]) Циркуляр 20 сентября 1833 г.—А. М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп. 1833 г. № 420.

денным в дворянское достоинство, владеть населенными имениями, в которых они, или отцы и деды их были записаны по ревизиям. Одновременно с указом 2 апреля 1842 г. о праве помещиков отпускать крестьян в обязанные, был выпущен министром внутр. дел секретный циркуляр в предупреждение могущих последовать слухов в народе о воле и беспорядков в связи с этим; циркуляр предписывал строго наблюдать за разглашателями подобных слухов, подвергая их взысканию по всей строгости законов, и всеми мерами немедленно подавлять случаи неповиновения крестьян их помещикам. Известно также, что отмена указа 8 ноября 1847 г. последовала в значительной степени под влиянием беспорядков по поводу этого указа и опасения, что они усилятся; повлияло и впечатление от революции 1848 г. Наконец, нельзя не упомянуть о волнении крестьян помещика Колонтарова Ставропольской губ. в 1853 г., выделяющемся из волнений начала 50-х годов не только кровавым усмирением (при усмирении против крестьян пущены были в ход пушки), но и некоторым движением в крепостном законодательстве. По поводу этого волнения последовал особый секретный циркуляр, подтверждавший о точном соблюдении манифеста о 3-дневной барщине и раз'яснявший, что перенос барщинных дней с одной недели на другую недопустимы и что время, теряемое на проход на место работ, должно засчитываться в число барщинных дней. Это важное для крестьян раз'яснение, к сожалению, помимо секретности, обессиливавшей его—сделано было накануне, можно сказать, падения крепостного права. В этом деле очень любопытно также утвержденное пр. сенатом постановление губернского правления о крестьянах Колонтарова, чтобы на господские работы с каждого тягла могли брать не более 2-х волов [1]).

Нельзя забывать также при оценке влияния крестьянских протестов сделанного уже замечания, что наиболее ценный шаг в истории крестьянского вопроса ко времени реформы—сознание правительством и обществом необходимости наделения крестьян землею — сделан в значительной степени под влиянием опасений народных волнений при безземельном освобождении.

Преемник Николая I, Александр II, будучи наследником, проявлял консервативные тенденции в крестьянском вопросе, и при вступлении его на престол на него смотрели, как на защитника крепостного права. Но отчасти литературное влия-

[1]) Арх. М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп. 1853 г. № 820.

ние, а главным образом Крымская кампания и народные движения 1854—1856 гг. заставили его изменить прежнее мнение. Для него ясно стало, что во имя государственных интересов необходимо покончить со всем крепостным укладом русской жизни и, прежде всего, с крепостным правом. Народные движения, вихрь слухов о воле, охвативший крепостную массу в 1854—1857 гг., ясно показали ему, что медлить с отменою крепостного права нельзя, если он не хочет, чтобы взмылась народная волна и затопила общество и государство, противящееся ясно выраженным народным интересам. После заключения мира, как говорили, государь сказал на празднике мира: „Теперь мы кончили с внешним врагом; надо начинать войну с врагами внутренними" [1]. В 1856 г., в своей исторической речи к московскому дворянству, он резко и определенно выразил мысль, что отмена крепостного права необходима для предупреждения революции снизу, т.-е. народного восстания во имя свержения крепостного права. Его слова: „лучше, чтобы освобождение произошло сверху, нежели снизу", знаменовали собою целую правительственную программу, исполнение которой можно заметить во всех действиях Александра II, несмотря на массу колебаний, нерешительности, компромиссов, проявленных им на пути реформы.

В соответствии с этой программой, правительство выступило решительно на путь реформы, разыграв вскоре из тактических соображений комедию инициативы самого дворянства в крестьянском вопросе. Эта комедия, впрочем, была до известной степени необходима и с указанной точки зрения правительства—для замирения отношений крестьян к помещикам и рассеяния уверенности крестьян, что дворянство мешает освобождению и скрывает волю.

С другой стороны, правительство всеми мерами стремилось предупредить „освобождение снизу".

В циркулярах оно предписывало тщательно следить за спокойствием крестьян и мерами строгости подавлять неповиновения помещичьей власти, преследовать разгласителей слухов о воле, об'явив последние ложными. Усилив борьбу с злоупотреблениями помещичьей властью, правительство в то же время внимательно следило за крестьянскими протестами. Министр внутр. дел особым отношением, в марте 1858 г., предписал губернаторам доносить себе о всех случаях непо-

---

[1]) А. А. Корнилов. „Кр. реформа 19 февр. 1861 г.". Сборн. „Крестьянский строй", стр. 298.

виновения, как бы ни были они маловажны. По высочайшему повелению, в том же марте, министр внутр. дел должен был представлять императору еженедельные доклады „о случаях неповиновения крестьян помещичьей власти, происшедших по поводу нового устройства крестьянского быта“ [1]). Такого рода доклады делались в течение всего освободительного периода. От правительства, таким образом, не могло укрыться тревожное настроение крестьянской массы, не укрывались колебания в нем в связи с работами губернских комитетов и слухами о судьбе реформы. Эти сведения еще более должны были убеждать Александра II, что, вступив на путь реформы, отступать нельзя. Ускоренный темп хода крестьянской реформы освободительного периода, поспешность, с какою были об'явлены манифест и Положение 19 февраля до начала полевых работ, в значительной степени об'ясняются опасениями, что в весеннее и летнее время волнения среди крестьян могут вспыхнуть с особою силою в виду истощающегося народного терпения. Любопытно, что, по свидетельству современника реформы Н. А. Крылова, „торопливое распоряжение насчет об'явления воли через полицию об'ясняли давлением из Петербурга, куда будто бы губернаторы писали, что народ теряет терпение и недалек от массовых беспорядков“ [2]). И мы знаем из предыдущего изложения, что самые факты должны были, помимо особых донесений, убеждать Александра II, что народ нетерпеливо ждет освобождения, что озлобление и враждебность его по отношению к дворянам растет, и потому нужно было торопиться с окончанием начатой реформы.

Эти же опасения перед народными волнениями заставляли правительство делать уступки в пользу крестьянских интересов, ибо и для него было очевидно, что чем полнее будут удовлетворены крестьяне, тем спокойнее они будут при об'явлении воли. Наиболее твердо стояло правительство в вопросе о наделении крестьян землею, ибо хорошо понимало, что безземельное освобождение может вызвать серьезные волнения, а, может быть, и восстание крестьян.

В других пунктах, в размере земельного обеспечения, в форме его, в повинностях, в крестьянских правах и обязанностях, правительство уже колебалось и пошло по пути компромиссов, пытаясь сочетать противоположные крестьянские и дворянские интересы. Сам Александр II, а также другие

---

[1]) А. М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп. 1858 г. № 1360.
[2]) Н. А. Крылов. „Историч. Вестн.“ 1904 г. № 7, стр. 91.

деятели реформы, повидимому, отлично понимали, что путь компромиссов, никого не удовлетворив, может повести к крестьянским волнениям, которых так желали избегнуть. Поэтому правительство заранее заботилось об установлении сильной власти на местах при об'явлении воли, в целях немедленного подавления крестьянских протестов. Этим об'ясняется, между прочим, составление проекта учреждения временных ген.-губернаторов, за который одно время упорно держался Александр II. Министр внутренних дел Ланской, будучи противником этого учреждения, в 1858 г. представил Александру II записку, составленную В. А. Арцимовичем, где докладывалась ненужность ген.-губернаторов. Александр II остался очень недоволен запискою и сделал на ней ряд собственноручных замечаний. Из них видно, что уже в то время Александр II считал, что реформа не сможет удовлетворить крестьян, которые спокойны лишь *в ожидании* реформы. По его мнению, нужно заранее приготовиться к крестьянским волнениям, для чего и необходимы ген.-губернаторы. Александр II выражал даже опасение за дальнейшее спокойствие народа до конца выработки реформы, судя по доходящим до него сведениям. На указание записки, что „спокойствие народа только тогда надежно, когда оно есть плод удовлетворения законных потребностей и всеобщего довольства“, Александр II заметил: „да, но к несчастью, наше положение и административная организация еще далеки от этого“ [1]). — Как известно, Александр II отказался от учреждения ген.-губернаторств, но фл.-ад'ютанты с особыми полномочиями были разосланы на случай беспорядков. Таким образом, еще накануне об'явления воли Александр II был уже убежден в неудовлетворительности ее, с точки зрения крестьянских интересов и ожиданий, и в неизбежности крестьянских волнений.

Так как в крестьянской реформе, как известно, пришлось сыграть значительную роль и интеллигенции, то необходимо сказать хотя несколько слов о значении для нее крестьянской борьбы с крестьянским правом.

Для интеллигенции массовые движения крепостных, протесты их, все те признаки, которые так пугали дворян и правительство, служили могучим доказательством необходимости торопиться с отменою крепостного права. Но в то время как представители дворянства среди интеллигенции, даже такие,

---

[1]) А. А. Корнилов. „Крестьянская реформа в Калужской губ.“, стр. 31—37.

как Кошелев, со страхом говорили об угрожающем государству и обществу народном восстании, социалистическая интеллигенция, пользуясь указаниями на возможный взрыв для воздействия на правительство и дворянство,—сама видела в нем исход из трудного положения, если не последует отмены сверху. Еще некоторые декабристы — эти первые революционеры XIX века—часть петрашевцев видели в народном восстании желанную грозу, которая прочистит душную крепостную атмосферу, если невозможно будет добиться этого более мирными средствами. Герцен был сторонником той же идеи. Вся статья Герцена „Юрьев день, Юрьев день!“, написанная еще в 1853 г., есть сплошной призыв к дворянам немедленно приступить к освобождению во избежание второй пугачовщины или укрепления самодержавия, если освобождение будет дано с высоты престола. „Освобождение крестьян,—писал Герцен,—необходимо, неотразимо, неминуемо. Если вы не сумеете ничего сделать, они все-таки будут свободны, по царской милости или по милости пугачевщины... Страшна пугачевщина,—замечает Герцен, — но, скажем откровенно, если освобождение крестьян не может быть куплено иначе, то и тогда оно не дорого куплено. Страшные преступления влекут за собою страшные последствия. Спасите себя от крепостного права и крестьян от той крови, которую они должны будут пролить“,—шлет Герцен страстный призыв к дворянам из-за рубежа;—„пожалейте детей своих, пожалейте совесть бедного народа русского. Но торопитесь: время страдное, ни одного часа терять нельзя“ [1].

И после того возможность народного восстания, значение нарастающих крестьянских беспорядков, необходимость для удачного конца реформы народного представительства при выработке Положения, необходимость полного удовлетворения народных интересов постоянно выдвигались в органах печати, издаваемых Герценом, и ставших в то время выразителями свободной русской мысли. Известия о волнениях крестьян всегда находили себе гостеприимный приют на страницах „Колокола“ и в листке „Под суд“. В „Колоколе“ постоянно подчеркивалось, что если народные интересы будут удовлетворены, то при освобождении нельзя ожидать и крестьянских волнений.

Из этого краткого очерка мы видим, что хотя крестьяне и были устранены от участия в выработке реформы 19 февраля,

---

[1]) А. И. Герцен. Собрание сочинений, т. V, стр. 306, 308.

но влияние их на главных участников—правительство и дворянство—было громадно. Печать молчания была наложена на народные уста, шпицрутенами, кнутом, плетьми и каторгою расправлялись с ним за его протесты против крепостного права, но язык фактов, которым говорил народ, был настолько убедителен, страшен, что правительство и дворянство должны были из страха перед народным восстанием делать уступки народным требованиям. Конечно, борьба крестьян с крепостным правом не единственный фактор, подготовивший падение крепостного права, но он несомненно один из наиболее важных, под давлением которого шло отчасти развитие крестьянского вопроса в России, и особенно—приступлено к реформе и разработке Положения о крестьянах. Без изучения этого фактора не может быть об'яснено и понято как начало, так и ход крестьянской реформы. Положение 19 февраля было выковано не только правительством, дворянством и интеллигенцией, но и самим народом. Не его вина, что это Положение так мало соответствует его идеалам, его пониманию „воли". Можно сказать лишь, что если бы крестьяне своей борьбой не оказали того влияния, которое им пришлось оказать, то Положение 19 февраля было бы, пожалуй, еще менее удовлетворительным, а очень может быть, что в 50-х годах к крестьянской реформе и не приступили бы.

Крестьянские волнения 1826 г. в связи со слухами о воле и о 14-м декабря 1825 г.[1]

I.

Год восшествия на престол Николая I ознаменовался, как известно, не только декабрьским взрывом 1825 г., но и обильными крестьянскими волнениями в последующем году. Правда, в этом отношении первый год царствования Николая I не отличался от первых лет царствования его предшественников. Со времени Петра III вступление на престол каждого нового монарха сопровождалось усиленными народными волнениями, проистекавшими из надежд крестьян найти в новом царе защитника своих прав и интересов. Но были обстоятельства, несколько осложнившие и усилившие народное движение в 1826 году.

Неожиданная смерть Александра I в Таганроге, воцарение великого князя Константина Павловича и его отказ затем от престола, воцарение его младшего брата Николая, а затем гром пушек на Сенатской площади в Петербурге 14-го декабря, и восстание Черниговского пехотного полка в Киевской губернии не могли ускользнуть от народного внимания и не вызвать массу разнообразных и противоречивых толков. К обычным ожиданиям воли от нового царя присоединились надежды, порожденные событиями, которые были своеобразно поняты крестьянами. „Правительство,—говорит г. Шильдер,—собрало в то время множество донесений об этих толках, заслуживающих внимания историка, как несо-

[1]) Настоящий очерк, составленный на основании архивных дел, хранящихся в архиве б. Министерства Внутр. Дел и печатного материала, впервые напечатан в „Русском Богатстве" (1912 г., кн. 6 и 7). В настоящем издании он дополнен данными, почерпнутыми в архиве III Отделения.

мненное порождение народной фантазии, старавшейся по-своему об'яснить события этой смутной эпохи" [1]). К сожалению, в настоящее время мы еще не располагаем всеми архивными материалами, могущими вскрыть народные чаяния и думы того времени. Попытаемся разобраться хотя бы в том сравнительно незначительном материале, который имеется в нашем распоряжении.

Мы не будем останавливаться на сказаниях по поводу смерти Александра I. По словам Шильдера, характерною особенностью их „является то, что все они сходятся в одном,—в утверждении, что Александр не умер в Таганроге, что вместо него было похоронено подставное лицо, а сам он каким-то таинственным образом скрылся оттуда неизвестно куда".

Интереснее для выяснения дум и чаяний крестьян слухи, связанные с обстоятельствами воцарения Николая I.

Акт отречения Константина Павловича считался народом, повидимому, вынужденным. Права его почитались нарушенными. Как известно, многие солдаты, принимавшие участие в восстании декабристов, искренно считали, что выступают в защиту прав Константина Павловича. Бессрочно-отпускной солдат Корнеев, блуждавший по Саратовской губернии вместе с лже-Константином в 1826 г., во время следствия, отрицая свое участие в „петербургском бунте", говорил, что тогда „гвардейцы не хотели присягать... императору Николаю Павловичу по той причине, что присягали наследнику цесаревичу Константину Павловичу". Ямщик, везший однажды этого Корнеева с самозванцем и другим спутником, показал, что его седоки беседовали между собою, как в Петербурге при восшествии на престол Николая Павловича некоторые полки возмутились, потому что не хотели „обижать наследника цесаревича, коему на верность присягнули их командиры" [2]). В Киеве два солдата Низовского пехотного полка говорили, что, хотя они присягали и Николаю и Константину Павловичам, но их государь—Константин Павлович; по их словам, у них во время присяги „3-ей шеренги люди вовсе не присягали на верность государю императору Николаю Павловичу" [3]).

---

[1]) Шильдер. „Император Александр I", т. IV стр. 445.

[2]) Мордовцев. „Политические движения русского народа", т. II, стр. 115.

[3]) Иконников. „Крестьянское движение в Киевской губ. в 1826—1827 г. в связи с событиями того времени". „Сборник статей, посвященных В. И. Ламанскому", ч. II.

Сам Константин Павлович преобразился в народных толках в защитника крестьянских прав, что, как известно, было весьма далеко от действительности [1]). Слухи, циркулировавшие в Москве в конце 1825 и в начале 1826 г., изображали отстранение Константина Павловича, как следствие его намерения освободить крепостных. Говорили также, что Константин Павлович, „видя неустроенное в России варварское на всероссийское простонародие самовластное и тяжкое притеснение, решил... уничтожить его по возможности и для этой цели обратился за помощью к австрийскому императору, который обещался двинуть в Россию полтораста тысяч войска" [2]).

Об этих слухах сообщал даже французский посланник при русском дворе граф де-Лафероннэ своему правительству. „Оказывается,—писал он,—что народу внушили, будто великий князь Константин Павлович намерен дать свободу крестьянам" [3]).

Легенда о Константине Павловиче, как противнике крепостного права и страдальце за свои симпатии к народу, довольно прочно утвердилась в народном сознании [4]), обеспечив даже успех лже-Константинам, не раз появлявшимся в царствование Николая I. Уже в начале 1826 г., в Уманском уезде Киевской губернии ходили слухи, что „приезжал цесаревич и спрашивал крестьян об их повинностях". Говорили, что перед контрактами (в Киеве) два лица раз'езжали в коляске на 5 лошадях, при чем одно из них именовало себя „цесаревичем" [5]).

В Саратовской губернии, в том же 1826 году, появился самозванец, называвший себя Константином Павловичем. С ним было двое солдат, которых крестьяне принимали за переодетых генералов. В селе Ошметовке этот самозванец обещал дать крестьянам „другие законы, легкие". Мнимые генералы говорили, что „великая особа" раз'езжает тайно с целью лично узнать, каким обидам подвергается простой народ, чтобы потом всех „не-

---

[1]) Константин Павлович, наоборот, был настроен консервативно относительно крестьянского вопроса. В 1830 г., например, он возражал против ограничений крепостного права, проектированных комитетом 1826 г. См. В. И. Семевского „Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в." в сборнике „Крестьянский строй", стр. 237 и 248—249.

[2]) Шильдер, „Имп. А. I".

[3]) Иконников, „Кр. движение...", стр. 738.

[4]) Известны случаи обращения крестьян со своими жалобами и просьбами о заступничестве к цесаревичу Константину Павловичу, напр., прошение ходока крестьян Демидова, поданное в декабре 1826 г. Константину Павловичу (см. стр. 93—94).

[5]) Иконников. „Кр. движение...", ч. II стр. 732.

правых“ начальников, а также и губернатора сменить и наказать. В следующем году эти же лица появились в малороссийском селе Романовке Балашовского уезда. Здесь их пребывание вызвало вспышку неповиновения. Село Романовка давно слыло за непокорное, что указывает на протестующее настроение крестьян и существование каких-то непрерывно действующих причин, поддерживавших их недовольство.

Рассказы самозванца, что он и государь давно задумали освободить крепостных и теперь в скором времени выполнят свое намерение, придали крестьянам веру в успех неповиновения помещичьей власти. Они начали уклоняться от работ и платежа оброка, затем потребовали сложения недоимки и выдачи им экономических книг. Они не желали даже разговаривать с прибывшим в село исправником, вели себя по отношению к нему грубо и вызывающе. В Романовку была послана военная команда, но и при ее появлении крестьяне не смирились. Часть из них скрылась, другие не только отказались повиноваться, но ударили в набат и, разобрав плетень, готовились с кольями встретить солдат. Военной команде было уже отдано приказание приготовиться к стрельбе. Однако, до кровопролития дело не дошло. Старики первые пришли в себя и упали на колени. Солдатам было приказано опустить поднятые ружья, а крестьяне побросали колья. Дело ограничилось лишь сеченьем нескольких крестьян. Самозванец и „генерал“ успели скрыться еще до прихода военной команды [1]).

Мысль, что цесаревич жив и явится, чтобы помочь народу, не замирала и после его смерти [2]). Подобные слухи, по словам Мордовцева, жили до самого освобождения крестьян. „Народная молва,—пишет он,—постоянно гласила, что великий князь,

---

[1]) Мордовцев. „Полит. движ. русского народа“, т. II, стр. 94—119.

[2]) Рассказывая о смерти цесаревича, Карнович пишет: „Толковали, разумеется, шопотом, что Константин Павлович жив, но заключен в Петропавловскую крепость... Эта выдумка внушила мысль одному смельчаку-пройдохе выдать себя в Тамбовской губернии за великого князя Константина Павловича“. (Карнович, „Цесаревич Константин Павлович“. Спб. 1899 г., стр. 255—256). В 1835 году в Аккермане, в Подольской губернии, в Костроме шли в народе толки о том, что цесаревич жив. В 1836 г. в Аккермане говорили, что цесаревич живет во Франции и придет в Россию с иностранными войсками требовать присяги от брата Николая. Каждому солдату цесаревич, согласно этому слуху, обещал дать по 2 рубля в день жалованья, а „народу даровать вольность и освобождение от податей“ („Народные толки о цесаревиче Константине Павловиче“. „Р. Стар.“, 1878 г. № 9). В 1845 г. появился лже-Константин в Оренбургской губернии (Мордовцев, „Полит. движ. русского народа“, т. II, стр. 94).

как-то почти невидимо ни для кого, ходит по земле, но что время его еще не настало, и оттого он является людям только в самых редких случаях, но что, когда настанет это время, он явится, как освободитель народа от всего, что только есть тяжелого в его жизни. Народ рассказывает, что некоторые видели эту странствующую по земле таинственную личность, и что она говорила с ними и обнадеживала их. Таких рассказов весьма много ходило в народе вплоть до самого освобождения крестьян, и особенно рассказы эти, сколько нам известно, распространены были на юго-востоке". Эти ожидания „царевича" были, повидимому, сильны и в Малороссии. Так посчастливилось Константину Павловичу преобразиться в народного заступника и печальника. Такая популярность об'ясняется, конечно, горячею верою народа в благожелательность к ним царя и глубокою жаждою воли, облегчения государственного бремени и всяческой эксплуатации. Крестьянам было известно, что Константин Павлович должен был царствовать, и ему уже присягали, как царю. На него, как на новое лицо на престоле, возложили крестьяне свои упования, не исполненные предыдущим государем. Царь Константин мелькнул перед крестьянами, как прекрасная возможность, в которой они еще не успели разочароваться.

Не так посчастливилось декабристам, для которых воля народа действительно была одною из главных целей, предметом горячих желаний и стремлений. Выступление „господ" в качестве защитников крестьянских интересов было слишком ново для крестьян, чтобы они могли поверить в искренность стремлений декабристов, даже если бы эти стремления были известны крестьянам. К сожалению, в наших материалах имеется очень мало данных о слухах и толках в народе, относящихся непосредственно к декабристскому движению. Повидимому, декабристы остались по существу неизвестными народу. Мы имеем, впрочем, указание, что некоторым крестьянам были известны намерения декабристов. Так, в 1827 г. один старик, крестьянин Московской губернии, сказал невесте декабриста Анненкова: „ведь я знаю, чего они хотели: господа-то хотели свободы нашей, свободы крестьян" [1]). Но с другой стороны, например, во время волнения плещеевских крестьян кн. Гагарина в Ярославской губернии, среди них циркулировал слух, что новый царь расстрелял дворян, взбун-

[1]) „Р. Стар.", 1883 г., № 3, стр. 596. См. об этом также В. И. Семевского, „Крестьянский вопрос в России", в сборн. „Крест. строй", стр. 237.

товавшихся за то, что царь хотел дать крестьянам волю [1]). Повидимому, наибольшею известностью и популярностью пользовались среди крестьян известия о многочисленных арестах среди помещиков, производившихся в связи с декабрьскими событиями. Так, в Псковской губернии слух об аресте помещиков Ноинского и Цеэ и ссылке их в Сибирь был связан со слухом о намерении царя дать крестьянам волю, что вызвало волнение среди крестьян этих помещиков. В Киевской губернии нашелся даже предприимчивый солдат Семенов, который воспользовался подобными слухами и выдал себя за лицо, высочайше командированное для поголовного ареста всех помещиков. Витгенштейн писал по этому поводу Киселеву, что „эта самая история происходила и во многих других губерниях, все в том же смысле, что помещиков берут в Петербург, а мужикам дается вольность“ [2]).

Весьма вероятно, что между слухами о воле, о прощении недоимок и декабристским движением существовала некоторая связь. Косвенное подтверждение этого можно видеть в том, что слухи сосредоточивались около двух центров декабрьского восстания, хотя волны их откатывались довольно далеко на окраины. С одной стороны, мы наталкиваемся на слухи в ряде северных губерний, лежащих недалеко от Петербурга; с другой, обильные слухи мы встречаем в Киевской губернии, т.-е. в сфере влияния Южного Общества. Одно это указывает, что декабрьские события произвели впечатление на народные массы, хотя и исказились в горниле народных толков до неузнаваемости. Крестьяне могли уловить, конечно, лишь внешний ход событий. Они знали, что воцарившийся-было Константин исчез с престола и вместо него воцарился брат его Николай. Они знали, что офицеры и другие „господа“ пошли против царя, и „царь расстреливал их в Петербурге из пушек“. Поход восставшего Черниговского полка во главе с С. Муравьевым совершался на глазах местного населения: здесь С. Муравьев в Василькове всенародно несколько раз читал свой политический катехизис и об'яснял его крестьянам; в Киеве по трактирам в народе было распространено Мозгальским значительное количество списков того же политического катехизиса. Крестьяне знали также, что вслед за всеми этими событиями последовали многочисленные аресты среди „господ“

---

[1]) Трефолев. „Плещеевский бунт“; „Др. и Нов. Россия“, 1877 г. № 10, стр. 163.

[2]) Заблоцкий-Десятовский. „Гр. Киселев и его время“, т. II, стр. 205.

Известны также попытки некоторых декабристов агитировать среди низших слоев населения. Так, имеется рассказ Н. Бестужева, как он, его брат Александр и Рылеев ходили в первых числах декабря 1825 г. ночью по Петербургу, обращались к встречным солдатам и к часовым, рассказывая им, „что их обманули, не показав завещания покойного царя, в котором дана свобода крестьянам и убавлена до 15 лет солдатская служба... Нельзя себе представить жадности, с какой слушали нас солдаты,—рассказывает Бестужев,—нельзя из'яснить быстроты, с какой разнеслись наши слова по войскам; на другой день такой же обход по городу удостоверил нас в этом" [1]).

Конечно, было бы ошибочно приписывать слухи о воле и т. п. исключительно декабристскому движению, а тем более попыткам декабристов агитировать среди низших слоев населения. Из этого источника могли возникнуть многие слухи о воле, но нельзя забывать, что и сама перемена царствования могла породить их, как то было при воцарении предшественников Николая I. При настойчивой вере крестьян в царя, воцарение нового лица могло, как уже было сказано выше, окрылять старые надежды, и снова разгоралась вера, что если не удалось прежнему царю побороть противодействие дворян, то хоть новый царь одолеет их и даст желанную волю.

Переходя к ближайшему рассмотрению крестьянского движения 1826 г., нужно отметить особенности его в Киевской губернии, где слухи носили несколько иной характер, чем на севере. В юго-западном крае с давних пор бродила в народных массах мысль об истреблении панов, как средстве освобождения крестьян от помещичьей власти. В 1826 году подобные слухи, под влиянием событий начала царствования Николая I. разгорелись с большою силою. То говорилось, что нужно резать „жидов и ляхов", то указывали, что резать нужно шляхту, евреев и другого звания людей и что, только „очистивши таким способом места", государь будет короноваться. Один крестьянин Васильковского уезда подводил и священников под эту же категорию лиц, осужденных на смерть. Поссорившись со священником, он будто бы сказал ему: „підіждіт, незабаром, таким пастырям головы будем лупыть, и вам тут міста немае" [2]). В Уманском уезде шли толки,

---

[1]) „Историч. Вестник", 1904 г. № 4, стр. 125.

[2]) Иконников, стр. 720, 726. О слухах в Киевской губ. см. также: К. К-в. „Самозванный флигель-ад'ютант Семенов"; „Киевск. Старина", 1882 г. № 12, стр. 519—526; и Заблоцкий-Десятовский. „Гр. Киселев и его время", т. II, стр. 205—206.

что появился сын Гонты; говорили, будто бы он разослал всем панам указ с предложением отдать всю землю крестьянам и выбраться как можно скорее в Варшаву; кто не послушается указа и останется до пасхи дома, тот будет убит крестьянами.

Сроки для „резанины“ и „колиивщины“ были различны. Самым ранним сроком было вербное воскресение. По всей южной половине Киевской губернии был распространен слух, что священники получили указы, повелевающие окончить к великому четвергу исповедь и освятить в этот день пасхи, ибо на светлый праздник все церкви будут опечатаны, а крестьяне от мала до велика должны итти истреблять панов [1]). Пасха была, повидимому, наиболее популярным сроком для истребления панов. Впрочем, иные назначали сроки более поздние: фомино воскресенье, 15-е мая, а один звенигородский мещанин болтал, что „очиститься“ необходимо к коронации, когда „жнитва настанет“.

Крестьяне настолько искренно верили в неизбежность „резанины“, что некоторые были озабочены, кого из обреченных на избиение нужно спасти. Одна крестьянка-кормилица, желая спасти своего молочного сына, просила у госпожи разрешения взять мальчика к себе и переодеть в крестьянское платье. В Васильковском уезде один крестьянин, проектируя зарезать прежде всего местных богачей, замечал: „Шмулиса только жида оставим, бо добрый человек“ [2]).

На помещиков, понятно, все подобные слухи о готовящейся резне производили гнетущее впечатление. Перед вербным воскресеньем в Уманском уезде паника среди помещиков была так велика, что началось массовое бегство их из имений в Умань, чем дан был лучший повод к новым толкам среди крестьян. Не только помещики, но и местное начальство заразились верою в возможность резни. Уманский поветовый маршал донес об этих слухах губернатору, почему для расследования их был послан чиновник особых поручений. Командующий дивизией ген.-м. Нобель, сообщая о готовящейся резне на 11-е апреля командиру Смоленского драгунского полка, стоявшего в Черкасском уезде, рекомендовал, чтобы войска были наготове: должно было учредить раз‘езды, разослать эскадроны по селам и в случае беспорядков немедленно известить самого Нобеля с нарочным. Командир Смоленского

---

[1]) Иконников, стр. 722.
[2]) Ibid., 722.

полка предложил в свою очередь черкасскому исправнику принять на случай волнения строжайшие меры [1]).

Судя по известным доселе фактам, в Киевской губернии яснее, чем на севере, сказалась связь слухов с декабрьским движением. Любопытно, что в этих слухах довольно большую роль играли солдаты: то они были источниками слухов, то они должны были начинать резню, то, наконец, самые грядущие беспорядки должны были заключаться в „драке" между солдатами. Наиболее сильное впечатление и память по себе оставил Черниговский пехотный полк. Некоторые слухи определенно связывались с восстанием этого полка. Один из вышеупомянутых крестьян, Терещенко (графини Браницкой), говорил о резне непосредственно после поражения С. Муравьева, а именно 4 или 5 января. Кормилица, желавшая спасти своего молочного сына, указывала, как на источник слуха, на гусар, содержавших караул в местечке Белая Церковь при арестованных солдатах черниговского полка. Эти гусары говорили, что „много полков взбунтовалось, придут в Белую Церковь и начнут резать панов и других". Крестьяне в имении Браницкой знали, что Черниговский полк шел к ним по направлению к Белой Церкви. По словам одного шляхтича, некоего Горчинского, крестьяне в с. Яблоновке [2]) говорили ему: „Когда бы солдаты Черниговского полка пришли прямо в Белую Церковь, то зараз бы и они явились к ним на помощь и начали бы свое дело". Михайловский-Данилевский в своих воспоминаниях говорит, что в Белой Церкви ожидали С. Муравьева, „чтобы с ним соединиться, 4000 человек, недовольных своим положением. Это были большею частью старинные малороссийские казаки, которых граф. Браницкая укрепила за собою несправедливым образом" [3]). В 1826 г. белоцерковская главная экономия донесла в васильковский поветовый суд, что крестьянин Медведенко „пьяный в шинке просил четырех рядовых поднять восстание наподобие Черниговского полка" [4]). Крестьяне из этого же имения говорили шляхтичу Горчинскому: „Когда бы бог дал скорее дождаться весны, то бы часа 3 гуляли в Белой Церкви, а то нам тии пузани тут сидят (при чем указывали на грудь) и скоро даже рубахи с нас посдирают". Тому же лицу крестьяне говорили,

---

[1]) Иконников, стр. 727.

[2]) Ibid, стр. 724.

[3]) Большинство крестьян, участвовавших в разговорах, были из села Сорокотяги. Эти деревни принадлежали гр. Браницкой.

[4]) Цит. по ст. Иконникова „Кр. движение..." стр. 685.

что, если понадобится, то к их услугам будет все необходимое для восстания, что у них якобы было уже до 100 пик да и озеро их все „достачит". В селе Ситниках составляли даже списки ополчения.

Аресты среди помещиков и других лиц, производившиеся в громадном количестве в связи с декабристским движением, конечно, привлекали к себе внимание крестьян. Но эти аресты, повидимому, возбуждали даже злорадство и понимались, как путь к избавлению от панов. Крестьянин Уманьского уезда, Племянников, например, узнав, что из села Зеленьково взят посессор, говорил: „Колиб бог дав, чтоб всех посессоров и помещиков подобрали, то бы для крестьян было легче к отрабатыванию барщины" [1]). Впрочем, известен факт и укрывательства декабриста крестьянином от преследования правительственных властей. Когда декабрист Суханов скрывался после поражения Черниговского полка 3 января 1826 г., то его приютил один крестьянин из деревни Поляничицы. Но то было укрывательство непосредственного участника того восстания, к которому крестьяне, судя по вышеприведенным данным, относились сочувственно.

Настроение крестьян таким образом зимою и весною 1826 года было в Киевской губернии очень тревожным. Под влиянием слухов крестьяне становились смелее в своих протестах против угнетений; в некоторых местах они не хотели отрабатывать барщины [2]); слышались угрозы. Один наблюдательный солдат, уже упомянутый нами Семенов, возвращавшийся в Днепровский полк из отпуска, сумел использовать подобное настроение крестьян и ловко разыграл роль „флигель-ад'ютанта", командированного государем для ареста всех помещиков и для отправки их в Петербург. Крестьяне вполне доверчиво отнеслись к появлению „флигель-ад'ютанта" и подчинились ему. Семенов побывал в нескольких селах Уманьского уезда. В селе Машарове он отменил барщину, об'явив крестьян свободными; впрочем, узнав, что имение принадлежит генералу Нарышкину, он разрешил крестьянам *немного* поработать на этого помещика. Посессора и эконома он арестовал

---

[1]) Иконников, стр. 728—730.

[2]) Варадинов указывает на один случай волнения крестьян в 1826 г., которое продолжалось 3 года; вызвано ли оно было слухами, имели ли они здесь какое-либо значение, к сожалению, неизвестно. В архиве М. Вн. Дел этого дела в настоящее время нет. Варадинов, „История м. вн. дел", ч. III кн. 1, стр. 79.

и приказал заковать в кандалы, при чем первого избил и отнял у него деньги. В селе Романовке он высек эконома, на жестокость которого пожаловались ему крестьяне. По его поручению были также арестованы посессор и экономы в селе Иваньках. Любопытно, что Семенов разрешал себе брать в имениях лишь некоторые, сравнительно малоценные вещи, вроде головы сахара, серебряной сахарницы и т. п., но в то же время, по его приказанию, и в Машарове, и в Иваньках были составлены описи помещичьего имущества. Семенов был быстро арестован. Его, а с ним и до 150 человек крестьян, предали военному суду; в селения ввели военные команды. Семенов был присужден к смертной казни; из крестьян одних сослали в Сибирь на каторгу, других—на поселение, третьих приговорили к наказанию кнутом, и лишь некоторые были оправданы. Сами же крестьяне долго не могли понять, кто в действительности исполнял „истинную“ царскую волю: „флигель-ад'ютант“, освобождавший их от панщины, или исправник и заседатель, арестовавшие царского посла. Они решили, что паны подкупили начальство, и покорились судьбе [1]).

В это же время в Подольской губернии местные власти связывали волнения крестьян с появлением какого-то неизвестного человека, который называл себя „посланным из Варшавы“ (т. е. от цесаревича Константина) и, раз'езжая по деревням, „внушал помещичьим крестьянам слепые уверения насчет вольности их подданства“. В середине мая был задержан по дороге в Херсон некто Михаил Окулов, который, как выяснилось на дознании, говорил крестьянам в имении помещицы Чернявской, что он „есть фискал, посланный от вел. кн. Константина Павловича, что таковых отправлено сорок человек в роде шпионов, что все крестьяне от помещиков будут отобраны, а помещики сошлются в Сибирь, и что продолжение его пути будет до Кишинева, а оттуда в Киев, где уже все подобные ему будут собраны для какого-то распоряжения“. В другом имении он говорил то же самое и в об'яснение, почему он ходит пешком, говорил „что теперь сам великий князь под прикрытием простой одежды ходит пешком, а нам и бог велит“. Он расспрашивал крестьян о тяжести барщины, об их экономическом положении. „Впечатление, производимое на крестьян и дворовых волнующими расспросами, речами и намеками таинственного эмиссара, было настолько значительно, что по всему пути его следования крепостные стали обнару-

[1]) К. К—к. „Самозв. флиг.-ад'ютант“—„Киевск. Стар.“ 1882, № 12.

живать определенные признаки беспокойства и, смелея, кое-где явно выходили из повиновения".

Окулов был быстро схвачен, и крупных следов от его расглашений не обнаружилось. Впечатление же на правительственные власти он произвел сильное. Им заинтересовался сам Николай I, вытребовав его в Петербург куда Окулов был отправлен со специально за ним прибывшим из главного штаба фельд'егерем [1]).

Остановимся теперь на слухах и связанных с ними волнениях в северных губерниях.

Здесь рассадниками слухов несомненно являлись столицы, а особенно Петербург, где происходили декабрьские события. Слухи эти, повидимому, распространялись или непосредственно через отхожих крестьян, или через письма. Ярославский губернатор Безобразов писал флигель-ад'ютанту графу Строганову 5 мая 1826 г., знакомя с неповиновением крестьян Гагарина: „Со времени бывших происшествий в С.-Петербурге в декабре месяце, различные нелепые слухи в народе беспрерывно распространялись и доселе распространяются. Слухи эти в Ярославской губернии более, нежели в другой, имеют возможность доходить и сосредоточиваться во мнении народа, ибо треть жителей губернии, находясь беспрестанно в отлучке по торговле и промыслам, большею частью проживают в С.-Петербурге и Москве; из сих мест, возвращаясь в домы свои, приносят вести, часто самые нелепые, среди собратий своих доверия заслуживающие. Сии-то люди, приходящие из столиц, распространили слухи между помещичьими крестьянами о мнимо ожидаемой к весне вольности, а между казенными крестьянами и прочими состояниями, что все недоимки прощены будут". Указывая, с другой стороны, что „рыбинская пристань с открытием сплава судов ежедневно сосредоточивает от 50 до 100 тысяч народа, со всех почти южных губерний империи

---

[1]) Ю. Г. Оксман. „Константиновская легенда в Херсонщине". Эпизод из истории крестьянских волнений (по неизданным источникам). Сборник „Посев", Одесса, 1921. Насколько тревожно настроены были весною 1826 г. местные власти, показывает тот, напр., факт, что „по всей прилегающей к Уманьскому уезду территории расквартирования второй армии" в апреле 1826 г. „последовали особые секретные отношения и инструкции на имя начальников отдельных воинских частей и гражданских губернаторов, предупреждающие о возможном „заговоре" крестьян „для общего возмущения и необходимых мерах взаимодействия всех властей для немедленного подавления такового". В силу этих распоряжений херсонский губернатор обратился ко всем уездным предводителям дворянства и земским исправникам с предписанием наблюдать за поведением помещичьих крестьян.—Ibid., стр. 8.

нашей прибывающих", Безобразов полагал, что необходимо было принять энергичные меры к прекращению слухов в начале, „дабы тем остановить и самое влияние на приходящий народ к пристани, который, возвращаясь в домы свои, не мог бы рассеивать слухов нелепых".

В Псковской губернии можно отметить проникновение слухов в массу также через крестьян, возвратившихся из Петербурга. Довольно сильное брожение, возникшее в различных частях Петербургской губернии, можно в значительной степени об'яснить частыми сношениями местных жителей со столицей. Те же источники были обнаружены и в Тверской губернии. Так, по расследованию калязинского уездного предводителя дворянства, кн. Мещерского, один крестьянин села Талдома получил письмо из Петербурга от односельца, где сообщалось о льготах, которые будут оказаны крестьянам. Это письмо положило начало брожению, которое „быстро распространилось по другим волостям и по помещичьим имениям". Другим источником служили, по словам Мещерского, рассказы возвращающихся из столиц крестьян. Установить личность разглашателей, по его словам, нельзя было, „ибо все ссылаются, что была общая о сем молва". Козлами отпущения за распространение слухов явились два крестьянина Волконского, дерзкие отзывы которых, по словам Мещерского, имели „самые пагубные последствия". Эти крестьяне, как оказалось по расследованию, выпивши, разболтались. Один из них раза два назвал государя „полуименем" и говорил, „что все будут вольны, и когда господа попадутся на дороге, то, выпрягши лошадь, бить их всех дугой". Другой крестьянин также рассказывал о близкой воле. Эти крестьяне были арестованы и преданы суду. Этот факт любопытен, как указание, что мысль о физической расправе с помещиками можно было встретить и среди северных крестьян.

К сожалению, содержание слухов, распространенных в великороссийских губерниях, известно очень мало. Лейтмотивом этих слухов было уничтожение крепостного права и прощение казенных недоимок. Первая „милость" касалась таким образом помещичьих крестьян, вторая—как помещичьих, так и казенных, удельных и иных крестьян. В Вологодской губернии, например, говорили в марте, что крестьяне будут взяты в казну, а потому не следует платить оброк помещикам. Впоследствии крестьяне пошли в своих выводах дальше, и в апреле, по расследованию губернского правления, они толковали, что не нужно ни платить государственных или иных платежей, ни

повиноваться помещикам. В том же роде шли толки и в Тверской губернии приблизительно в марте и первой половине апреля. Среди казенных крестьян говорили, что в мае при коронации будут прощены все недоимки, а помещичьи добавляли, что тогда же—помимо прощения недоимок—они все будут взяты в казенное ведомство. В Ярославской губернии также уже, повидимому, в марте говорили, что волю нужно ожидать в мае. В имении Пономаревой крестьяне указывали даже на срок для об'явления воли, а именно 1-е или 9-е мая. Ожидания воли в этом имении были настолько интенсивны, а вера в ее получение—настолько сильна, что в части вотчины, лежавшей в Ярославской губернии, говорили в апреле, что мышкинский, кашинский и бежецкий исправники уже „прибыли в село Кой [1]), отписывают крестьян на государя и об'являют вольность". В имениях псковских помещиков Ноинского и Цеэ крестьяне уже в начале марта „делали в разных селениях скопы и толкования, как об вольности, равно и неплатеже государственных казенных повинностей, господского оброка и нехождении на господскую работу". В Псковской губернии ложные слухи бродили среди населения и после обнародования манифеста 12 мая, изданного в опровержение их. По крайней мере, еще в конце июля началось брожение среди крестьян помещика Татищева Порховского уезда на почве слуха об указе, устанавливающем двухдневную барщину. Как было уже замечено, слухи были сильно распространены и в Петербургской губернии. В Гдовском уезде крестьяне полагали, что для получения воли необходимо посылать ходоков к царю и отказываться от повиновения; самый манифест 12 мая, которым правительство думало внушить крестьянам покорность, считался ими подложным, написанным дворянами без ведома царя. В том же роде слухи циркулировали и в Рязанской губернии. Есть указание на слух в Московской губернии о получении свободы в июне. Весьма вероятно, что район распространения ложных слухов был шире, но на основании имеющихся данных можно лишь подозревать это, утверждать же еще нельзя.

Народные массы не ограничивались, конечно, разговорами на темы о свободе и прощении недоимок. От слов они переходили к действиям. Местами крестьяне заранее прекращали платежи казенных податей. Местами они немедленно прекращали исполнение крепостных повинностей. Очень часто кре-

---

[1]) Одно из главных сел в имении, в Кашинском уезде Тверской губ.

стьяне подавали жалобы на помещиков, хотя их положение сравнительно было очень сносно. Последнее явление зависело, вероятно, от слуха, что неподавшие жалоб воли не получат. Подав жалобу, крестьяне во многих местах считали себя в праве прекращать крепостные отношения или, по крайней мере, те повинности, которые ими опротестовывались. Мало того, нередко среди крестьян встречалось мнение, что они навлекут на себя гнев государев и не получат удовлетворения своей просьбы, если согласятся повиноваться помещику до получения ответа на прошение. Поэтому-то подача жалоб так часто переходила в неповиновение помещичьей власти. Указанное движение среди крестьян в сторону подачи жалоб— важный факт для истории быта.

Крестьяне, веря в благожелательность царской власти и близость свободы, осмеливались выступать с жалобами против господ. В 1826 г. подавали жалобы и такие крестьяне, которые в обычное время покорно исполняли свои повинности, безропотно подчиняясь подчас непосильному крепостному игу. Жаловались даже те, которые обычно были довольны своими помещиками. Точно так же и среди неповиновений, возникавших в этом году, мы встречаем не только такие, которые были результатом выдающихся злоупотреблений помещичьей властью: они возникали даже среди крестьян, принадлежавших помещикам среднего типа, не выделявшимся особою эксплоатацией своих крепостных.

Неповиновения 1826 г. любопытны для истории и по другой причине. Повидимому под впечатлением декабрьского восстания, Николай I, опасаясь столкнуться с влиянием на народ своих „друзей"—декабристов, в 1826 году особенно внимательно относился к известиям о крестьянских волнениях и требовал подробных расследований крепостных отношений между неповинующимися крестьянами и помещиками, посылая флигель-ад'ютантов для подавления и расследования всякой мало-мальски серьезной вспышки неповиновения. Поэтому местные донесения 1826 года министру внутренних дел о причинах неповиновений заключают в себе много крайне любопытных черт для истории помещичьего хозяйства и крестьянского быта.

Неповиновения помещичьих крестьян, возникавшие в связи со слухами 1826 года, были в общем совершенно разрозненными. Волновались отдельные имения без всякой связи между собою, если только это не были бывшие части одного имения. Так, в Порховском уезде, Псковской губернии, волновались

одновременно крестьяне помещиков Ноинского, Цеэ, графини Завадовской и Вильбоа; но все эти крестьяне принадлежали раньше одной графине Завадовской, а поэтому между ними могло сохраняться большее общение, чем с крестьянами других помещиков. Конечно, весть о волнении в том или другом имении действовала возбуждающе на крестьян соседних имений. Под влиянием волнения в имении помещика Татищева в Псковской губернии, например, произошло неповиновение в соседних имениях помещиц Рындиной и Лихачевой. Известно также указание Заблоцкого-Десятовского, что при волнении гагаринских крестьян в Ярославской губернии „соседние крестьяне не шевелились, ждали с любопытством, чем дело кончится, дабы пристать, в случае удачи, к своим собратиям“ [1]). Однако, даже в тех случаях, когда несколько имений волновались в несомненной связи между собою, волнения возникали не по взаимному сговору, а скорее вследствие воздействия на психику крестьян одних и тех же причин. При этом крестьяне разных помещиков обыкновенно не выступали вместе, а каждое имение волновалось особо.

Истинное количество волнений, происшедших в 1826 году, как в связи с ложными слухами, так и независимо от них, в настоящее время невозможно восстановить. Для выяснения их количества необходима разработка местных архивов. Данные же Центрального Архива Министерства Внутренних Дел, послужившие материалом для настоящего очерка, далеко не охватывают всего крестьянского движения 1826 года. Можно вполне сказать, что по этим данным известны лишь наиболее крупные волнения. Как общее правило, местные власти доносили министру внутренних дел далеко не о всяком волнении крестьян. Иногда лишь через несколько лет, при более сильной вспышке волнения, губернатор, сообщая о ней, указывал на предыдущие более слабые неповиновения. Пример 1826 г. подтверждает это. В этом году известны волнения в имениях 48 помещиков [2]), но десять из них сделались известными в министерстве внутренних дел лишь в последующие годы [3]); кроме того, относительно четырех волнений неизвестно, сооб-

---

[1]) Заблоцкий-Десятовский, т. IV, стр. 323—324.

[2]) Варадинов в своей „Истории министерства внутренних дел“ (ч. III, кн. 1, стр. 79—80) указывает еще на волнения в Киевской губернии, продолжавшиеся 3 года, и 2 волнения в Курской и Пермской губерниях. В архиве министерства внутренних дел в настоящее время не сохранилось дел об этих волнениях.

[3]) Три—в 1827 г., шесть—в 1828 г. и одно—в 1830 году.

щали ли о них в министерство. Итак, только о 34 волнениях в министерстве знали в том же самом году, в котором они произошли. Между тем, несомненно, что беспорядки среди помещичьих крестьян происходили и помимо этих 48 имений. Есть прямые указания на волнения, о которых нет сведений в министерских данных. Возьмем в пример хотя бы Тверскую губернию. В донесении тверского губернатора от 15 апреля, где он сообщал о ложных толках среди казенных и помещичьих крестьян, упоминается лишь между прочим об отказах последних от повиновения помещикам, но сколько имений волновалось и какие именно—не говорится [1]). Лишь по печатным источникам известно, что в Гдовском уезде Петербургской губернии было довольно сильное брожение в имениях Корсаковой и князя Дундукова. Но кроме этих волнений, согласно тому же источнику, была „строптивость крестьян в имениях на правом берегу Плюссы", строптивость настолько сильная, что она задержала воинский отряд, шедший на усмирение крестьян Корсаковой [2]). Есть указание на волнение в Шлиссельбургском уезде [3]) и какие-то беспорядки в Ямбургском уезде [4]). Между тем, в архиве министерства внутренних дел не сохранилось никаких сведений о волнениях крестьян в Петербургской губернии. Не имеем мы сведений и о волнениях крестьян в Нижегородской губернии, хотя гр. Витгенштейн в своем письме к Киселеву упоминает эту губернию в числе тех, где было наибольшее количество неповиновений в 1826 году. В числе их Витгенштейн называет и Рязанскую губернию; однако, здесь нам известно лишь 3 волнения. Можно было бы привести ряд других подобных же указаний. Но, думается, приведенных примеров достаточно для уяснения, что в действительности брожение среди помещичьих крестьян в 1826 году было обширнее, чем рисуют его известные до сих пор случаи неповиновений крестьян.

Движение, вызванное слухами о воле и т. п., относится главным образом к первой половине 1826 года. С мая месяца приблизительно слухи стали исчезать. В Вологодской губернии и в Калязинском уезде Тверской губернии, напр., слухи и беспорядки среди помещичьих и казенных крестьян официально считались прекратившимися еще в начале мая. В Ярославской губернии прекращение слухов, по официальному призна-

---

[1]) А. М. Вн Д. Деп. Исп. 1826 г. № 333.
[2]) „Др. и Нов. Россия", 1887 г., т. I, стр. 211—212.
[3]) Варадинов, ч. III, кн. 1, стр. 83.
[4]) „Др. и Нов. Россия", 1877 г., т. I, стр. 211—212.

нию, относится к началу июня. Между тем, по официальным же данным с января по июнь включительно, получились сведения лишь о 25 волнениях. До 12 же мая, т.-е. до издания манифеста, имевшего целью опровергнуть ложные слухи и восстановить спокойствие среди крестьян, получились донесения лишь о 15 волнениях [1]). Итак, количество разразившихся до 12 мая неповиновений, ставших известными министру внутренних дел, судя по этим данным, было очень невелико и само по себе вряд ли могло вызвать правительство на издание манифеста. Между тем, правительство, как известно, не удовлетворилось и манифестом 12 мая: 20 июля последовало высочайше утвержденное положение комитета министров о предании военному суду крестьян, виновных в неповиновении установленным властям [2]).

Если мы ознакомимся с наиболее крупными волнениями, то придем к заключению, что ни по количеству, ни по качеству они не были таковы, чтобы ими можно было об‘яснить тревожное настроение правительства. Следует думать, что причину внимания к крестьянским волнениям и энергии правительства в борьбе с ними следует искать не в самих волнениях, а в настроении Николая I после декабрьского восстания. Указания декабристов на крепостное право, как величайшее зло русской жизни, могущее повлечь за собою грандиозные народные волнения, если не будет облегчено положение крепостных, не прошли бесследно для Николая I. Весьма вероятно, что в первых же случаях крестьянских неповиновений ему могли мерещиться первые признаки надвигающейся народной бури, и он спешил предпринять ряд мер к подавлению беспорядков. Этим же можно об‘яснить его интерес к выяснению причин беспорядков. Очень вероятно, что он опасался встретить в крестьянских неповиновениях влияние своих „друзей“—декабристов. Впрочем, именно ближайшее знакомство с характером крестьянских волнений должно было с этой стороны успокоить его: даже и в тех волнениях, которые были непосредственно связаны с ложными слухами и в которых имеются отголоски декабрьских событий, и там экономические причины неповиновений доминировали над остальными и составляли основание недовольства крестьян.

---

[1]) В феврале были получены донесения о двух волнениях, в марте—еще о пяти, в апреле—о двух и, наконец, в мае—до 12 числа о шести; всего же в мае были получены донесения о 9 новых неповиновениях, в июне—еще о семи и в июле—об одном.

[2]) П. Собр. Зак., т. № 515.

Если мы обратимся ко времени начала волнений, то увидим, что известные в 1826 г. 48 волнений загорелись в такой последовательности: в январе началось 4 волнения, в феврале—2, в марте—4; на апрель приходится начало 13 волнений, на май—3, на июнь—3, на июль—2, на август—2 и на сентябрь—одно. Время начала 8 волнений неизвестно, три волнения начались еще до 1826 г., одно произошло летом 1826 г., но когда—точно неизвестно, и, наконец, 2 волнения были приблизительно между январем и маем. Итак, в зимние и весенние месяцы 1826 г., когда усиленно циркулировали вышеуказанные слухи, было 28 волнений, т.-е. большая половина всех волнений 1826 г., наибольшее количество их падает на апрель. Это следует об'яснить как тем, что к этому времени слухи достигли наибольшей силы, так и тем, что в этом месяце происходят усиленные полевые работы, а потому волнения имели реальное основание для своего проявления в виде неповиновений, прекращения работ и т. д. После апреля волнения начинают стихать: летом уже было только 8 волнений и осенью—одно.

Относительно времени усмирения можно сказать, что 16 волнений из 31 [1]), которые начались до июня 1826 года, были усмирены до конца мая; при этом в марте было уже прекращено 5 волнений, в апреле—4 и в мае—7. Наибольшее количество усмирений в мае об'ясняется, конечно, тем, что в это время слухи, поддерживавшие волнения, постепенно замирали; несомненно, на крестьян повлияло также широкое опубликование манифеста 12 мая. Характерен факт, что 16 волнений 1826 г. продолжались и в последующие годы. Он указывает лишний раз, что волнения 1826 года только отчасти могут быть об'яснены ложными слухами. Большая часть волнений произошла от более постоянных причин, которые продолжали нередко действовать и после 1826 г., заставляя крестьян волноваться с промежутками на протяжении нескольких лет. Так, в шести имениях брожение тянулось от 1 до 5 лет, а в одном имении брожение шло более 5 лет. В имении помещика Борисевича Могилевской губ., например, крестьяне волновались и до 1826 года, и в 1826, и в 1827 году. В имении помещика Юраги Гродненской губернии вспышки происходили в 1825 г., 1826 и 1828—29 годах. У помещика Аштюкова Ярославской губернии брожение среди крестьян шло с 1808 по 1828 год, при чем более или менее резкие вспышки непо-

---

[1]) 28—с января по май включительно и 3—до 1826 года.

виновения происходили в 1823 году и в 1826—1828 годах. У помещиков Левашевых Вятской губернии, крестьяне волновались в 1826 г. и в 1830 году, неплатеж же оброка тянулся еще с 1823 года. В имении Волконской, а затем П. М. Волконского, к которому оно перешло по наследству, неповиновения с промежутками происходили в 1826, 1827 и 1828 гг. [1]. Наличность постоянных причин, коренившихся, главным образом, в экономическом положении крестьян, вскроется еще сильнее при обозрении наиболее сильных волнений 1826 года, связанных со слухами о воле. Ближайшее знакомство с ними покажет нам, что самые слухи 1826 года играли лишь роль поводов, служили толчком, побуждавшим крестьян выходить из привычного повиновения и заставлявшим скрытое, иногда даже неосознанное недовольство вылиться в открытые формы неповиновения.

Обращает на себя внимание тот факт, что в 1826 году волновались крестьяне главным образом нечерноземных губерний. Из 48 волнений, отмеченных в 1826 году [2], 9 произошло в Псковской губернии, 8—в Ярославской, 5—в Новгородской, по 4 волнения известно в Вологодской и Костромской губерниях, 3 произошло в Рязанской губернии, 3—в Саратовской, по 2—во Владимирской, Петербургской и Тверской и, наконец, по одному волнению известно в губерниях Вятской, Гродненской, Могилевской, Смоленской, Тульской и Черниговской. По районам эти волнения распределяются следующим образом: в нечерноземных губерниях было $^4/_5$ волнений, а именно—37; в черноземных губерниях известно лишь 5 волнений, в поволжских губерниях—3, в приуральском крае—1, в малороссийских губерниях—1 и в северозападных—2. Следует отметить при этом, что в первую половину года (до июня) волновались также почти исключительно крестьяне нечерноземных губерний. Из 28 таких волнений только 3 было в южных губерниях: 2—в Саратовской губернии и одно—в Черниговской.

Причины обильных волнений в нечерноземных губерниях лежали не только в ложных слухах о воле, но и в экономических условиях. Нужно вспомнить, что крестьяне еще пере-

---

[1]) А. М. В. Д.—Деп. Исп. 1828 г., № 444; Мордовцев „Накануне воли"—С.-Петербург, 1890, стр. 31—58 г.

[2]) Кроме того, как было замечено, 1 волнение, по указанию Барадинова, было в Киевской губернии, 1—в Курской и 1—в Пермской. Относительно приведенных в тексте цифр волнений следует отметить, что одно волновавшееся имение было расположено в 2 губерниях (Ярославской и Тверской), а потому подсчет по губерниям дает 49, а не 48 волнений.

живали последствия неурожаев 1820—22 годов; на оброчных крестьянах, каковыми были большею частью крестьяне нечерноземных губерний, накопились значительные недоимки. Эти явления совпали как раз с под'емом хозяйственной деятельности помещиков, стремившихся всячески повысить доходность своих имений. В борьбе с недоимками помещики нажимали все пружины крепостного пресса. Они переводили крестьян-недоимщиков на барщину, применяли их труд на фабриках, отдавали их на подрядные работы. Не брезгали помещики выколачивать недоимки из крестьян прямым путем жестоких наказаний и отобрания имущества. Эти действия возбуждали в крестьянах вполне понятное недовольство, и они при первой возможности выражали протест против повысившейся эксплоатации их труда. Распространившиеся в 1826 году слухи о близкой воле вполне совпадали с затаенными желаниями самих крестьян, и они горячо восприняли мысль о необходимости заявлять свои нужды для получения воли. В этом отношении крестьянские волнения 1826 года освещают любопытный момент в истории помещичьего хозяйства и крестьянского быта. Они дают яркую иллюстрацию борьбы помещиков с оброчными недоимками, перехода их к барщине даже в нечерноземных губерниях, под влиянием обеднения оброчных крестьян, и живо изображает борьбу самих крестьян с усиливавшейся эксплоатацией их труда помещиками.

К сожалению, мы не имеем возможности восстановить точную картину волнений, связанных со слухами 1826 года. Нам неизвестно даже точное количество их. Лишь о 12 волнениях мы можем с полною уверенностью сказать, что в числе причин, вызвавших их, большую или меньшую роль играли указанные слухи. Даже если присоединить к этому числу указания на отдельные волнения, связь которых с толками о воле сомнительна, а также те, которые возникли в связи со слухами о манифестах по поводу размеров оброка и барщины, то и тогда можно насчитать лишь 25 таких волновавшихся имений. Но помимо этого имеются, как было отмечено, общие указания на наличность подобных волнений среди помещичьих крестьян в других губерниях и местностях. Ознакомимся же хотя бы с наиболее крупными из этих волнений, чтобы выяснить себе силу и истинный характер их.

II.

Остановимся прежде всего на тех волнениях, которые произвели, повидимому, наибольшее впечатление на правительство, ибо непосредственно после первых донесений о них было приступлено к изданию манифеста 12 мая. Это были волнения крестьян кн. Гагарина в Ярославской губернии, а также слухи и беспорядки в Тверской и Вологодской губерниях.

Крестьяне кн. Гагарина[1]) (Ярославской губернии и уезда) начали волноваться несколько раньше крестьян помещиков Ноинского и Цеэ. Имение Н. С. Гагарина (село Плещеево с деревнями и имеющеюся в нем бумажною фабрикою) находилось подле Ярославля, в Ярославском же уезде. Фабрика эта была куплена кн. Гагариным у Яковлева в 1821 году. Управление имением было поручено капитану Каппелю. По некоторым сведениям, Каппель был недоступен для крестьян и сурово управлял ими, поставив своим идеалом аракчеевские порядки в с. Грузине и имея громадные полномочия от помещика, вплоть до права ссылать крестьян в Сибирь, сдавать в солдаты и пр. Под его начальством состоял целый ряд мелких управителей, со своей стороны также налагавших тяжелую руку на крестьян. Имение было большое. По указанию ярославского губернатора Безобразова, в нем было 1.429 душ, из которых 464 человека были собственно фабричными: они жили постоянно при фабрике, где работали за определенную плату. Эти фабричные, по словам Безобразова, „по благосостоянию своему во всем избыточествуют так, что мало таких поселян в губернии, кои бы могли равняться с ними". По удостоверению его, они не принимали участия в волнении и были найдены „в совершенном порядке". Другая часть кре-

---

[1]) А. М. Вн. Д.—Деп. Пол. Исп. 1826 г. № 325. См. также Трефолев. „Плещеевский бунт". „Др. и Нов. Россия", 1877 г. № 10. Середонин. „Обзор деятельности ком. мин.", т. II, ч. 1, стр. 329. Статья К. А. Пажитнова „Возмущение крестьян па фабрике кн. Гагарина" (отголоски событий 14 декабря 1825 г.), появившаяся в 1923 г. в „Былом" (кн. 21) и вошедшая без изменения в книгу того же автора „Положение рабочего класса в России" (изд. 1923 г.), не дает ничего нового, ибо является изложением того же архивного дела, которое послужило одним из источников для данной нашей статьи, напечатанной еще в 1912 г. Повидимому, К. А. Пажитнову остались неизвестными как наша статья, так и статья Трефолева „Плещеевский бунт", написанная также на основании архивных, повидимому, местных, данных и по рассказам стариков-крестьян, переживших так называемый „Плещеевский бунт".

стьян—945 душ—состояла „на хлебопашестве“, но должна была исполнять различные работы на фабрике частью бесплатно, частью за определенное вознаграждение. Кроме того, они были обложены оброком сообразно количеству земли, бывшей у них в пользовании, полагая по 4 р. с души в год. Плата за фабричные работы зачиталась им, видимо, в счет оброка. Крестьянам была предоставлена вся земля, господской запашки не было, и они пользовались внешним благосостоянием. Тем не менее, в среде крестьян постепенно зрело недовольство, превратившееся в 1826 году в упорное неповиновение, которое продолжалось более 5 месяцев. Причины этого волнения приходится искать не только в распространившихся слухах о воле, но и в экономическом положении крестьян. По крестьянским жалобам, по их показаниям при расследовании волнения и при разборе дела в уездном суде, а также из указаний лиц, производивших расследование, можно составить некоторое представление о действительных причинах волнения гагаринских крестьян.

К сожалению, в архивном деле, имеющемся в центральном архиве мин. вн. дел, нет ни одной из крестьянских жалоб, поданных в разное время губернатору, государю, великому князю Михаилу Павловичу. Г. Трефолев, на основании архивных материалов, имевшихся в его распоряжении, указывает сущность крестьянской жалобы губернатору и приводит отчасти текст одного из прошений, поданных крестьянскими ходоками в 1826 году. В первом прошении крестьяне жаловались на притеснение бурмистра Шарцева и купца Киселева, управляющего писчебумажною фабрикою. По словам крестьян, эти лица, войдя между собой в сделку, отняли у них 1.750 чтв. хлеба. Нарушив порядок, издревле существовавший на фабрике, они принуждали работать в праздничные и царские дни и за неисполнение тяжелых уроков наказывали бесчеловечно: старики лет 60-ти и 70-ти употреблялись „беспрерывно“ для перевозки фабричных материалов из Ярославля в Москву и обратно. „Женщины беременные и вскоре после родов, не получив выздоровления,—писали крестьяне,—также изнуряются работою и страдают жестоко на фабрике от зловонного воздуха, а лечить их бурмистр не хочет; самим же нам, крестьянам, не до лечения: мы думаем только о куске насущного хлеба и, чтобы заработать его вместе с оброком,—трудимся дома все ночи напролет“ [1]). Во всеподданнейшей просьбе, поданной зна-

[1]) Трефолев. „Плещеевский бунт“, стр. 163.

чительно позднее, крестьяне жаловались на самого Каппеля. „Оный управитель,—писали крестьяне,—доведя до крайности, разоряет нас и бьет без пощады, наказывает без всякой причины“ [1]).

В донесениях губернатора министру внутр. дел приведены некоторые показания и жалобы крестьян. Так, в феврале 1826 г. 20 человек, выбранных, по приказанию губернатора, для изложения жалоб, показали: 1) „что не соблюдается на фабрике должной уравнительности в работах и что друг перед другом бывают отягощаемы; 2) что не выдано им из магазина столько хлеба, сколько, полагают, им нужно было; 3) что не достает им времени на исправление собственных своих надобностей; 4) что иногда бывают занимаемы барскими работами в праздничные дни“. При расследовании, произведенном самим губернатором в конце марта 1826 г., крестьяне показывали приблизительно то же самое; самые их жалобы подробнее изложены в донесении губернатора от 5 апреля 1826 г. „Из показаний крестьян обнаружилось,—писал губернатор,—1) что они отягощаются неуравнительным нарядом на работы, ибо одна половина бывает на работе на фабрике с поденною платою сообразно с работою им определяемою от $8^1/_2$ до 32-х копеек в день, а другая половина временно занята бывает возкою на подводах леса, дров, камня, кирпича и земли на плотину, что хотя во время сенокоса, пашни и навозницы и дается им время, но недостаточно... Иные показали, что для сенокоса получали времени недели 2, другие—$1^1/_2$ и 1 неделю, а другие утверждали, что и вовсе время не даваемо было“. При этом „одни показывали, что высылаемы были на работы брат на брата [2]), другие—временно, иные—всякий день, а другие работали только зимою, а летом, как фабрика стоит в бездействии и вовсе на работы посылаемы не были“. 2) Крестьяне указывали, что они отягощаются нарядами различных подвод, при чем „одни показывали, что во весь год отправили пар 20, другие—30, иные 40 и 60 пар“. 3) Обнаружилось, что они платят по 4 рубля в год с души оброка помимо работ, сообразно с количеством имеющейся у

---

[1]) Трефолев. „Плещеевский бунт“, стр. 163.

[2]) Работою „брат на брата“ назывался в крепостное время тот порядок барщинных работ, когда ими была занята постоянно лишь половина тягловых работников: другая половина в то время занималась собственным хозяйством. Если при этом в семье было 2 тягловых работника, то, обыкновенно, один постоянно работал на барщине, а другой был свободным от нее.

ник земли. 4) Крестьяне должны были перевозить в Москву товар с платою от конторы по 25 коп. с пуда. Эта плата была недостаточной, и крестьяне, нанимая вместо себя возчиков по вольным ценам, должны были приплачивать летом от 70 коп. до 1 рубля за пуд, а зимою—от 30 до 35 коп., „каковую приплату производят по общему разводу на все числящиеся по ревизии души".

Расследования крестьянских жалоб производились 3 раза: чиновником особых поручений, кн. Ухтомским, в феврале—марте 1826 г., губернатором Безобразовым в конце марта и командированным государем флигель-ад'ютантом, бароном Строгановым, в начале мая того же года. По расследованию кн. Ухтомского, открылось следующее: 1) „Фабричные употребляются в работу в праздничные и воскресные дни; 2) между занимающимися работою на фабрике и теми, которые по хозяйственной части употребляются в дело, правильной уравнительности не существует, ибо первые, получая на фабрике установленную плату, посылаются ежедневно на работы, а вторые—сверх хозяйственной части—занимаются пилкою леса, поправкою плотин и т. под. без должного уравнения по тяглам и без соблюдения порядка; 3) совершенно несовместное распоряжение с порядком доброго хозяйства, ибо в одно и то же (время) допускаются фабричные люди к работам на фабрике с произведением за сие положенной платы и обращаются по части хозяйственной в разные занятия и вместе с тем положен на них оброк за владеемую ими землю, который зачисляется опять за производимую работу на фабрике, что не только порождает в расчетах помешательство, но мешает возможности сохранить должную справедливость в исполнении повинности, на фабричных людях лежащей". Однако, Ухтомский признал, что „в распоряжениях фабрики не найдено таких, которые могли стеснять или расстраивать благосостояние фабричных людей".

На основании этого расследования Ярославское губернское правление постановило: 1) Обязать управляющего фабрикой подпискою не производить работ в праздничные и воскресные дни; если же работы будут необходимы, то производить их по добровольному соглашению со своими или посторонними людьми за удвоенную плату; 2) в работах установить уравнительность, наряжая их брат на брата, предоставляя хотя желающим работать и (не) в очередь за установленную плату; 3) тот же порядок (брат на брата) установить в наряде людей, занимающихся пилкою дров, поправкою плотин, подво-

дами и т. под.; 4) взимание оброка за землю должно прекратить. Эти правила, давая как будто много крестьянам, не давали почти ничего, ибо, разрешая добровольные соглашения на работу за плату в праздничные, воскресные дни и не в очередь, давали вотчинному управлению возможность сохранять прежний порядок работ на фабрике. Неудивительно, что эти правила не успокоили крестьян, и волнение продолжалось.

Расследование Безобразова подтвердило в общем жалобы крестьян. Но разницу в показаниях о количестве поставленных подвод и в определении времени, даваемого крестьянам на полевые работы, он об'яснял „стремлением усугубить показаниями отяготительное состояние, в котором они будто бы находятся". Он указывал на ряду с этим, что из крестьянских же показаний „обнаружилось, что они засевают хлеба в достаточном количестве для продовольствия, а семени льняного даже с излишеством перед прочими соседними крестьянами; скота, лошадей имеют также в довольном числе, построение домов, по личному его обозрению нескольких деревень, найдено прекрасное и всеми потребностями снабжено, почему по самому своему благосостоянию ни в чем нуждаться не могут". Губернатор безусловно не находил также никаких следов жестокого обращения с крестьянами. Тем не менее и он признал нужным выставить Каппелю на вид крестьянские жалобы и поручить выработать точные правила о работах крестьян; эти правила должен был утвердить сам губернатор. Целью правил должно было быть согласование благосостояния крестьян с благоустройством и выгодами фабрики.

О расследовании барона Строганова в деле имеется лишь донесение самого губернатора. По словам Безобразова, поверка допросов ничего нового не дала; крестьяне признали, что все их жалобы изложены правильно. Проездом в Плещеево барон Строганов и Безобразов осматривали 6 неповиновавшихся в то время (начало мая) деревень и нашли, „что построения весьма хорошие, есть даже дома каменные двух-этажные и снабжены всеми построениями, для хозяйства нужными, с избытком". С другой стороны и начальники военных команд, стоявших в имении кн. Гагарина более месяца, удостоверяли в рапортах, „что ими замечено у крестьян хлеба много, одежды роскошные и живут в избытке, так что следов изнурения вовсе не приметно".

Из вышеуказанного видно, что все чиновники, знакомившиеся с положением гагаринских крестьян, не находили порядки на фабрике изнурительными или разорительными. Они

признавали, что крестьяне в материальном отношении обеспечены, а большая часть их даже зажиточна. Замеченные злоупотребления, как например, работа фабричных в воскресные и праздничные дни и т. под., вызвали соответствующие постановления губернского правления. Кроме того, по распоряжению Безобразова, были выработаны Каппелем особые правила. Согласно с ними, крестьяне должны были разделяться на тягла, полагая для мужчин тягловый возраст от 16 до 55, а для женщин от 15 до 50 лет. Все работы на фабрике должны были производиться брат на брата. Оброк за землю уничтожался, а вся земля без остатка разделялась по тяглам; вместе с этим должна была уничтожиться всякая плата за работы. Подводная повинность должна была отбываться в счет фабричных работ, в размере 6 подвод с тягла зимою и по 4 летом в Ростов и Ярославль; в Москву же крестьяне попрежнему должны были отвозить товар за плату, полагая с тягла по $1^1/_2$ подводы с платою за пуд по 30 коп. Но и эти правила не удовлетворили крестьян, и, как мы увидим ниже, волнение продолжалось, отличаясь большою стойкостью и упорством. Таким образом, несмотря на зажиточность крестьян, на отмену беспорядочных, неуравнительных работ при фабрике, отмену оброка, были еще какие-то условия, которые тревожили крестьян и вызывали упорное нежелание подчиниться вотчинному управлению.

В числе этих причин Безобразов усиленно подчеркивал влияние слухов об освобождении помещечьих крестьян в мае месяце. В своем донесении от 6-го июля он указывал, что эти слухи должны были быть особенно распространенными среди гагаринских крестьян, как фабричных, с одной стороны, и с успехом занимающихся торговлею и промышленностью в свое время от работ, с другой.

По словам его, крестьяне полагали, что „для скорейшего достижения вольности, которая последует в мае, принесение жалоб и оказание непокорства может много содействовать“. Нельзя отрицать, что эти слухи могли поддерживать надежды крестьян на благополучный исход их дела, почему они изо всех сил старались держаться, не покоряясь, до получения „копии со свободы“ [1]), которую, по их мнению, они должны были получить через ходоков. Мало подействовало на этих крестьян и об'явление манифеста 12-го мая, который они встретили с криками: „Неправда! Обман!“. Они продолжали

[1]) Трефолев, стр. 164.

верить, что ходоки принесут им „царскую милость". Начальники военных команд, стоявших в имении, в рапортах доносили, что „по обращению крестьян с солдатами им сделалось известным, что неповиновение их проистекает единственно от ожидания свободы".

Но если эти слухи и играли большую роль в самом процессе волнения, поддерживая упорство крестьян и вселяя в них надежды, то все же их нужно считать второстепенными причинами, усиливавшими движение, но не порождавшими его. На это указывает, между прочим, и то, что крестьяне ни разу не отказывались от повиновения помещичьей власти. Сам Безобразов говорит в своем донесении от 6-го июня, что крестьяне настаивали на своей готовности повиноваться господину, но не вотчинному управлению. При вере же в близость об'явления воли крестьяне должны были бы скорее отказаться от всякого повиновения помещику. Если же слухи о близкой „царской милости" только осложняли, усиливали и поддерживали волнения, то, очевидно, ключ к пониманию основы „плещеевского бунта" нужно искать где-то в другом месте.

Что доставляло главные средства существования для гагаринских крестьян: фабричные работы, земледелие, или промышленность и торговля, о которых лишь вскользь упоминает Безобразов? Фабричные работы отнимали, несомненно, много рабочего времени от крестьян, но вряд ли доставляли им большой заработок. Из показаний крестьян видно, что почти из каждой семьи лишь 1—2, много 3 человека работали на фабрике за плату, остальные работали бесплатно. По указанию Каппеля, семья, состоявшая из 12 человек и в которой имелось 8 душ обоего пола, годных в работу, заработала на фабрике с сентября по март лишь 36 р. 23 коп.; другая семья из 9 человек, в которой годных в работу было 5 душ, получила деньгами 7 р. 65 к.[1]). Даже предполагая, что эти деньги оставались на руках у крестьян за вычетом указанного оброка за землю, ясно, что крестьяне не могли существовать на заработанные деньги и должны были иметь другие источники существования.

Таким источником официально было земледелие. Казалось бы, для развития земледелия были благоприятные условия.

---

[1]) Заработная плата колебалась между 7 и 33 копейками в день. Вылильщики, лильщики, вальщики, например, получали 25 коп. в день; рабочие при выметке—от 7 до 18 коп. в день; улитчик 2 рубля в месяц. На фабрике применялся и женский труд. Работница, занятая браковкой ветоши, получала 4 р. в месяц; занятая резкою тряпок—от 2 до 4 коп. с пуда.

Крестьяне свободно пользовались землею без ограничения в количестве, а по правилам Каппеля, вся земля, какая имелась в дачах, должна была быть поделенной между таглами. И тем не менее мы встречаем незначительный посев хлеба. По данным о $46^{1}/_{2}$ тяглах, для которых есть однородные сведения, на каждое тягло высеивалось по 7,6 чтк. ржи и овса, по 1,6 чтк. льна и пшеницы. При таком посеве, даже при урожае сам-три, тягло могло собрать лишь около 3 чтв. ржи, а за вычетом семян оставалось только около 2-х четвертей, что приходится признать совершенно недостаточным даже для существования, а не только для того, чтобы иметь каменные дома, роскошные платья и избыток хлеба. Наибольшее значение среди земледельческих продуктов имел, по удостоверению Каппеля, лен. По его словам, „и малая семья по желанию своему иногда берет земли более большой семьи, находя из того собственную выгоду от посева льна, который есть их главный промысел". Действительно, посев льна, как указано, равнялся посеву пшеницы, но все же не был настолько велик, чтобы льноводство могло быть главным средством существования крестьян. Скотоводство у гагаринских крестьян было ничтожно. По данным о $46^{1}/_{2}$ тяглах, на 1 тягло приходилось только 0,6 лошадей, 0,7 коров и 0,4 овец; на каждого же из 12 хозяев, между которыми распределялись эти $46^{1}/_{2}$ тягл, лошадей приходилось в среднем 2,2, коров почти 3 и овец 1,5. В соответствии с этим были ничтожны и сенокосы: 1 тягло накашивало $1^{1}/_{2}$ воза сена, или на хозяина приходилось по 5,7 возов сена. При таком ничтожном количестве лошадей становятся, между прочим, понятными жалобы крестьян на тяжесть подводной повинности[1]).

Помимо бесплатных подвод, от крестьян требовались подводы в Москву с платою от конторы по 25 коп. с пуда, тогда как крестьяне (см. выше) должны были приплачивать вольным

[1]) По указанию крестьян, им приходилось отбывать по 20, 30, 40 и даже по 60 пар подвод. Так, крестьянину Дмитриеву из дер. Черепаново пришлось при $4^{1}/_{2}$ тяглах и 3-х лошадях поставить до 60 подвод в Ярославль, заниматься с сыном возкою дров, бревен, каменьев и пр., помимо работы на фабрике за плату по 24 коп. в день; второй сын также работал на фабрике, получая 16 коп. в день. Другой крестьянин, Сем. Федоров, из той же деревни, при 2-х лошадях поставил до 50 подвод в Ярославль, вывез $5^{1}/_{2}$ саж. дров, перевез до 400 пуд. дикого камня, тысячи три кирпича и дней 25 в году употребил на перевозку разных материалов при фабрике. Крестьянин Пучков из дер. Шалаево при 2-х лошадях каждые 2 дня в неделю употреблял на подводную повинность, поставил в год 30 пар подвод в Ярославль, возил камень, дрова и т. д.

возчикам от 70 коп. до 1 рубля с пуда летом, и по 30—35 коп. с пуда зимою. Деньги на это собирались, как сказано, со всех крестьян по раскладке на все ревизские души. Таким образом эти обязательные платные подводы обратились в своего рода денежную повинность, при чем с тягла сходило более 10 рублей в год. Между тем именно подводная повинность была необходима для фабрики. В проекте своих правил Каппель, соглашаясь уничтожить оброк, ввести строгую трехдневную барщину брат на брата, настаивал на сохранении подводной повинности, хотя бы и в счет барщины, в размере 6 подвод зимою и 4-х летом в Ростов и Ярославль; московские же подводы, по его проекту, должны были производиться за плату по 30 коп. с пуда и не более полуторы подводы с тягла в год. Он указывал, что „крестьян... освободить от возки фабричных изделий нельзя, потому что при вольном найме для отвода люди, принимающие на себя сию комиссию, по состоянию фабрики в округе, а не в городе, должны быть искомы, а при таком случае должна последовать чрезвычайная передача“.

Из вышеизложенного видно, что не фабричная работа, не земледелие и не скотоводство поддерживали благосостояние крестьян. Жалобы крестьян, что фабричные работы не дают им заниматься своими работами, вероятно, относились не к земледельческим занятиям. Хотя некоторые крестьяне жаловались, что им не дается времени на сельскохозяйственные работы, но другие говорили, что для сенокоса их отпускают на 1—2 недели; есть показания, что при полевых работах присутствовала вся семья. Кроме того именно летом фабрика бездействовала: за исключением плотничьих работ, земляных, укрепления плотины и т. под.,—работ на фабрике не было. Поэтому именно для земледелия фабричные работы служили наименьшей помехой; подводная же повинность занимала большею частью зимнее время.

Но зато зимние работы на фабрике и многочисленные подводы должны были отнимать драгоценное время от торговли и промышленности. А между тем, по словам Безобразова, крестьяне, отличаясь большею частью зажиточностью, с успехом занимались в свободное от фабричных дел время торговлею и промышленностью и „получали от того значительные прибыли“. Каппель, как на причину найма вольных возчиков для московских подвод, указывал на то, что крестьяне, нанимавшие их, „бывают заняты стороннею выгоднейшею работою“. Самая раскладка приплат на все ревизские души

показывает, что в таком положении находилось большинство крестьян, а не отдельные личности. Несомненно, что некоторые крестьяне отпускались на сторону по паспортам, некоторые жили в Петербурге. Только выгодные занятия промышленностью и торговлею могут об'яснить нам зажиточность крестьян, каменные дома, „роскошные" платья и пр., и пр., что было бы непонятным при ничтожном размере земледелия и ничтожных фабричных заработках. Эти же занятия делают нам понятными жалобы крестьян, что фабричные работы лишают их заработков, об'ясняют и жалобы на многочисленные подводы и готовность переплачивать большие деньги на московских подводах. Понятно, что правила, выработанные Каппелем, не могли вполне удовлетворить крестьян, хотя все же при работе брат на брата часть семьи могла заниматься выгодными для себя работами. Для полного удовлетворения их нужно было бы уничтожить фабрику и перевести всех крестьян на денежный оброк. Такие мечты у крестьян, видимо, были. По крайней мере Безобразов, на основании „сведений" о разговорах, какие арестованные гагаринцы „имели между собою во время содержания их под стражею" (т.-е. на основании результатов тюремного сыска), так излагал затаенные цели крестьян. Они расчитывали, по словам губернатора, что правительство, вняв их жалобам, сменит вотчинное начальство, назначенное владельцем, и, за невозможностью назначить новое без воли владельца, „управление сего имения обратится в их руки, и они по произволу своему будут в возможности (избирать) из среды себя управляющих, которые, действуя сообразно с их видами, время от времени ослабив обороты фабрики, доведут заведение сие до совершенного уничтожения, а с тем вместе откроется возможность владельца своего поставить в необходимость оставить их на легком оброке и тем освободить их от господских работ".

Ознакомившись с причинами волнения, бросим беглый взгляд на самый ход его и характерные особенности. В начале февраля (6-го) 1826 г. земский исправник Ярославского уезда донес губернатору, что крестьяне кн. Гагарина вышли из повиновения и отказались от работ на фабрике. Как выяснилось впоследствии, крестьяне собирали предварительные сходы и, порешив жаловаться губернатору на отягощения, причиняемые вотчинным начальством, попросили священника отслужить молебен, после чего целовали крест, чтобы твердо стоять друг за друга. 7-го февраля толпа крестьян явилась в город, чтобы подыскать писца для прошения, что и удалось сделать. Толпа

эта была взята в полицию. Часть крестьян была оставлена для допроса, остальные были высланы в имение с наказом всем не повинующимся явиться к губернатору. 9-го к губернатору пришло около 300 человек. Безобразов, оставив 20 старейших крестьян для допроса о причинах неповиновения, наказал из остальных 4-х человек розгами в полиции, отправив затем всех домой со строгим наказом повиноваться. Помимо этого в имение был послан чиновник особых поручений, Ухтомский, для расследования на месте причин неповиновения.

Результатом этого расследования и явились вышеприведенные распоряжения губернского правления, несколько улучшившие положение крестьян. Так кончилась первая вспышка неповиновения. Крестьяне вели себя все время вполне корректно и беспрекословно подчинялись губернатору.

В середине марта волнение вновь вспыхнуло с большою силою. Крестьяне вновь прекратили все работы и отказались повиноваться вотчинному управлению; не доверяя, повидимому, губернатору, они решили на этот раз обратиться за защитою к самому государю. Причиною этой вспышки было, повидимому, увеличение повинностей, что указывало крестьянам на безрезультатность жалобы губернатору, его бессилие или нежелание защитить их. Просьбу крестьян сбавить работу управляющий не только не выслушал, но даже не допустил к себе жалобщиков. С другой стороны, по словам самих крестьян, до них дошли слухи, что весною будет свобода. Эти слухи могли еще более укрепить их решение обратиться непосредственно к царю. Крестьяне выбрали двух ходоков, Гусева и Козлова, что сопровождалось, конечно, самовольными сходами, сборами денег на расходы по делу [1]). С посылкою ходоков, крестьяне решили „до получения великих государевых милостей в повиновение не обращаться и стоять друг за друга". Утешительные известия от ходоков поддерживали в крестьянах бодрость и упорство в неповиновении, тем более, что слухи о воле, очевидно, все сильнее и сильнее циркулировали в народе. Подвижность ярославского населения, отхожие промыслы, близость Волги и оживленной рыбинской пристани особенно благоприятствовали занесению в среду гагаринских крестьян всевозможных слухов.

---

[1]) Крестьяне собрали также некоторую сумму в помощь местному священнику о. Михаилу, уволенному за служение молебна и солидарность с крестьянами, а впоследствии заключенному по распоряжению Николая I в отдаленный ярославский монастырь и преданному суду.

По указанию Трефолева, для крестьян не прошли незамеченными и события 14-го декабря. „Гагаринские крестьяне,— отмечает он,—об'яснили по своему события 14-го декабря; они думали, что император хотел дать им свободу, почему, дескать, и „взбунтовались дворяне“, а царь, любя народ, велел в них палить из пушек“ [1]). Главноуправляющий Каппель обратился к губернатору с просьбою об усмирении, указав, что, по его мнению, главною причиною неповиновения были „слухи об ожидаемой к весне свободе“. Каппелю, конечно, на руку были возникшие слухи, отвлекавшие внимание властей от фабричных распорядков. После неудачной попытки исправника повлиять на крестьян, в имение направился сам губернатор с двумя ротами солдат. 26 марта крестьяне были созваны губернатором. Сначала они отказались явиться в назначенное место, но после угрозы применить к ним „сильнейшие меры“, толпа в несколько сот человек покорно явилась к губернатору и была окружена солдатами. В толпе были старики, мальчики; ни у кого в руках не было оружия, и вообще, по указанию Трефолева, толпа имела вид стада, идущего на заклание. Крестьяне, однако, настойчиво указывали губернатору, что они „ожидают милости от великого государя“, т.-е., другими словами, не признавали компетентности губернатора в вопросе, за разрешением которого они обратились к самому царю.

Выговор, сделанный в присутствии крестьян местному священнику за то, что тот не внушал крестьянам повиновения властям, и даже арест его, впечатления не произвели. Крестьяне открыто выражали свое сочувствие священнику, провожая его криками: „Прощай, батька, молись за нас!“ [2]). Для воздействия на крестьян, губернатор распорядился там же исполнить приговор над поверенным их, Ив. Дмитриевым, приговоренным по суду к 30 ударам плетьми. Вид наказания только возбудил крестьян. Они с криком и шумом требовали прекращения наказания. Губернатору показалось даже, что крестьяне готовы были силою освободить наказываемого. Он

---

[1]) Трефолев, стр. 163.

[2]) Крестьяне и впоследствии не раз выражали свое сочувствие этому священнику. О денежной помощи уже упоминалось. Крестьянский ходок, Козлов, напр., в письме к односельчанам в конце слал „почтение и поклон с любовью... протоиерею Михаилу Филипповичу и его матушке“... „Наслышаны мы,—писал он,—об вашем несчастии и сердечно жалеем“. Два сына этого о. Михаила также находились, видимо, в дружеских отношениях с гагаринцами и оказывали им некоторые услуги.

сам бросился в толпу, что, по словам Трефолева, обошлось крестьянам в несколько бород. Впрочем, страхи губернатора были совершенно неосновательны. Появление его среди толпы прекратило крик, и толпа бросилась перед ним на колени, „прося пощады осужденному". Наказание было, конечно, доведено до конца, хотя крики о прекращении наказания возобновлялись от времени до времени, но смолкали, останавливаемые губернатором. Все, однако, это было скорее лишь шумным протестом против несправедливого, по мнению крестьян, наказания, но не сопротивлением власти. Правда, крестьяне упорно отказывались от повиновения, несмотря на убеждения „порознь каждого", несмотря на аресты некоторых и отправку их партиями с места увещаний в Ярославль. Пришлось арестовать таким образом 112 человек ранее, чем остальная толпа, человек в 400, смирилась.

Результат усмирения не удовлетворил губернатора. Несмотря на массу арестованных, остававшихся в имении, в крестьянах замечались, по его словам, „остатки духа непокорности... и особенно сильное убеждение, что в мае месяце последует им от государя императора особая милость". В виду этого губернатор оставил в имении военную команду в 70 человек и снесся о командировании туда же еще человек 100 нижних чинов; в имении был оставлен также заседатель земского суда для наблюдения и воздействия на крестьян. Тогда же он поручил Каппелю составить точные правила для фабричных работ, лично рассмотрел их и, признав годными, предписал немедленно применять их, ходатайствуя перед министром внутр. дел об их утверждении.

Донося об этой второй вспышке волнения министру внутренних дел [1]), Безобразов указывал, что, по его мнению, „самое существо бывшего происшествия требует со стороны правительства скорых и решительных мер к пресечению возникшего зла и в особенности тех ложных слухов, в народе распространенных, которые весьма могут колебать спокойствие мирных, непросвещенных поселян". В целях скорейшего усмирения гагаринских крестьян, он усиленно просил о поимке и высылке ходоков, чтобы этим разрушить надежды крестьян получить с ними „великую государеву милость". Безобразов просил также исходатайствовать высочайшее разрешение самому утвердить приговор уголовной палаты над виновными

---

[1]) Донесение от 5-го апреля 1826 г. № 2706.

крестьянами, хотя бы число лиц, присужденных к телесному наказанию, было более девяти [1]).

Жалуясь на недостаток военных сил в Ярославской губернии, Безобразов испрашивал расквартирования в его губернии 2-х рот какого-либо полка до 1-го августа с обязательством содействовать ему в случае нужды в охранении тишины и спокойствия в губернии. Это тревожное донесение Безобразова [2]) совпало в Петербурге с рядом других донесений о распространившихся среди крестья слухах о воле и о волнениях, происшедших на этой почве. Количество волновавшихся гагаринских крестьян, упорство их [3]), в связи с характером промышленного бойкого населения Ярославской губернии, не могли не обратить на себя внимания правительства. Министр внутр. дел сообщил государю и комитету министров об этом волнении особыми записками от 20 апреля. В ответ на всеподданнейшую записку последовали одно за другим два высочайших повеления. 25-го апреля ст.-секретарь Н. Муравьев сообщил министру внутр. дел. что „подобные буйства требуют скорейшего конца, а потому его величество повелевает: дабы самые главнейшие зачинщики неповиновения, которых число, конечно, должно быть менее девяти, были примерно наказаны и сосланы в Сибирь на поселение, прочим же было бы об‘явлено всемилостивейшее прощение". 27-го апреля Н. Муравьев сообщил, что по высочайшему повелению в Ярославскую губернию, в имение Гагарина, отправляется флигель-ад‘ютант, полковник Строганов, „для удостоверения об истинных причинах, побудивших крестьян сего имения к бунту, и для принятия с помощью войск решительных мер к водворению спокойствия между ими в таком случае, если бунт продолжается". Эти повеления характерны для Николая I. Мирное неповиновение крестьян именуется „буйством" и „бунтом".

---

[1]) Приговор, по которому телесному наказанию подлежало более 9 человек, должен был, согласно действовавшему закону, итти на утверждение пр. сената.

[2]) На губернатора не могли не повлиять страхи и опасения, возбужденные в дворянстве слухами о волнениях и волнением плещеевских крестьян в частности. Г. Трефолев сообщает, что многие местные дворяне до усмирения 26 марта уже роптали на губернатора: „Что он спит? Мужики бунтуют, кричат: „Воля, воля", а наш Александр Михайлович благоденствует... Тут розгами-то ничего не возьмешь, тут нужны другие меры, построже" (стр. 165).

[3]) Из 112 арестованных, несмотря на губернаторские увещания при допросах, в конце концов покорились только 21 человек; следовательно, 91 человек непокорных сидели в тюрьме.

Требуется „скорейшее“ подавление его „с помощью войска“. В то же время он спешит доискаться „истинных причин“ волнения и посылает для расследования особое лицо, не доверяя, видимо, местной администрации.

Между тем Безобразов продолжал торопить розыск ходоков. Не говоря о массе арестованных, повиновение остальных было также непрочно, несмотря на присутствие военной команды из 170 человек. В половине апреля 206 семейств вновь отказались от господских работ до получения ответа на всеподданнейшую просьбу. Они послали еще двух ходоков, сверх посланных раньше. Приезд флигель-адъютанта произвел мало впечатления на крестьян. Строганову не удалось повлиять на сидевших в тюрьме. Безуспешны были его словесные убеждения и в Плещееве, где он был с Безобразовым 7-го мая. Когда Строганов увещал крестьян работать и повиноваться, ибо на это есть непременная воля царя, крестьяне, по словам Трефолева, кричали: „Неправда! Обман!“ Не покорились крестьяне и после наказания розгами семи человек. Строганову и Безобразову пришлось прибегнуть к решительной мере: отделив подростков (от 15 до 20 лет) и стариков (от 70), они арестовали остальных 140 человек, разослав их по тюрьмам в Ростов и Ярославль. Число арестованных крестьян достигло в то время в общей сложности почтенной цифры 224-х человек [1]). Военную команду вывели из имения, ибо теперь в ней не было надобности: все непокорные были по тюрьмам.

Сообщая в Петербург о таких результатах совместных действий со Строгановым, Безобразов вновь просил о присылке военных сил в Ярославскую губернию. Теперь он опасался уже за спокойствие всей губернии. Он указывал на волнения крестьян еще в 4-х имениях [2]); их он также связывал со слухами о воле. Повидимому, страхи Безобразова были совершенно неосновательны. По сведениям, даваемым самим губернатором, указываемые им случаи нельзя даже относить к числу неповиновений. Волнение крестьян гр. Дмитриева-Мамонова оказалось раздутым, и, кроме бесчинств пьяной толпы, здесь ничего не было. Крестьяне Ярославова, по словам губернатора, только подали ему жалобу на обременение работами. Что было в имении Брянчанинова,

---

[1]) К этому времени из числа 112 человек, арестованных раньше, выразили раскаяние всего 28 человек, и в тюрьме оставалось 84 человека.

[2]) В имениях Пономаревой, Дмитриева-Мамонова, Ярославова и Брянчанинова.

неизвестно, ибо губернатор в то время получил жалобу помещика на неповиновение крестьян и поручил земскому исправнику расследовать ее. Лишь в имении Пономаревой волнение, как известно, имело более серьезный характер.

Между тем ускоренным темпом было решено дело 84-х крестьян, арестованных до Строганова. Согласно с высочайшим повелением, приговор был утвержден лишь относительно 8 человек, а остальным было об'явлено всемилостивейшее прощение. Приговор бы об'явлен и приведен в исполнение 14-мая при торжественной обстановке, в присутствии всех 224-х арестованных крестьян; здесь же было до 300 человек повинующихся крестьян Гагарина и крепостных других помещиков. Сделано это было в целях устрашения и прекращения ложных слухов.

По выслушании приговора и высочайшего повеления о помиловании среди помилованных раздались крики: „Нейдем, секите нас, не повинуемся". К ним присоединилось еще 29 человек других крестьян. Дерзких, осмелившихся так ответить на всемилостивейшее прощение, немедленно окружили конвоем „с ударением некоторых прикладами". По сведениям Трефолева, это побоище было так жестоко, что многим крестьянам были нанесены очень опасные раны [1]). Группа протестантов была немедленно отведена в острог. Остальные 184 человека, и после исполнения приговора, попрежнему отказались от подписки о повиновении до возвращения ходоков. Этих крестьян также оставили в тюрьме. Не повлияла на крестьян и доставка ходока Гусева, хотя, он, согласно распоряжению губернатора, лично говорил каждому крестьянину порознь, „что просьбы их не уважены, и он выслан из Петербурга за караулом". Не смутились крестьяне и после торжественного об'явления им манифеста 12-го мая. Выслушав последний, крестьяне подтвердили прежнее решение не повиноваться. За такое ослушание царской воли, выраженной в манифесте, все крестьяне были преданы уездному суду в ускоренном порядке; впрочем, крестьяне, попавшие под суд впервые, могли быть прощены в случае раскаяния до разбора дела.

Между тем в имении все еще не было полного порядка. Некоторые крестьяне, уклоняясь от повиновения, скрывались по окольным деревням. В имение вновь была направлена военная команда из 105 человек. Усмирение было поручено губернскому чиновнику Ханыкову. В наличности оказалось

---

[1]) Трефолев, стр. 167.

только 58 непокорных, из которых 54 тотчас выразили раскаяние, а четыре были арестованы; 107 человек неповинующихся скрывались. И тем не менее Ханыков, сообщая 6 июня о положении имения, заявил, что здесь „водворены совершенное спокойствие и порядок", что вызвало в министерстве внутр. дел чью-то пометку: „Какое же совершенное спокойствие, коли в тюрьме содержится 214 человек".

Известие об этих событиях, сообщенное государю, сильно подействовало на него. До того через комитет министров прошло его повеление, чтобы губернатор привел в исполнение приговор только о тех крестьянах, которые присуждались к полицейским наказаниям; дело об остальных должно было итти обычным порядком через сенат. После сообщения о продолжающихся беспорядках в имении, Николай I принял более суровые меры и из'ял все дело из обычного порядка. 21-го июня Муравьев сообщил министру внутренних дел, что государь 1) разрешил отдать „содержащихся под стражею мятежных крестьян", годных в военную службу, в рекруты с зачетом в будущие наборы за имение их помещика; 2) предоставить губернатору утвердить приговор уголовной палаты, не внося в сенат, хотя бы число присужденных к телесному наказанию было более девяти; 3) подлежащие ссылке в Сибирь на поселение должны были быть сосланы, по воле государя, в крепостную работу в Кронштадт, Бобруйск и Динабург [1]).

Суровый ли судебный приговор [2]) или вообще прекращение слухов о воле повлияли на крестьян, но в конце июня они начали смиряться. При исполнении приговора было наказано только 31 человек, из которых, впрочем, 23 и после наказания не дали подписки в повиновении. Остальные крестьяне из'явили раскаяние и обещали повиноваться, почему им было об'явлено всемилостивейшее прощение. Жены 26-ти наказанных крестьян, отправленных в крепостные работы, умоляли помиловать их мужей, об'являя, что „мужья и отцы совершенно по глупости осмелились пребыть и после наказания в упор-

---

[1]) У Середонина при изложении этого дела сообщается лишь высочайшее повеление от 25 апреля, прошедшее через комитет министров 1-го мая. Но на этом дело гагаринских крестьян не кончилось, вызвав еще вышеизложенные повеления Николая I, доведенные до сведения комитета министров в заседаниях 15 июня и 6 июля 1826 г. См. Середонин. „Обзор деятельности комитета министров", т. II ч. I, стр. 329.

[2]) По приговору, двое из судившихся вторично подлежали наказанию кнутом и 68 человек—наказанию плетьми со ссылкой тех и других в крепостные работы. Судившиеся первый раз были присуждены к плетям и ссылке лишь условно и в случае раскаяния подлежали помилованию.

стве“. Скрывшиеся из домов частью добровольно вернулись, частью были переловлены. В имении водворился порядок и обычное повиновение. Число сосланных в крепостные работы в конце концов, в виду такого поведения крестьян и с согласия Каппеля, уменьшено было до восьми.

Так закончилось волнение, родившееся из протеста крестьян против фабричных работ, стеснявших их экономическую деятельность, и разросшееся под влиянием слухов о свободе. Последнее обстоятельство обратило на себя особое внимание местного начальства и самого Николая I и было одним из толчков, побудивших правительство к изданию манифеста 12 мая. Первым же толчком к тому послужило известие о сильном распространении подобных слухов в Вологодской губернии.

Ложные толки в Вологодской губернии [1]) получили еще в марте настолько сильное развитие, что вологодский губернатор 1-го апреля счел необходимым донести об этом министру внутр. дел. По его словам, „с некоторого времени между помещичьими крестьянами распространились толки, якобы они взяты будут в казну, а потому якобы и оброков помещикам платить не следует“. Несмотря на принятые „полицейские“ меры против разгласителей таких слухов, в апреле они стали еще сильнее, и, по словам губернского предводителя дворянства, дворяне стали терпеть „отягощение от распространения в народе духа неповиновения“. Крестьяне толковали, что не нужно ни платить государственных или иных податей, ни повиноваться помещикам. Эти толки скоро претворились в действия. Крестьяне помещиков Мильгунова в Вологодском уезде, Волкова, Самаринской и отчасти Колычева в Кадниковском уезде в том же апреле прекратили платеж податей и отказались от повиновения помещикам. Впрочем, здесь неповиновения и слухи не отличались упорностью. Уже 6-го мая губернатор сообщил министру внутр. дел, что неповиновение крестьян у Мильгунова, Колычева и Волкова прекращено, и „с тем вместе разглашения между крестьянами о вольности прекращаются“. Тогда же, повидимому, прекратилось волнение и среди крестьян помещицы Сорочинской.

Хотя таким образом толки и сопровождавшие их волнения не отличались в Вологодской губернии ни силою, ни продолжительностью, известие о них произвело в центре сильное впечатление. 12 апреля министр внутр. дел сообщил об этом

---

[1]) Ц. А. М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп. 1826 г. № 331.—См. также Середонин, стр. 328.

государю, а 14-го Н. Муравьев известил его уже о повелении Николая I „иметь неослабное смотрение, чтобы подобных разглашений делаемо не было, а для прекращения сих распространяющихся вредных толков“ войти с представлением в государственный совет, какие меры он сочтет нужным принять в этом случае. Результатом было представление министра внутр. дел 27 апреля государственному совету проекта известного манифеста 12 мая [1]). На составление его уже повлияли известия о слухах и волнениях в связи с ними в других губерниях. Выше было указано, что в это время получено было тревожное донесение Безобразова о слухах среди плещеевских крестьян. На черновике записки министра внутр. дел государю по поводу этого донесения стоит даже пометка: „Нужно даже поспешить манифестом о вразумлении крестьян, который представить государственному совету“ [2]). Во второй половине апреля было уже получено донесение тверского губернатора о ложных толках среди казенных и помещичьих крестьян. Именно этим донесением мотивировал министр внутр. дел указание в манифесте на уклонение казенных крестьян от взноса в казначейство числившейся на них недоимки. Таким образом, повидимому, на выход манифеста 12 мая повлияли главным образом донесения о ложных толках и волнениях в Вологодской, Ярославской и Тверской губерниях, хотя, как мы видели, в первых двух губерниях эти волнения не сопровождались никакими эксцессами, и ничто не указывало на особую силу их. На прекращение же этих беспорядков, например, в Вологодской, губернии, манифест 12 мая не мог иметь никакого влияния: еще до его выхода слухи стали замирать сами собою. То же самое приблизительно было и в Тверской [3]) губернии. Здесь также слухи замерли сами собою без влияния манифеста и, повидимому, кроме них там действовали другие причины беспорядков.

Первое местное донесение, впрочем, и здесь носило тревожный характер. Земский исправник известил 14 апреля губернатора, что казенные крестьяне в Калязинском уезде прекратили платежи государственных податей как за 1825, так и за текущий год. Причиною этого явления послужили распространившиеся слухи, что в мае при коронации будут прощены

---

[1]) Факты, относящиеся к истории происхождения манифеста 12 мая, взяты из архивного дела о слухах в Вологодской губернии—Ц. А. М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп. 1826 г. № 331.

[2]) Ц. А. М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп. 1826 г. № 325.

[3]) Ц. А. М. Вн. Д, Деп, Пол. Исп. 1826 г. № 333.

все недоимки. В волнующиеся селения была послана военная экзекуция, не произведшая впечатления на крестьян. Напротив, они говорили, что военная команда прислана „по выдумке исправника и по просьбе волостных голов“.

Неспокойно было и среди помещичьих крестьян. Среди них шли толки, что в мае, помимо прощения недоимок, все крестьяне будут взяты в казенное ведомство. На этом основании и помещичьи крестьяне прекратили казенные платежи. Кроме того среди них, по словам исправника, „возродилось неповиновение... к помещикам, как-то: не платят оброка, не исправляют по приказаниям господских работ, приходят к помещикам своим и требуют с дерзостью от них настоятельным образом содержания тогда, когда для обработания и посева хлеба имеют довольно земли и по уборке с полей хлеба производят продажу оного; другие же по лености своей не стараются о землепашестве, о чем от некоторых помещиков также дошли уже и просьбы“. „Единодумцев сих, по словам исправника, находится не в малочисленности“.

Однако, слухи эти не пустили глубоких корней среди крестьян, а самые волнения казенных крестьян возникали не только из-за ложных слухов. Калязинский уездный предводитель дворянства, Мещерский, был в нескольких казенных волостях. Всюду крестьяне после убеждений давали подписку в повиновении. Хотя влияние слухов было несомненно, но, по указанию крестьян трех волостей, главною причиною неплатежа государственных податей был „крайний недостаток и нужда в хлебе“. Еще в ноябре 1825 г. крестьяне эти представляли через волостного голову список нуждающихся крестьян, но без всякого результата. Сам Мещерский допускал правильность такого обвинения: он указывал губернатору, что продовольственная помощь может ускорить и взнос государственных податей, ибо „весьма вероятно, что нуждающиеся крестьяне вместо взноса податей по неурожайным годам покупают на еду хлеб“. В четвертой волости, посещенной Мещерским, крестьяне еще резче выставляли эту причину невзноса податей. Здесь „ни в знании, ни в слушании (указанных толков) никто не сознавался, а единогласно уверяли, что взнос государственных податей остановился от большого недостатка в хлебе уже несколько лет“.

Таким образом и в казенных селениях, как и в других местах, неурожай прошедших лет, понизив экономическое благосостояние крестьян, создал, помимо прочих условий, крайне благоприятную среду для восприятия слухов о воле и

о льготах с воцарением нового монарха. Слухи эти, легко подхватываемые и развиваемые истомленным в борьбе с нуждою населением, в свою очередь, конечно, сами становились действующими факторами и побуждали крестьян к неповиновению.

III.

Выше мы видели, какую сравнительно ничтожную роль играли слухи о воле в ряде поводов, вызвавших брожение в имении кн. Гагарина. Между тем это волнение принадлежит к числу тех, которые непосредственно побудили правительство бороться со слухами о воле. Не бо́льшую роль играли эти слухи и в других крупных волнениях, о которых имеются более или менее подробные сведения. Даже те из них, которые, судя по официальной переписке, были непосредственно связаны со слухами о воле при воцарении Николая I,— об'ясняются в значительной степени экономическими и иными причинами, но не исключительно слухами. Остановим внимание на трех таких волнениях, а именно, на волнениях крестьян двух псковских помещиков, Ноинского и Цеэ, и рязанского помещика, Демидова.

Волнения крестьян помещиков Ноинского и Цеэ тесно связаны между собою. Очагом волнения было имение Ноинского, и отсюда, повидимому, оно перешло к крестьянам Цеэ, поддержанное, впрочем, далеко не всею массою крестьян. Такая связь между этими волнениями об'ясняется, между прочим, тем, что и те, и другие крестьяне были приобретены помещиками от гр. Завадовской. Будучи раньше в одной и той же вотчине, крестьяне продолжали, повидимому, известное общение между собою.

Если верить указаниям псковского губернатора, заключениям следователей, а также показаниям крестьян, данным *после* усмирения, экономическое положение крепостных в этих имениях было очень хорошим. Но, по некоторым проскользнувшим черточками, можно думать, что не все в них было благополучно, и существовали условия, накоплявшие недовольство в крестьянах. В одном из своих донесений псковский губернатор, представляя записку об управлении имением Ноинского, писал: „Поистине ни один из всех крестьян Ноинского и Цеэ не имеет ни малейшей причины справедливо жаловаться на помещиков“. Причину возмущения, помимо ложных слухов, губернатор видел в том, что „крестьяне сии, быв прежде вообще

все на оброке, при слабом управлении оными, жили в своеволии и праздности, а теперь своеволие ограничено, требуют от них порядка, и не смеют отлучаться без позволения своевольно из вотчины". Таким образом, перевод некоторых крестьян с оброка на другие повинности, сокращение самостоятельности, более суровое управление и стеснение отлучек из имения, по признанию самого губернатора, служили источником недовольства крестьян в указанных двух имениях. В имении Ноинского это суровое управление, видимо, переходило обычные границы. Псковская уголовная палата определила, между прочим, по делу крестьян Ноинского: „подтвердить" управляющему вотчиной Ноинского, „чтобы он за противозаконные поступки крестьян подвергал их разбору судебных мест, но не вотчинной конторы".

Самых жалоб крестьян мы не имеем в подлинниках. Из официальной переписки министерства внутренних дел известно, что в пяти всеподданнейших прошениях, поданных крестьянами Ноинского и Цеэ, они жаловались на „чинимые им притеснения, излишние денежные с них сборы", а крестьяне Ноинского, помимо того, и „на делаемые побои". Эти жалобы по расследовании были признаны ложными, а прошение крестьян Ноинского губернатор в одном из своих донесений назвал „злостно и дерзко выдуманным". Показания крестьян, как сказано, были безусловно благоприятны для помещика, но как данные *после* усмирения не могут считаться искренними, а потому достоверными источниками для суждения о положении крестьян. Они отзывались о своем помещике в высшей степени благоприятно. Крестьяне, раненые при столкновении с военною командою в имении Цеэ, „об'явили, что никаких причин не имели жаловаться на помещика, оброк платят тот же, который платили прежней их помещице Завадовской; что, напротив, теперь имеют всякую защиту от помещика; у графини, по их словам, их более стесняли и обижали, ибо барыня в вотчине не жила". Другие крестьяне Цеэ также заявили, „что от помещика и ни от кого никаких обид и стеснений не имеют", а сам помещик „совершенный им отец" [1]). Крестьяне Ноинского также заявили при расспросах, что они довольны управлением, а если и есть недовольные, то причина тому их собственная вина. Составитель записки об управлении имением Ноинского признает действия помещика „отеческим попечением.. о крестьянах своих". Однако в этой записке есть

---

[1]) Ц. Арх. М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп. 1826 г. № 329.

все же некоторые фактические данные, позволяющие несколько разобраться в действительном экономическом положении крестьян Ноинского.

Почти все крестьяне в обширном [1]) имении Ноинского состояли на оброке. Лишь немногие, „кои совсем развратны, по хозяйству нерадивы“, состояли на барщине. Соответственно этому господская запашка была невелика. В господском поле высевалось 22 четв. ржи, 50 четв. овса и 3 четв. льну. Крестьяне должны были отбывать барщину с земельных участков. За каждые 2 земельные участка должно было работать по 3 дня мужских и женских в неделю. Оброчные крестьяне уплачивали оброк также с земельных участков, полагая с каждого участка по 30 рублей. Для выяснения обеспеченности крестьян следовало бы выяснить величину земельного участка. Земельный участок, или шест, был шириною в косую сажень, „а вдоль, по возможности“; „так же были поделены покосы“. „Платящие 30 р. высеивают по 8 осмаков ржи (осмак—$1^1/_2$ четверика) и косят от 30 до 40 копен сена (копна составляет 5 пудов)“.

Итак, посев ржи на указанном участке равнялся $1^1/_2$ четверти, что, при среднем урожае сам 3, даст $4^1/_2$ четверти, т.-е. на продовольствие и прочие потребности должно было оставаться не более 3-х четвертей. Полагая на тягло около 4-х наличных душ мужск. и женск. пола [2]) и по 2 четверти в год на продовольствие взрослого человека, можно предположить, что тягло для своего существования должно было брать 2 земельных участка, т.-е. уплачивать 60 рублей. Это соображение косвенно подтверждается тем, что обыкновенная трехдневная барщина (мужская и женская) требовалась с 2-х земельных участков. При этом озимый посев ржи на двух земельных участках, видимо, мог обеспечить лишь продовольствие тягловой семьи, не давая излишка для уплаты оброка. Кроме озимого крестьяне сеяли на яровых полях овес, ячмень, горох или лен; каждый, платящий 30 рублей, накашивал от 150 до 200 пудов сена. Повидимому, льноводство и было главным средством для уплаты оброка и других повинностей. Кроме того, они пользовались лесом; хотя самовольные порубки им были запрещены, но „строевой лес на поправку строений

---

[1]) У Ноинского, судя по официальной переписке министерства внутр. дел, было более 2000 душ.

[2]) В 1858 г. в имениях, где было более 100 душ, на 1 тягло приходилось в Псковской губернии 1,89 д. муж. п.

дается им по рассмотрению, сколько кому нужно, по билету из конторы без всякой платы... дровяного леса всякий рубит, сколько хочет".

Земледелие во всей своей совокупности, очевидно, не вполне обеспечивало крестьянам уплату оброка и их существование. По крайней мере, при покупке крестьян от Завадовской, у которой крестьяне платили такой же оброк, на них оказалась значительная недоимка как хлебом, так и деньгами [1]). Существование в 1826 г. господской запашки и барщинных из числа неисправных хозяев, равно как и некоторые мероприятия Ноинского, указывают, что и новому помещику приходилось бороться с бичем оброчных имений—недоимкой. Широкая помощь, которую этот помещик оказывал крестьянам, также свидетельствует косвенно о непрочности экономического положения крестьян в этом имении [2]).

Довольно трудно установить размер крестьянских платежей. Полагая, что тяглу приходилось бра́ть по крайней мере 2 земельных участка, найдем, что оброк с тягла равнялся 60 р. асс. в год. Кроме того, крестьяне вносили по $11^1/_2$ р. различных платежей с души, или приблизительно по 23 руб. асс. с тягла. Часть этих денег шла на государственные подати, часть на земские повинности и на содержание конторы, а на остаток от собираемой суммы была заведена лавка при конторе. В этой лавке продавались все необходимые для крестьян продукты. Заведение лавки мотивировалось тем, что при ее существовании крестьянам не нужно было отлучаться от домов. Так как крестьяне, между прочим, жаловались на стеснение отлучек, то лавка, лишая крестьян предлога отлучиться лишний раз из имения, не могла пользоваться симпатиями крестьян. Помещик при помощи лавки не только ограничивал общение крестьян с внешним миром, но освободил себя, по крайней мере, от части расходов на вспомоществование крестьянам, косвенно обложив их для этой цели, ибо доходы с лавки, по словам записки, „оставались в конторе и обращались на вспоможение крестьянам".

---

[1]) При покупке имения на крестьянах числилось 21.886 рублей оброчной недоимки, 9.116 рублей 26 коп.—общественной суммы, помимо взятых ими 800 четвертей 2 четвериков и 8 гарнцев ржи и 315 чтв. 7 чтк. 5 гарнцев овса.

[2]) Так, помещик в 1825 и 1826 годах по просьбе крестьян дал им взаймы 40.000 рублей; в 1825 г. было роздано 4.000 рублей бедным крестьянам для покупки лошадей. На вспомоществование крестьянам шли также доходы с лавки в имении, о которой будет сказано ниже.

Внося довольно значительный оброк, крестьяне не были свободны от работ на помещика, хотя часть их и оплачивалась. Крестьяне должны были рубить и вывозить бревна и другой лес для господского дома, возить бесплатно булыжный камень для вала вокруг господского двора, полагая с 15 душ по 1 сажени. В 1825 году было приказано вывезти по 1 сажени этого же камня с каждых 5 душ для подведения под крестьянские дома каменных фундаментов; помимо этого эти камни возили для постройки каменных мостов и запруд вместо деревянных. Крестьяне жаловались также, что их заставили делать дороги, проведенные от деревни до деревни шириною в 3 сажени. За возку камня для фундамента под господские строения крестьянам платили по 5 рублей с сажени, и возка эта была добровольной. Эти работы преследовали различные хозяйственные цели: по указанию записки, поля в имении были усыпаны булыжным камнем, и через вывозку их поля очищались. Каменные фундаменты, запруды, мосты, широкие, прочные дороги между деревнями, конечно, вносили улучшения в хозяйственную жизнь крестьян и помещика. Но все же эти работы были большою прибавкою к оброку, который, судя по примерам в других имениях, не мог почитаться низким.

Но, помимо этого, одно мероприятие помещика могло открыть управляющему и другим вотчинным властям путь к эксплоатации крестьян. Выше было упомянуто, что льноводство, повидимому, было для крестьян источником, откуда черпались их денежные средства. Между тем, именно на эту отрасль крестьянского хозяйства помещик наложил свою руку, взяв на себя посредничество между крестьянами и рынком. Крестьяне должны были отдавать вырабатываемый ими лен на господский двор, где его принимали по определенной оценке. Из суммы, причитающейся за сданный лен, контора удерживала подати, оброк, взыскивала долг, сделанный крестьянами в 1825 и 1826 годах, и лишь остатки выдавала крестьянам. „Записка“ оправдывала этот хозяйственный порядок. Она указывала, что по вольным ценам крестьянам платили от 20, 30, 40 и до 50 рублей за берковец сырца высшего сорта, да и эти деньги уплачивались не сразу, а сначала выдавалась половина, остальные же или уплачивались по частям, или пропадали за покупщиками. Помещик установил цену от 30 до 60 рублей за берковец, т.-е. на 10 рублей больше, чем при вольной продаже; кроме того, провоз льна был ближе. Однако, то обстоятельство, что крестьяне, будучи во владении Завадовской, были недоимщиками, что посредничество по про-

даже льна гарантировало помещику исправную уплату оброка, податей и даже крестьянского долга, заставляет предположить, что вся эта хозяйственная операция по льноторговле была заведена не столько в интересах крестьян, сколько для гарантии помещичьих доходов, а именно—для устранения впредь оброчных недоимок. Жалобы крестьян на это мероприятие помещика лучше всего показывают, что они предпочитали старый порядок льноторговли, дававший им свободу в хозяйственной деятельности и в распоряжении денежными средствами. Нельзя не заметить также, что, при таком посредничестве помещика, несомненно, приходилось следить, чтобы крестьяне, в поисках средств к существованию, не продавали лен помимо конторы. Этим можно об'яснить заведение лавки, которая имела целью, как сказано, сократить число отлучек крестьян из имения. Это об'ясняет и прямое запрещение самовольных отлучек крестьян. Торговое посредничество помещика неизбежно должно было вести к стеснению хозяйственной самостоятельности крестьян и к вмешательству в их внутреннюю жизнь. С другой стороны, при приеме и оценке льна, при зачете его в оброк и другие платежи, открывалось широкое поле для злоупотреблений вотчинного управления тем более, что сам помещик был далеко, и управление имением находилось в руках управляющего гофмейстера.

Хотя в хозяйстве Ноинского и можно вскрыть стороны, могущие тяжело отражаться на хозяйственной деятельности крестьян и на общем укладе их жизни, тем не менее нет достаточных оснований допускать, чтобы именно эти стороны жизни крестьян были главными причинами волнения среди них в 1826 году. Скорее организация помещичьего хозяйства возбуждала в крестьянах недовольство, которое сделало их более восприимчивыми к слухам, донесшимся до них в 1826 г. Слухи эти дали крестьянам надежду совершенно освободиться от помещичьего гнета, указав им и путь к этому в виде подачи жалобы государю на притеснения помещика. Повидимому, самые жалобы (а их было подано, как указывалось, в общем пять) крестьян Ноинского и Цеэ [1]) были вызваны не

[1]) О том, каковы были порядок управления и формы помещичьего хозяйства в имении Цеэ, почти ничего неизвестно. Из официальной переписки министерства внутр. дел. видно только, что, по указанию крестьян Цеэ, они платили тот же оброк, что и во владении гр. Завадовской, т.-е., судя по примеру крестьян Ноинского, по 30 рублей с земельного участка. Это косвенно подтверждается сведениями об этом имении, доставленными дворянскому губернскому комитету в 1858 г. И тогда в имении В. А. Цеэ в сельце Тучине с деревнями платили оброк с земельных участков. Каж-

столько чувствуемою ими эксплуатациею помещиков, сколько содержанием слухов.

Слухи эти, повидимому, проникли из Петербурга через крестьян, вернувшихся оттуда зимою 1826 года. Крестьяне Кирсан Алексеев, Данило Михайлов и другие из имения Ноинского, возвратясь из Петербурга, рассказывали, что помещики Ноинский и Цеэ арестованы и сосланы в Сибирь, а государь обещал дать вольность всем тем крестьянам, которые заявят неудовольствие на своих помещиков. Слухи эти были приняты, повидимому, с доверием и разнеслись как в имении Ноинского, так и у Цеэ. Начались сходки, совещания, в результате которых из этих двух имений было послано 14 ходоков (3 из имения Ноинского и 11 из имения Цеэ) для подачи всеподданнейшего прошения. В имении Цеэ, повидимому, дело только этим и ограничилось, ибо в последовавшем кровавом столкновении с военною командою принимала участие лишь группа крестьян, а остальные только попытались освободить товарищей. По крайней мере, при допросах в земском суде крестьяне Цеэ заявили, „что они никогда из повиновения помещика своего не выходили и намерения к тому не имеют“. Однако, и здесь, по показанию раненых крестьян (Кирсана Алексеева, Данилы Михайлова и др.), „их к присяге приводили не повиноваться помещику и не выдавать, и стоять друг за друга“. Меньшая податливость крестьян Цеэ к волнению может быть отчасти об‘яснена тем, что помещик, живший обыкновенно в имении и лично управлявший им, принял энергичное участие в усмирении. Во всяком случае, здесь волнение, повидимому, не охватило всей крестьянской массы, а кровавое усмирение, сопровождавшееся человеческими жертвами, быстро привело всех крестьян в покорность помещику.

В имении Ноинского также происходили в разных селениях сходки, на которых толковали о близкой воле, о прекра-

---

дый участок в 10 десятин в деревнях I разряда оплачивался по 14, а в деревнях II разряда по 12 рублей. С тягла приходилось платить по 32 рубля, при чем плата взималась отчасти льном в размере 11 пудов, полагая 2 рубля за пуд. Сверх того, за пользование лесом, выгоном и усадьбой владелец каждого участка должен был обработать и убрать $^1/_6$ десятины в озимом, $^2/_3$ в яровом поле и $^3/_4$ дес. сенокоса.

В этих порядках можно узнать систему Ноинского со взиманием оброка льном. Принимая во внимание такое сходство в хозяйственных порядках между имением Ноинского в 1826 году и имением помещика Цеэ в 1858 году, можно предположить, что и в 1826 году разница между этими имениями в организации помещичьего хозяйства была не очень велика.

щении платежа государственных податей и господского оброка, о том, чтобы не ходить на господскую работу. Брожение нарастало, и вскоре обнаружилась тенденция перейти к насильственным действиям против вотчинных властей. Так, 7 марта крестьяне с двух сторон направлялись к вотчинной конторе с намерением разбить ее и выгнать управляющего и других вотчинных начальников. Впрочем, крестьяне не пошли дальше намерения. Они разошлись, не дойдя до конторы. Когда в имение явился дворянский заседатель Култашев, крестьяне отказались выдать ему К. Алексеева, не явились к нему на допрос, грозили выгнать его кольями, если он прислан помещиком и не имеет бумаги от самого царя. Култашев признал себя бессильным перед разбушевавшеюся толпою и известил порховской уездный суд, что без военной команды невозможно смирить крестьян. Узнав о начавшемся брожении в имениях помещиков Цеэ, Вильбоа и Завадовской, Култашев поспешил воспользоваться этим предлогом и удалился из имения Ноинского. В других соседних вотчинах, было, очевидно, относительно спокойно, ибо Култашев мог установить в имении Ноинского ночные караулы из крестьян „прочих вотчин".

Псковский губернатор отнесся очень недоверчиво к донесению земского суда о событиях в имении Ноинского „поелику,—писал он министру внутр. дел,—из многих опытов дознано мною, что часто самые малые неповиновения крестьян земскими судами названы были бунтами". Однако, он попросил порховского уездного предводителя дворянства лично удостовериться в размерах происшедшего. Если бы не удалось воздействовать на крестьян убеждениями, уездный предводитель должен был вызвать 2 батальона солдат для усмирения. В целях удаления зачинщиков губернатор предложил пригласить крестьян являться к нему лично для подачи жалобы на притеснения, если таковые имеются. В то же время губернатор предложил министру внутренних дел „приказать" помещику Ноинскому лично отправиться в имение, полагая, что причина неповиновения кроется, быть может, в злоупотреблении управляющим предоставленною ему властью.

В имении Цеэ, где волнение началось несколько позднее, события неожиданно приняли бурный характер. Крестьянская масса и здесь была настроена мирно, но нашлась кучка смельчаков, крепко веривших в царскую волю освободить их и готовых упорно защищать дарованную вольность. Вызван-

ная в имении военная команда окружила дом, где обыкновенно собирались крестьяне для совместных совещаний. В то время в доме находилось до 40 крестьян. Не желая сдаваться, крестьяне эти забаррикадировались, благо у них в руках имелось некоторое оружие. По словам Култашева, три дня отсиживались эти смельчаки, отрезанные от внешнего мира, не получая извне никаких с'естных продуктов. Поведение их, конечно, не было вежливым; они „наносили в окно" помещику Култашеву и военной команде „разные орудиями своими грубости". На третий день вечером, 13 марта, крестьяне, бывшие на свободе, „товарищи оных бунтовщиков, между коими даже были и жены некоторых", решили притти на помощь осажденным. Они подожгли стоявший недалеко от осажденного дома сарай с сеном и соломой в расчете на то, что в сумятице при тушении пожара военная команда должна будет отдалиться от злополучного дома, и тогда возможно будет освободить невольных арестантов. Их расчет разбился, видимо, о жестокость усмиряющих чиновников и самого помещика. Военной команде было приказано не трогаться с места и не тушить пожара. Когда осажденным стала грозить опасность быть сожженными живьем, они попытались пробиться с оружием в руках. В то же время товарищи, поспешив на помощь, напали на солдат с тыла. Во время происшедшего столкновения с военною командою, при чем со стороны последней было пущено в ход огнестрельное оружие, 8 человек крестьян было ранено; один из раненых умер на другой же день, двое—во время следствия в тюрьме. Кроме того, двое из осажденных сгорели в доме, не успев выскочить из него. Со стороны солдат было очень мало потерпевших: один солдат был ранен в голову из ружья, другой—„зашиблен по руке дубиною". Каким образом солдат получил огнестрельную рану, и стреляли ли крестьяне из ружей—осталось невыясненным. Култашев представил земскому суду только „железные оружия, после пожара найденные". Арестованные 33 человека из числа бывших в доме показали лишь, что они были с „разными орудиями", но кто стрелял из ружей—они не знают.

После кровавого столкновения 13 марта замирение крестьян Цеэ не представляло трудности. По прибытии земского суда для расследования происшедшего, арестованные крестьяне немедленно выразили раскаяние. Крестьяне, вызванные на допрос, беспрекословно дали подписку в повиновении, заявив, что они и намерения не имели ослушиваться помещика. Вол-

нение в имении Цеэ этим собственно и закончилось. Губернатору, а затем командированному государем флигель-ад'ютанту полковнику Герману нечего было делать здесь. Собранные 25 марта по поводу их приезда, крестьяне Цеэ опять выразили готовность повиноваться, называя Цеэ „совершенным отцом". Напуганные кровавыми событиями и гибелью в огне 2 крестьян, они готовы были теперь сваливать всю вину на „смутьянов", „начинщиков". В их поведении замечается даже некоторая озлобленность против кучки удальцов, не пожелавших сдаться помещику. Родной отец одного из „начинщиков", Алексеев, простер свое раскаяние до того, что проклял собственного сына, называя его „разбойником". Губернатор предоставил самим крестьянам в своем присутствии судить 11 человек, на которых они указывали, как на более виновных. На основании такого „самосуда" губернатор „приказал по мирскому приговору и с согласия помещика высечь" 4 крестьян порядочно розгами, затем некоторых других из восьми,—„полегче". После этого „весь мир"... и сами „наказанные"... благодарили губернатора „за отеческое наставление".

Крестьяне Ноинского проявили при усмирении больше упорства. Здесь также была введена военная команда. 18 марта в село Крутец этого помещика выехал сам губернатор, об'ехав по дороге 12 деревень, всюду внушая быть спокойными и немедленно явиться по его зову. Однако, в назначенный день, 21 марта, к губернатору никто не пришел, 22 марта, когда прибыл Герман, вместо всех крестьян в контору явились лишь некоторые из повинующихся. В то же время крестьяне, по словам старшины, собирались толпами в разных местах, соединившись, наконец, в деревне Стрелищах. Между ними было до 60 человек, вооруженных ружьями, пиками и дубинами. Однако, узнав, что к ним идут 2 роты солдат, крестьяне разошлись. 23 марта крестьяне, правда, после угроз строгими наказаниями за ослушание, сами пришли к конторе, где и были окружены солдатами. Увещания Германа, его указания на „непременную волю" государя, „чтобы крестьяне безусловно обратились к повиновению", а также и арест 5 „начинщиков", произвели мало впечатления на крестьян. Только под розгами они смирились и выразили раскаяние.

Несмотря на быстрое замирение крестьян, военные команды стояли довольно долго в имениях Ноинского и Цеэ. Лишь 14 мая они были удалены согласно просьбам, поданным самим Цеэ и

управляющим имением Ноинского. Тот и другой мотивировали свои просьбы полным спокойствием в их имениях.

Судебный финал дела нам неизвестен. По повелению Николая I, дело этих крестьян было в конце концов перенесено в сенат. Когда и чем оно кончилось здесь—неизвестно. Еще в декабре 1827 г. государь настаивал, чтобы дело о них было решено „в скорейшем времени“.

Таково было это волнение, где слухи о воле занимали в ряде поводов первое место. Но и здесь внимательный анализ вскрывает экономическую подоплеку, об‘ясняющую недовольство крестьян и ту быстроту и легкость, с которою крестьяне восприняли желанную весть о близком освобождении.

Ознакомимся еще с одним волнением, происшедшим значительно позже—в мае 1826 г.—и вызванным также в значительной степени, если не главным образом, слухами о воле. Здесь слухи упали на подготовленную почву, в виде недовольства крестьян мерами вотчинного управления в борьбе с недоимками. Волнение это произошло в имении Ник. Никит. Демидова, в селе Ерахтуре с деревнями Касимовского уезда Рязанской губернии [1]).

В общем положение крестьян в обширной касимовской вотчине Н. Демидова было очень хорошим. Эти крестьяне пользовались всею господскою землею, лесами, лугами, рыбною ловлею на реке Оке. Оброк в 60 рублей с тягла не был значителен, принимая во внимание, что из него выплачивались государственные подати и земские повинности. Крестьяне, правда, жаловались на сбор рекрутских денег, при котором рекрут брали все же натурой. По поверке оказалось, что денежный сбор на рекрутскую повинность действительно существовал, но рекрутчина отбывалась через представление рекрутских зачетных квитанций по другим имениям Демидова, и лишь в случае недостатка их отдавались в рекруты ерахтурские крестьяне, „кои приняли худую жизнь и поведение“. Впрочем, нельзя не заметить, что этот сбор указывает на какие-то денежные операции по рекрутской повинности. Зачетные квитанции могли быть лишь за сданных в зачет рекрут, что применялось обыкновенно к элементам, почему-либо нежелательным в имении: в рекруты сдавались пьяницы, за худое поведение, конокрадство и т. п. Существование особого денежного сбора наводит на догадку, не продавались ли вотчинным пра-

---

[1]) А. М. Вн. Дел—Д. Пол. Исп. 1826 г. № 349. Также—Арх. III Отд. IV экспед. 1826 г. № 94.—Повалишин, „Рязанские помещики и их крепостные“, стр. 20, 137, 262—267.

влением эти зачетные квитанции своим же крестьянам при рекрутских наборах, на что и шел указанный сбор. В таком случае помещик достигал нескольких целей: освобождался от негодных в хозяйстве элементов, сохранял полезные для себя рабочие силы и получал некоторый денежный доход. Такой порядок, по крайней мере, существовал в имении однофамильца Ник. Демидова—В. Л. Демидова в Быковской вотчине Нижегородской губернии. Этот образцовый помещик, как видно из его приходо-расходной книги, получал таким путем немалый доход по своему имению.

Повидимому, нечто подобное существовало и в имении Н. Н. Демидова в 20-х гг. XIX столетия. Больше всего недовольство вызывала борьба вотчинного управления с недоимкою. Недоимщики высылались на демидовские заводы в Пермскую губернию [1]) по одному из каждых двух недоимочных тягол. За эти работы шла плата в размере 50 коп. в день и 2 пудов муки в месяц; сверх того, на 2 тягла зачиталось 100 рублей в недоимку. Все расходы по пути помещик брал на себя. Эта плата, по указанию производивших следствие, составляла в общем более 300 р. в год, что превышало обычную заработную плату одному работнику в Касимовском уезде. Тем не менее отправка эта, отлучая работников от семей, обрекая их на всевозможные лишения в долгом пути, на тяжелые заводские работы, могла быть тяжелой для крестьян независимо от размера заработной платы. Эти-то недоимщики, которым грозило отправление на заводы, и подхватили циркулировавшие слухи, что новый царь освобождает казенных крестьян от податей, а всех крепостных—из-под власти помещиков. Один из них, Никон Ефимов, на сходке, собранной 27-го мая в селе Ерахтур для выбора понятых при межевых работах, произнес горячую речь, что теперь не до межевания, что теперь нужно стараться, чтобы господин не мог посылать их в заводские работы, для чего пригласил мирян подать прошение царю, чтобы он взял их за себя. Предложение Ефимова было подхвачено крестьянами; они здесь же отказались от всякого повиновения господину [2]) и порешили отправить ходоков к царю

---

[1]) Ходок Костромин утверждал, что высылали и в Херсонскую губ. В прошении на имя цесаревича Константина он написал, что в 1823 г. „из домов вывезены в Херсонскую губернию 50 и более семей, . кои также извещают, что в работе великое имеют притеснение“. (Архив III Отделения IV экспед. 1826 г. № 94).

[2]) Тот же Костромин, при допросе в III отделении, утверждал, что „все вообще крестьяне из послушания вотчинному управлению никогда не выходили“.

с прошением от мира. Приехавший 29-го мая исправник не сумел повлиять на крестьян. Чтение манифеста 12-го мая в церкви на другой день не удалось. Крестьяне не пожелали его выслушать и ушли из церкви. Исправник попытался прочесть его вне церкви, но крестьяне отошли прочь. Это неуважение к об'являемой царской воле, конечно, усугубило вину крестьян в глазах местных властей. Сами же крестьяне при следствии об'ясняли нежелание слушать манифест в церкви, „что в церкви при евангелии и кресте заставят подписаться быть вечно господскими, а при том и то, что, может, другой был не чист и не в обрядном платье".

Сверх этого ослушания, крестьяне отказались итти поодиночке к исправнику на допрос. Исправник, лишенный возможности произвести дознание, сообщил о происшедшем губернатору, настаивая на введении военной команды. Губернатор лично отправился в имение, командировав туда 1 роту солдат и 100 человек конвойной команды.

Однако, пыл крестьян быстро охладел, и их доверие к слухам, видимо, не было сильным. 4-го июня они встретили губернатора с „из'явлениями знаков покорности", выслушали манифест, дали арестовать крестьян, которые „больше прочих упорствовали" при чтении манифеста. Губернатор заметил в них более „недоверчивости к вотчинному управляющему по из'являемым на него стеснениям, нежели непокорности к законной власти". Из предосторожности он оставил, однако, в имении военную команду, пробывшую здесь до половины июня.

При расследовании крестьянских жалоб на вотчинное управление они были признаны „не заслуживающими уважения"; плата высылаемым на пермские заводы признавалась достаточной. Таков же был результат командировки по высочайшему повелению флигель-ад'ютанта бар. Фридерикса в июне 1826 г. Он побывал в имении вместе с губернатором 26 июня уже после усмирения, нашел крестьян, конечно, в полной покорности и также признал их жалобы неосновательными.

Однако, на этом дело не закончилось. Хотя крестьянские ходоки были арестованы, но одному из них, ~~Григорию Костромину~~, удалось скрыться и добраться до Москвы, где он подал Николаю I два прошения—4 августа и 18 сентября. Судьба 1-го прошения нам неизвестна. Второе прошение, дошедшее до нас в черновике, было переслано губ. предводителю дворянства для расследования. В нем незаметно влияния слухов о воле. Костромин просил лишь о „покровительстве", жалуясь на управителя Обедова, который „чинит (им) всегдашние на-

падки, а именно, посылкою в сибирские работы для ископания золотой руды, за которые хотя и полагает им плату, но весьма незначительную, посредством которой, и так будучи стесненного и бедственного положения, не в состоянии даже не только платить возложенного на них оброка... но даже с большим затруднением могут приобретать для семейств наших дневное пропитание; за недоимки же, которые и когда находятся на крестьянах, отнимает хлеб и сгоняет с дворов скотину, а с некоторых крестьян берет и деньги за рекрутскую якобы недоимку, которой совершенно никогда не случалось". Костромин утверждал, что крестьяне несколько раз пытались жаловаться помещику, но Обедов „к тому никогда не допускал".

Расследование по этому прошению опять опровергло крестьянские жалобы. Преданные суду за неповиновение 41 человек были приговорены к различным наказаниям, начиная с тюремного заключения, батожья и кончая кнутом и ссылкою в бессрочную каторжную работу. Впрочем, уголовная палата смягчила приговор относительно 18 человек, подведя их под манифест 22 августа 1826 г. Им было лишь подтверждено о полном повиновении помещику под угрозою строгой ответственности за новые нарушения порядка. Относительно остальных 23-х человек приговор был утвержден полностью. За правительственными репрессиями последовали, видимо, и помещичьи. По словам Костромина, он, вернувшись в вотчину, нашел, что 90 семей из 3-х деревень, в том числе и его собственная семья, „были высланы в Сибирь" [1], „а детей его разослали по разным местам единственно за подачу им просьбы". Высланные сообщали, по его словам, что их сильнее отягощают работами, чем местных жителей. Оставшиеся же на месте крестьяне доведены излишними сборами оброков и податей „до самой крайности и нищеты".

Костромин не примирился с таким исходом дела и, не получив защиты у Николая I, возложил надежды на цесаревича Константина. Питаясь христовым именем, добрался он до Варшавы и 8 декабря подал прошение Константину Павловичу с изложением прежних крестьянских жалоб [2]) и положения дел

---

[1]) Вероятно, на пермские заводы.

[2]) В этом прошении Костромин сообщал некоторые детали и вариации жалоб. По его словам, Обедов „посылает ежегодно по 200 и более человек на железные заводы... с весьма маленькою платою, так что в пути с великою нуждою могут до места себя пропитывать... за недоимки сгоняет у них скот и отбирает как молоченный, так и не молоченный хлеб, а с немочных крестьян сбирал рекрутскую повинность насильственным образом по 1000 и 500 р., но куда таковую сумму употреблял, крестьянам неизвестно".

в имении. Он просил вернуть высланных и запретить управителю отягощать крестьян излишними поборами.

Этим прошением на имя цесаревича заинтересовался, видимо, сам Николай I, быть может, потому, что оно указывало на популярность имени Константина Павловича в народе [1]). Костромин был переслан в Петроград в III отделение, и об его показаниях гр. Бенкендорф делал особый доклад Николаю I. В показаниях Костромина ничего особо интересного для Николая не оказалось, и Костромин был переслан рязанскому губернатору для поступления по закону [2]). Николай I наложил было резолюцию на докладе Бенкендорфа „поручить одному из фл.-ад'ютантов расследовать и донести“, но, повидимому, дальнейшего движения эта резолюция не получила в виду бывшей уже в июне 1826 г. для той же цели командировки Фридерикса.

IV.

Связь других волнений со слухами о воле была еще слабее, чем в вышеописанных случаях. Они имели более глубокие причины, скрывавшиеся в экономическом положении крестьян, и слухи играли здесь скорее роль поводов, чем причин волнения. Возьмем для примера волнение в большом имении помещицы Пономаревой.

Имение Пономаревой [3]) было расположено частью в Тверской, частью в Ярославской губерниях В имении было более 4000 душ крестьян. Большая часть их жила в Тверской губернии, в Кашинском уезде; центром этой части имения было село Кой, где жили сама помещица и ее сын, Ник. Ив. По-

---

[1]) „Всемилостивейший государь!“—писал между прочим Костромин:—„все, прибегающие под покров и защиты, вкушали и вкусили щедрот ваших; удели их нам, истощенным... неужели оскудеет к нам единым вашего императорского величества (sic) благодать и милосердие ваше“.

[2]) Костромину был предложен особый вопрос, не подстрекал ли кто-либо крестьян к подаче прошений, но Костромин заявил, что „в принесении помянутых жалоб никто из посторонних лиц не участвовал, а (крестьяне) учинили то по собственному побуждению“. III отделение, видимо, не удовлетворилось таким показанием Костромина, и Бенкендорф, пересылая его губернатору, поручал последнему „удостовериться, что побудило Костромина подавать всеподданнейшие жалобы“.—Любопытно отметить, что во всей междуведомственной переписке по III отделению относительно Костромина умалчивается, что последнее его прошение было подано цесаревичу Константину.

[3]) Арх. Мин. Вн. Дел. Деп. Пол. Исп. 1826 г. № 836.

номарев, управлявший всем имением. Меньшая часть имения с населением в 2019 душ была расположена в Мологском и Мышкинском уездах Ярославской губернии; главным пунктом здесь было село Воскресенское. Пономарева получила это имение в 1823 году по духовному завещанию от мужа, купившего его еще в 1809 году от Нелединских-Мелецких. Очевидно, крестьянам жилось хорошо при прежних владельцах, ибо еще в 1825 году между крестьянами и бывшим их помещиком, Ю. А. Нелединским-Мелецким, были хорошие отношения. Хотя Пономарева и заявляла впоследствии, что управление со времени Нелединских-Мелецких сохранилось неизменным, однако благосостояние по крайней мере части крестьян к 1826 году стояло на низкой ступени, и среди крестьян накопилось большое недовольство против помещицы.

Все крестьяне койской и воскресенской вотчин состояли на оброке. Оброк, по показанию койских крестьян взимался с земельного участка. В воскресенской вотчине оброк взимался с „тягольной души“ [1]). В этой вотчине было до 1825 г. 1.778 тягловых душ; на каждую из них (или на земельный участок) падало 40 р. асс., в счет которых зачитался самый оброк и деньги, собираемые на мирские расходы, на жалованье должностным лицам в вотчине и другие необходимые издержки по мирским приговорам. В 1825 году число тягольных душ возвысилось до 2,008 с понижением оброчной суммы до 36 р. [2]). Помимо денежных сборов, с тягловой души взималось по 1 чтк. ржи, 2 чтк. овса, по 2 пуда сена и 1 арш. холста. Эти продукты шли на содержание дворовых, господских лошадей, а остатки—в запасной магазин для раздачи на посев и пищу неимущим крестьянам.

Хотя крестьянам была предоставлена вся господская земля, они, повидимому, очень мало занимались земледелием. В воскресенской общине на 1 рев. муж. пола душу приходилось всего лишь 1,6 пахоты или по $^1/_2$ дес. в каждом поле. Так как число тягол почти совпадало с числом ревизских душ, то, следова-

[1]) Это косвенно подтверждается земельными порядками в 1858 году, когда имение принадлежало Ник. Ив. Пономареву. Оброк перед реформою взимался в тверской части имения с земли, которая по примеру остзейских губерний разделена была на осмаки: 1.406 осмаков платили по 12 р. 60 к.; в Ярославской губернии оброк взимался с земли, разделенной между крестьянами по количеству душ 8-й ревизии на участки (гакены) по 14 р. 29 коп. с каждого участка. Прил. к Тр. Ред. Комм.

[2]) В первую половину 1826 г. в эту же сумму, очевидно, вошел сбор с тягловой души по 3 рубля „подушных и на расходы по вотчинному управлению“.

тельно, 36-рублевый оброк должен был оплачиваться при такой ничтожной запашке. Распределение земельных угодий указывает на развитое скотоводство, ибо при 1,6 дес. пахоты было почти 2 дес. сенокоса, не считая покоса по дровяному лесу [1]). И, действительно, мы встречаем указания в расследовании чиновника Топорского, что даже у „малоимущих" крестьян были „довольно исправные лошади", по две и „редко у кого по 1 корове, не полагая в число сие мелкого скота". На развитое скотоводство указывает косвенно и то, что предоставление крестьянам извоза за повышенные цены служило одним из родов помощи помещика неимущим крестьянам.

Помимо скотоводства крестьяне, видимо, занимались торговлею и промышленностью; среди них были развиты отхожие промыслы. Так, в селе Кое многие крестьяне имели лавки, торговали разными товарами и с'естными припасами; это было крупное село, куда в торговые дни с'езжались купцы и мещане из Кашинского, Угличского и Бежецкого уездов, а также помещичьи крестьяне разных вотчин. Число занимающихся отхожими промыслами было так велико, что в некоторых городах существовали для них особые старосты. Некоторые крестьяне отличались зажиточностью, но на ряду с этим была большая беднота. Так, по указанию кашинского уездного предводителя, в с. Кое „большая часть крестьян... в лучшем благоустройстве". В Мышкинском и Мологском уездах из 489 домов признано было малоимущими 60 домов, т.-е. 12%, или $^1/_8$ часть. „Крестьяне же избыточного состояния имеют дома лучшего противу соседственных тамошнего края устройства, весьма достаточное скотоводство и другие заведения, и посредственные есть ли и не превосходят, то не хуже во всех отношениях многих крестьян соседственных".

Наконец, в имении были и безземельные бобыли, „которые уволены от тягольной земли".

По некоторым признакам, еще в начале 20-х годов бедное население нуждалось в энергичной помощи извне. Во всяком случае последовательные трехлетние неурожаи (1823, 24 и 25-ый года) должны были окончательно подкосить благосостояние тех крестьян, которые хотя отчасти поддерживали

[1]) Во владении крестьян состояло в Мологском и Мышкинском уездах 3.347 дес. пахотной земли, 3.765 дес. сенокоса; дровяного леса и между ним покоса—5 253 дес., неудобной земли 208 дес., а всего 12.574 дес. Таким образом на 1 рев. муж. пола душу приходилось пахоты 1,6 дес., сенокоса—1,9 дес. и дровяного леса 2,6 дес. или 6,1 всей удобной земли, а вместе с неудобной—6,2 дес.

себя земледелием. На крестьянах накоплялась большая недоимка, которая по одной воскресенской вотчине, несмотря на энергичные старания помещика уменьшить ее, за один 1825 год равнялась 67.308 р. 46 к. асс. Помещику приходилось не только давать хлеб на обсеменение полей, но и кормить неимущее население. Так, чтобы удержать бедные семейства от бродяжества, помещик выдавал им хлеб на прокормление без возврата, а с 1821 года стали выдаваться денежные пособия, каковых выдано было за последние 2 года перед волнением—1.248 р. деньгами. От вотчинного управления выдавались неимущим крестьянам „вспомогательные суммы“ из 6% в год; таких ссуд было выдано 28.726 [1]). В целях поднять благосостояние неимущих крестьян, помещик прибег даже к принудительному соединению семейств—по 2 в одном доме—„для единственного поддержания их благосостояния с тем, чтобы один из таковых семейств мог отлучаться на промысел, а другие обрабатывать участки земли“. Но эта мера считалась, видимо, крестьянами отяготительной: сам помещик „в награждение такового соединения“ слагал с каждого семейства по 50 р. оброчной недоимки. Требование крестьян „изменения образа домашней жизни“ наводит на догадку, не к этой ли мере помещика оно относится.

Несмотря на широкую помощь неимущим крестьянам, Пономарев удовлетворял далеко не всех. Недостаток хлеба для продовольствия и посева составлял один из главных предметов крестьянских жалоб. Крестьяне, опровергая многие пункты прошения великому князю, единогласно подтвердили, что просили у Пономарева хлеба для посева и на еду, но получили отказ, ибо, по словам помещика, он не в силах был дать всем хлеба и советовал помогать друг другу, „неимущим же он сам дал и давал“. В самом прошении было указано, что крестьяне не в состоянии платить оброк „по нынешнему неурожаю хлеба“, почему они дошли до нищенства. Во время расследования Топорского, рядовые крестьяне не об‘явили „на помещицу свою и на детей ее, кроме чувствуемого ими по неурожаю хлеба в платеже оброка отягощения, никакой претензии“. При первом расследовании жалобы помещицы на неповиновение крестьян, последние указывали, как на причину

---

[1]) Помимо этого, на продовольствие крестьян из запасного хлебного магазина было выдано 1821 чтв. ржи и 281 чтв. овса. На посев во время самого следствия помещик выдал в воскресенской вотчине до 400 чтв. овса; в койской вотчине было тогда же выдано почти 500 чтв. овса.

неповиновения, „что господа их отягощают оброками и на пропитание не дают хлеба".

Помимо материальной помощи крестьянам, помещик всеми силами старался уменьшить быстро накоплявшуюся недоимку. Так, в 1821, 24 и 25-ом годах было прощено бедным семействам 4.442 р. оброчной недоимки. Помещик, кроме того, скупал от недоимщиков продукты крестьянского хозяйства в зачет оброка [1]). Правда, по указанию Топорского, цены на эти продукты назначались высшие против рыночных. Но хотя Топорский и уверял, что подобные зачеты делались „по доброму согласию", и „против согласия крестьян скота и никаких изделиев отбираемо не было", все же добровольное соглашение между власть имущим помещиком и бесправным крестьянином довольно трудно себе представить. Сами крестьяне в прошении вел. князю излагали это в другом свете. Они жаловались, что помещик, „невзирая.. на их неимущее положение, обобрал от нас последний рогатый скот, овец и куриц". В самом начале волнения крестьяне просили Пономарева, между прочим, вернуть „взятый прошедшего года в осеннее время вместо оброка овес". Действительно, высокая оценка отбираемых продуктов была безразличной для крестьян, раз деньги засчитывались в недоимку, которую они все равно не в состоянии были уплатить. Они живо воспринимали лишь то, что всякий излишек в хозяйстве отбирался помещиком. Покупка продуктов за несоразмерно высокие цены [2]) указывает скорее на безнадежность недоимки, почему помещик предпочитал получить хоть что-нибудь, чем ничего. Топорский, с другой стороны, указывает, что „столь мелочный и для господской пользы совершенно невыгодный сбор производим был для того более, дабы поставить на вид исправных плательщиков, что положенный оброк собирается со всех без ослабления".

---

[1]) В 1825 г. за невзнос оброка с души бралось по 1 пуду овса, полагая в зачет оброка по 1 руб. асс. за пуд; при этом следилось, чтобы оставшегося овса хватило на год на продовольствие крестьянской семьи и скота. „Коровье масло, куры, сено и холстины принимались по доброму согласию крестьян, имеющих на себе недоимку",—также с зачетом денег в последнюю.

[2]) Так, 1 пуд овса ценился в 1 р. асс., хотя на рынке он стоил 70 коп.; за 1 пуд русской говядины засчитывалось крестьянам по 4 и 4 р. 50 коп. против рыночных 2 и 2 р. 50 коп.; за фунт масла платили 35 и 40 коп. вместо 23 и 25 коп. Пуд сена в стогах оценивался в 35 коп., 1 арш. не тонкого холста—в 30 коп., русские куры ценились в 50 коп. вместо 35. Крестьяне показали, что, при зачете отбираемого скота в недоимку, давали „против настоящей торговой цены лишних по 5 р. за каждую скотину",

В тех же целях взыскания недоимки, помещик употреблял недоимщиков в работы по имению за плату, засчитываемую в оброчную недоимку [1]). Очевидно, эти работы считались обременительными, ибо в прошении крестьяне жаловались на „ежедневную барщину". При чисто оброчной системе только эти платные работы могли дать повод для такой жалобы.

Для взыскания недоимки применялась также отдача недоимщиков на работы в Московскую губернию. Им не выдавали на руки денег, а снабжали во время пути и самых работ пищею и платьем, стоимость чего вычиталась из заработной платы; остающияся затем деньги зачитались в оброчную недоимку [1]).

В оправдание этой меры указывалось, что в работы отдавались лишь те, которые были „свободны от своего семейства", т.-е. как, вероятно, нужно понимать, если в семье еще оставались работники; кроме того, при возвращении домой им отдавался отчет в распределении заработанных денег. Надо полагать, что такой платонический расчет не удовлетворял крестьян в потере для семьи и хозяйства рабочей силы.

Помещик накладывал хозяйскую руку даже на тех недоимщиков, которые занимались отхожими промыслами. Так, „у проживающих в городах Петербурге и Рыбинске крестьян отбирались вырабатываемые ими деньги у таких только, на коих состоят недоимки и которые неблагонадежны в поведении"; только „часть оставалась им на собственные их с семействами надобности".

Наконец, помещик придумал еще одно средство использовать труд недоимщиков. Он приказал отрезать в каждом крестьянском поле от 100 душ по 2 десятины, т.-е. 6 десятин во всех трех полях, а всего—принимая во внимание наличность 2008 тягловых душ—120 десятин. Эта земля сдавалась недоимщикам в обработку с платою по 40 р. с десятины. Хлеб, собранный с этой земли, ссыпался в общий мирской

[1]) В сентябре и октябре недоимщики употреблялись „в работу при господских постройках, для возки леса, выравнивания сельской площади, искапывания прудов и рассаживания в садах дерев". Расценка этих работ была такова: за возку леса на расстоянии 15 верст полагался 1 рубль, на 30 верст—2 р., на 45 верст—3 рубля на каждую подводу; за работу в селе Кой человеку с лошадью платили 1 р. в сутки, пешему—70 коп., женщине—50 коп. „За недобранные оброчные деньги" в январе и феврале 1826 г. было вывезено из Рыбинска в Бежецк (120 верст) на крестьянских лошадях 3700 кулей, полагая за провоз 1 куля по 1 р. 35 коп. Из этих денег крестьянам выдавали наличными лишь по 1 р. на подводу; 35 коп. засчитывались в недоимку.

магазин для раздачи на нужды крестьян. Этим способом достигались две цели: использование труда недоимщиков и продовольственная помощь крестьянам. При больших тратах на продовольственную помощь такое разрешение вопроса было выгодным для помещика и остроумным: отрезав крестьянскую землю,—что самому помещику ничего не стоило,—обрабатывая ее в счет недоимки, которую почти невозможно было собрать, помещик хотел этим способом организовать продовольственную помощь, избавив себя от крупных расходов. Но мера эта возбудила, видимо, сильное негодование в крестьянах. При ничтожных крестьянских запашках даже такая отрезка земли должна была быть чувствительной для крестьян. Именно на эту меру указывал койский крестьянин Андреев, как на причину неповиновения, возникшего в апреле 1826 г. Требования возвратить землю были так настойчивы, что помещик, после некоторых препирательств, уступил крестьянам.

Из этого обзора экономического положения крестьян обнаруживается, что оно было далеко не блестяще. Если часть крестьян и пользовалась благосостоянием, то другая бедствовала и была обременена недоимками, на уплату которых шел всякий излишек в их хозяйствах, и отбирался заработок, за исключением лишь части, необходимой для их существования. Напомним, что 12% крестьян были признаны малоимущими, помимо безземельных бобылей, находившихся в имении. Последовательные трехлетние неурожаи подкосили экономическое благосостояние значительной доли крестьян; помещику пришлось почти содержать часть их на свой счет, выдавая денежные и хлебные пособия. Отрезка земли при ничтожном количестве пахоты ударяла по карману не только бедняков, но задела и зажиточных, которые могли быть недовольны таким переложением продовольственной помощи на самих крестьян. Годы неурожая истощили терпение крепостных. Оброк стал непосильным, средства к существованию иссякали, а меры помещика по взысканию недоимки не давали крестьянам оправиться.

На такую почву упали слухи о воле, которую об'явят в мае. Эти слухи могли особенно легко проникнуть в имение Пономаревой, где много крестьян занималось отхожими промыслами. Брожение по этому поводу, видимо, началось еще с конца декабря 1825 г. Крестьянин Игн. Данилов, бывший на заработках в Петербурге, вернувшись домой перед Рождеством 1825 г., рассказывал, что заходил к их бывшему господину, Ю. А. Нелединскому-Мелецкому. Последний советовал

будто бы подать прошение государю с жалобою на отягощение их оброками, отобрание скота и различных продуктов в счет оброка, а также на отрезку земли. При этом Нелединский-Мелецкий говорил будто бы, что, может-быть, бог „подаст им счастие быть вольными“. По другой версии, Нелединский-Мелецкий обещал крестьянам даже помочь в отыскании воли. Сколько тут правды, сказать трудно, тем более, что во время следствия сам Данилов не был арестован, а потому и не мог быть допрошен. Во всяком случае, какой-то разговор с Нелединским-Мелецким был и произвел на Данилова большое впечатление, которым он и поделился с одновотчинниками. Очень вероятно, что тот же Данилов, а также и другие крестьяне, бывшие в Петербурге, занесли к крестьянам и другие вести о близкой воле для всех помещичьих крестьян. Положение села Коя, как торгового пункта, помимо всего прочего, благоприятствовало сосредоточению и развитию здесь всевозможных слухов. Вести, приносимые Даниловым и подкрепленные слухами о воле, возбудили в крестьянах живой интерес. Начались тайком робкие разговоры о возможности получить волю. С течением времени разговоры делались смелее, и, наконец, крестьяне перешли от пассивного ожидания воли к хлопотам о скорейшем получении ея. Крестьяне послали ходоков к самому Нелединскому-Мелецкому, чтобы проверить рассказы Данилова. В случае неудачи ходоки должны были итти в Москву и Петербург хлопотать о воле.

Весною среди крестьян стали циркулировать слухи, что воля будет объявлена в мае; назначались даже числа—1-ое и 9-ое. В апреле в вотчине говорили даже, что мышкинский, кашинский и бежецкий исправники уже „прибыли в село Кой, отписывают крестьян на государя и объявляют вольность“.

Хотя, как видим, слухи предсказывали волю в ближайшем будущем, крестьяне действовали очень осторожно, выступив лишь с чисто экономическими требованиями. 24-го апреля воскресенские крестьяне, сговорившись с койскими, явились в село Кой и все вместе просили помещика вернуть им отрезанную землю, выдать хлеб на продовольствие и обсеменение полей, вернуть овес, взятый в зачет оброка; по словам помещицы, они тогда же просили о сбавке оброка, смене вотчинных начальников и об „изменении образа домашней жизни“. Н. И. Пономарев вернул им землю, но заявил, что не в состоянии помочь всем; впрочем, он обещал выдать хлеб нуждающимся. Эти уступки не удовлетворили крестьян.

Они отказались даже принять землю, заявив, что не приступят к обработке ея до возвращения ходоков. Крестьяне стойко проводили это мирское решение, требуя подчинения ему как от непокорных, так и покорных помещику. Вообще крестьяне действовали очень дружно, и даже желавшие повиноваться помещику боялись ослушаться мира. Н. И. Пономарев, настаивая на введении войска, писал прокурору, что некоторые крестьяне „плачут о том, что их завлекли, но не смеют отстать от мира, который, говорят, дал заклятие разбросать и домы покорных по бревну". Крестьяне, действительно, и сами впоследствии показывали, что они „не смели обратиться к повиновению, дабы не лишиться чрез то вольности и не потерпеть от вотчины никакого несчастия". Это указывает опять-таки на строгое подчинение миру, а с другой стороны видно обычное опасение, в виду слухов о воле, подчинением помещику лишиться прав на нее.

Неповиновение помещику собственно и состояло в отказе принять землю и обрабатывать ее. Крестьяне, конечно, поддерживали живое общение между частями имения, совещались на сходках, собирали по раскладке деньги ходокам на расходы по делу, общались с ними, посылали новых ходоков, если считали нужным. Впрочем, в оброчном селе было вообще мало поводов для проявления неповиновения, раз это не было временем сбора оброка. Сама помещица жаловалась губернатору на пред'явление просьб крестьянами *скопом*, на неисполнение приказаний помещика и вотчинных властей, на отказ от обработки полей и т. д. Другие акты неповиновения относились уже к сопротивлению правительственной власти.

При первом известии о волнении крестьян Пономаревой, кашинский земский суд командировал в имение двух заседателей. Заседатели стали вызывать крестьян на допрос. Но крестьяне заявили, что пойдут на допрос лишь все вместе и будут давать показания только при посторонних свидетелях; одного из вызванных они силою не пустили на допрос. По уверению заседателей, в руках некоторых крестьян были при этом колья.

В виду такого поведения крестьян, тверской губернатор командировал в койскую вотчину 2 эскадрона гусар, кроме введенных туда ранее 100 человек тверской инвалидной команды. Ярославский губернатор также выслал военную команду, хотя и в меньшем размере. Вообще, так как большая часть имения находилась в Тверской губернии, то ярославские власти действовали выжидательно, стараясь лишь содействовать тверским властям при усмирении крестьян.

В Тверской губернии крестьяне были усмирены без всякого затруднения. К 7-му мая в селе Кое находилось уже 100 человек тверской инвалидной команды и 2 эскадрона гусар. Одного присутствия военной команды и увещаний оказалось достаточным, чтобы крестьяне дали подписку в повиновении, просили прощения у помещицы и ее сыновей и обещали обработать землю, оставшуюся невспаханной до того времени. Впрочем, военная команда была оставлена в имении до конца следствия, так как предводителю дворянства показалось ненадежным успокоение крестьян.

Не так мирно разрешилось волнение в селе Воскресенском. При попытке арестовать двух крестьян толпа вырвала их из рук чиновника, командированного губернатором, и начальника инвалидной команды, заявив, что не дадут ни одного человека, „а если надобно, то идут всем миром". На помощь был вызван эскадрон улан. По прибытии его, крестьян окружили солдатами и увещевали в течение 3-х часов, но без всякого успеха. При новой попытке арестовать двух крестьян, крестьяне опять отняли арестованных, крича, что они не только улан, но и пушек не боятся. При этом крестьяне „бросились всею толпою с явным ожесточением вперед". Эскадрону было отдано распоряжение окружить крестьян и стеснить их. „От быстрого кавалерийского маневра многие из крестьян от страха попадали на землю, а другие, прорвавшись сквозь ряды, побежали в разные стороны". Во время преследования крестьян, один из них бросился в реку; улан, погнавшись за ним, утонул. Все крестьяне были переловлены. Разделив на несколько групп, их убеждали порознь. Сначала решившиеся покориться отделялись по 2—3 человека, но когда число их дошло до 100, то вся толпа стала на колени, и все дали подписку в повиновении. 13 человек все же были арестованы, а до полного успокоения в имении была оставлена военная команда.

Возбужденное настроение крестьян, повидимому, улеглось лишь постепенно. В койской вотчине, например, по словам кашинского предводителя дворянства, и после 7-го мая „дух возмущения в крестьянах, повидимому, не совсем еще истребился". Это выражалось главным образом в том, „что крестьяне ожидают себе разрешения о их свободе от посланных ходоков". Лишь в конце июня койская вотчина была признана настолько замиренной, что сочли возможным вывести оттуда военную команду; из Воскресенского военную команду вывели несколько раньше, а именно в половине июня. Судя по тому, что ходоки были арестованы частью в половине июня, а Да-

нилов даже в начале июля, замирение имения произошло независимо от их арестов. Вероятно, на крестьян повлияло, помимо постоя военной команды, постепенное замирание слухов о воле, на что, в свою очередь, могло влиять широкое опубликование манифеста 12-го мая. Характерно, что в прошении, поданном Даниловым Михаилу Павловичу в конце июня или начале июля 1826 года, ни слова не говорится об ожиданиях каких-либо особых милостей от государя, а просится лишь о переследовании дела и приводится ряд крестьянских жалоб на экономическое угнетение, жестокие наказания и разврат помещика, а также и на пристрастное ведение всего дела. Очевидно, в то время уже сам ходок не верил в слух о воле. Сама же крепостная масса с исчезновением этих слухов принуждена была вернуться к прежней покорности. Хотя главные причины волнения не были устранены, но исчезла та психологическая, бодрящая атмосфера, которая побуждала крестьян выйти из своего инертного положения и обнадеживала их на благополучный исход хлопот об улучшении своего положения. Следствие, постой военной команды, наказания по суду [1]) сильно повлияли на крестьян. Запуганность их была так велика, что кашинский предводитель дворянства, явившийся в конце октября в койскую вотчину для расследования прошения, поданного Даниловым Михаилу Павловичу летом 1826 года, счел нужным предварительно обратиться к крестьянам с особым письменным „вразумлением“, где успокаивал их и убеждал давать верные показания.

При таком настроении неудивительно, что на допросах крестьяне опровергли своими показаниями почти все жалобы, изложенные в прошении. Об этом волнении также докладывалось как комитету министров, так и самому государю. Николай I командировал в имение Пономаревой флигель-ад'ютанта пол-

---

[1]) Судебные репрессии довершили превращение крестьян в покорную массу. В воскресенской вотчине суду в ускоренном порядке было предано 29 человек. Из них 8 были наказаны плетьми и сосланы в Сибирь на поселение; 21—приговорены были к заключению в смирительном доме на разные сроки, а судьба 6 человек предоставлена была на волю помещицы: отдать их в распоряжение правительства или принять обратно в имение. Ходок Данилов и другой крестьянин, судившиеся по поимке, попали под манифест 22 августа 1826 года и были возвращены помещице; Данилов впрочем, по желанию последней, был сослан в Сибирь на поселение без зачета за рекрута. В койской вотчине было предано суду всего 24 человека. Из них 6 человек были приговорены к наказанию плетьми и сосланы в Сибирь на поселение, 18—были возвращены в вотчину.

ковника Дурново „для удостоверения об истинных причинах, побудивших крестьян сего имения к бунту, и для принятия с помощью войск решительных мер к водворению спокойствия между ними в таком случае, если бунт еще продолжается". Однако, от'езд флигель-адьютанта замедлился, а 21-го мая Дурново известил министра внутр. дел, что в виду усмирения крестьян он не едет в имение Пономаревой.

В заключение остановимся на волнении, связанном со слухами не о воле, а об ограничении крепостного права. Выше было отмечено два таких слуха: 1) слух о манифесте, которым царь даст защиту от тяжелых оброков, и 2) слух об именном указе, устанавливающем двухдневную барщину.

Первый слух был обнаружен при расследовании волнения крестьян помещиков Теглевых и Путиловой в Новгородской губернии, второй — послужил причиною волнения крестьян в имении псковского помещика Татищева и в соседних с ним.

Мы не будем останавливаться на волнении крестьян Теглевых и Путиловой. Отмеченный слух имел, повидимому, здесь очень малое влияние на крестьян, и самое волнение об'ясняется другими причинами. Остановимся подробнее на волнении крестьян помещика Татищева [1]), ибо оно непосредственно связано со слухом об упомянутом именном указе.

Крестьяне села Батаногова и деревни Речки, принадлежавшие порховскому помещику Юрию Вас. Татищеву, несмотря на тяжелое экономическое положение, до 1826 г. были совершенно спокойны. Насколько можно судить по нашим данным, с их стороны даже во время волнения не поступило ни одной жалобы на помещика. Разросшаяся господская запашка, увеличившиеся господские работы, требовавшиеся с барщинных крестьян, не вызывали, повидимому, активного протеста. Впрочем, на барщине состояла меньшая часть крестьян Татищева. Большая же часть их была на оброке и во время самого волнения не заявляла никаких претензий; оброк с них не был чрезмерно велик, ибо с тягла взималось 40 рублей.

Когда в конце июля, т.-е. в самый разгар полевых работ, среди крестьян разнеслась весть, что вышел именной указ, предписывавший ввести двухдневную барщину, крестьяне взволновались и стали немедленно осуществлять мнимый царский указ. Известие о двухдневке и о введении ее в Батаногове, повидимому, быстро распространилось и в других соседних

---

[1]) Ц. А. М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп. 1826 г. № 359.

имениях Порховского уезда. Известны, по крайней мере, волнения на той же почве в имениях помещиц Рындиной и Лихачевой.

Батаноговские крестьяне вели себя совершенно спокойно до вмешательства правительственных властей. Они продолжали исполнять барщину, лишь ограничив размер ее, согласно велению воображаемого именного указа. Но двухдневная барщина слишком ударяла по помещичьему карману, чтобы управляющий не забил тревоги. Когда, согласно его просьбе об усмирении крестьян, исправник явился в имение и попытался арестовать крестьянина Исаева, на которого особенно жаловался управляющий, крестьяне не выдали товарища. В виду возбужденного настроения толпы, исправник поспешил удалиться из имения, тем более что было получено известие о возникшем волнении среди крестьян помещицы Рындиной. Сообщая губернатору о происшедшем, исправник настаивал на введении военной команды.

По распоряжению губернатора, в имение была введена военная команда из 200 человек. 3-го августа земский суд был уже в имении для производства дознания. Крестьяне сами явились с повинною, обещая беспрекословно повиноваться помещику. Так быстро закончилось это волнение, состоявшее вначале в точном исполнении крестьянами царского указа, в существовании которого они были уверены. Лишь неосторожными действиями исправника мирная и по своему лояльная толпа была доведена до вооруженного сопротивления правительственной власти, что составляло уже преступление, за которое крестьяне жестоко расплатились бы, если бы к ним на помощь не подоспело признание высшими властями хозяйственного порядка в имении Татищева тяжелым и недопустимым.

Произведенное расследование раскрыло картину тяжелого экономического положения крестьян Татищева. По признанию уездного предводителя дворянства, среди крестьян существовала некоторая дифференциация. „Некоторые крестьяне, по его словам, были состояния хорошего, другие—посредственные, а в дер. Речках 9 дворов—бедные". У крестьян замечался недостаток в рогатом скоте, но лошади были у всех, ибо ими снабжал крестьян сам помещик, „соблюдая свою выгоду в том, что без лошадей существовать не может барщины, да и домашний посев". Так еще в 1826 году было роздано крестьянам до 40 лошадей. По указанию Степ. Вас. Татищева, крестьяне ежегодно пользовались пособиями в виде хлеба для посева, для пищи, покупки лошадей и пр. Эта постоянная нужда в посторонней

помощи для существования косвенно указывает на экономическое разорение по крайней мере части крестьян. В частности в 1826 году крестьянам грозил плохой урожай ярового и озимого хлеба.

Трудно сказать, что было главною причиною этого тяжелого экономического положения. Но одна из причин ясно выступает даже из неполных данных об имении Татищева, представленных губернатором министру внутр. дел. Крестьянам приходилось отбывать сверх трехдневной барщины еще сгоны, т.-е. созыв всех работников для исполнения экстренных или чрезвычайных работ. Во время жатвы на барщину призывались крепостные обоего пола от 15 лет, хотя бы и не наделенные землею. Уездный предводитель признал количество сгонов чрезмерным и ставил существование их в прямую зависимость от слишком обширной господской запашки. Полагая, что уменьшение посева „подаст большое облегчение к скорейшей уборке полей и к уменьшению сгонов", он убедил управляющего сократить льняной посев с 50 чтв. до 30, а ржаной—на 25 чтв.

Особенно обширным признавался посев льна. Предводитель дворянства вообще считал положение крестьян Татищева ненормальным, почему он взял с управляющего подписку „снабжать крестьян всем, в чем востребуется надобность для пропитания хлебом, скотом и проч., и обходиться с ними бережно". Губернский предводитель, с своей стороны, также просил помещика умерить свое хозяйство и установить должный порядок в управлении имением, прекратив тем самым все неудовольствия крестьян. Таким образом, представители местного дворянства признавали как господскую запашку в имении Татищева, так и повинности его крестьян чрезмерными. Того же мнения держались и представители местной администрации. Однако, из главных причин волнения губернатор считал „отягощение их (крестьян) работами". Уездному предводителю было поручено неослабно наблюдать за Татищевым и его отношением к крестьянам. Он должен был озаботиться, чтобы хозяйство помещика было ограничено соответственно силам крестьян. Надзор за порядком в имении был возложен также и на земский суд. Министр внутр. дел, ознакомившись с положением крестьян в имении Татищева, подтвердил со своей стороны установить должный порядок в нем.

Строже всех отнесся к обнаруженной тяжелой эксплоатации крестьян сам Николай I. Военный суд, которому были преданы крестьяне Татищева, постановил, между про-

чим, „предоставить на благорассмотрение высшего начальства“ поступок Степ. В. Татищева, „заключающийся в употреблении крестьян на работу сверх указанных 3-х дней и безземельных, называемых бобылями“. Министр внутр. дел отнесся к Татищеву очень мягко, полагая освободить от суда и следствия за силою манифеста 22 августа 1826 г. Николай I, соглашаясь с этим мнением, заметил, что поступок Татищева „слишком важен, чтобы можно было не счесть и то ему в милость, что не предается суду; а поэтому, оставя его от оного свободным, запретить Татищеву управлять имениями, в чем и взять с него подписку“. Так неожиданно строго закончилось для Татищева частичное неповиновение крестьян управляемого им имения. Но осуждение с высоты престола сгонов сверх трехдневной барщины и работы безземельных бобылей очень характерно для взглядов Николая I на крестьянский вопрос в то время.

Сравнительно легко в конце концов отделались крестьяне за свои угрозы поколотить кольями членов земского суда и за самовольное введение двухдневной барщины. Правда, вначале отношение к ним было крайне сурово. Хотя они не оказали никакого противодействия военной силе, смирясь немедленно после введения военной команды, и хотя они никакого физического насилия над правительственными властями фактически не учинили, губернатор предал их военному суду, основываясь на том, что в имение была введена военная команда. Такое спешное предание крестьян военному суду за незначительное буйство об'ясняется отчасти тем, что усмирение батаноговских крестьян совпало с получением указа о предании крестьян военному суду в тех случаях, когда и после об'явления манифеста 12-го мая приходилось применять военную силу для усмирения непокорных [1]). Вскоре высшие сферы убедились в необходимости укротить ретивых губернаторов, предававших крестьян военному суду по всякому ничтожному случаю. Но для первых опытов применения драконовской меры Николая I, изобретенной им в целях усмирения крестьян, дело крестьян Татищева очень характерно. Впрочем, столь суровая мера по отношению к батаноговским крестьянам была применена, быть может, отчасти потому, что волнение их совпало с разгаром полевых работ: требовалось быстрыми, хотя бы и суровыми репрессиями привести их немедленно к полному, безропотному повиновению, а также примером сурового наказания повлиять

---

[1]) П. П. С. З. т. I, 1826 г. № 515.

на соседних крестьян, начинавших было волноваться по тому же поводу.

Не менее характерен для начала действия николаевской военносудной юстиции и приговор над крестьянами Татищева. Согласно ему, 34-м крестьянам надлежало отрубить головы, семерых повесить, 10 человек прогнать сквозь строй через 1000 человек 3 раза. Губернатор, пересылая военносудное дело через министра внутренних дел в комитет министров [1]), со своей стороны, полагал помиловать всех крестьян за силою манифеста 22-го августа. Министр внутренних дел согласился с этим мнением, полагая лишь, согласно с просьбою управляющего, удалить из имения 6 человек, отдав их в военную службу или сослав в Сибирь на поселение, смотря по годности.

Комитет министров раз'яснил, что крестьяне, преданные военному суду, под манифест не подходят, но полагал представить государю, „не благоугодно ли будет только прочесть крестьянам приговор, а затем об'явить всемилостивейшее прощение при строгом внушении"; относительно 6 крестьян комитет полагал утвердить мнение министра внутренних дел. Николай I утвердил это положение комитета министров и, таким образом, признал в принципе допустимым и законным присуждение крестьян к смертной казни только за буйство, без всяких насильственных действий, и за самовольное сокращение барщины. И если фактически крестьяне не понесли никакого наказания по суду, то принципиально с высоты трона была высказана готовность к жесточайшим *репрессиям*.

V.

Таковы были наиболее сильные волнения, связанные более или менее непосредственно со слухами, циркулировавшими среди крестьян в начале царствования Николая I. Конечно, это далеко не все волнения, даже из самых крупных. Мы знаем, напр., что в Костромской губернии, в половине 1826 г., волновалось большое имение помещика Грязева. В это имение была послана военная команда. Перед ее приходом крестьяне вышли на большой тракт и не пропускали проезжающих.

---

[1]) Приговоры военных судов, которыми к телесному наказанию присуждалось более 9 человек, шли на высочайшее утверждение через комитет министров.

Губернатор счел нужным прибегнуть здесь к огнестрельному оружию. Военная команда была введена в мае также в имения Философовой и Щербачева, той же губернии; впрочем, крестьяне последнего помещика волновались, повидимому, без всякой связи со слухами 1826 г. [1]).

Мы знаем далее, что в Гдовском уезде в конце мая были крупные замешательства во многих имениях, и военным отрядам было достаточно работы. Так, военная команда была введена в имение Корсаковой. Здесь крестьяне осмелились напасть на военную команду, шедшую на соединение с командой, уже находившейся в имении. „Сшибка", по словам исправника, была „изрядная", хотя тяжело раненых не было. В Гдовский уезд был даже командирован Герман [2]).

Из приведенных примеров волнений мы видим, как мирны были по существу даже наиболее крупные из них. Подробностей столкновений крестьян с войсковыми частями в имениях Корсаковой и Грязева мы не знаем, а потому не можем судить о них. Нападение же крестьян на военную команду в имении Цеэ вполне об'ясняется необходимостью спасти товарищей во время пожара. Других же случаев нападения на войско мы не знаем. Были, конечно, попытки отбить арестованных или воспрепятствовать аресту зачинщиков. Конечно, такие попытки сопровождались нелестными отзывами по адресу чиновников, производивших аресты, криками, шумом, быть может—рукопашными схватками. Но даже и таких случаев проявления

---

[1]) Середонин, „Обзор деятельности комитета министров" т. II, ч. I стр. 328; и Центр. Архив М. Вн. Д.—Деп. Пол. Исп. 1826 г. № 330.

[2]) „Др. и Нов. Россия", 1877 г. № 2, стр. 211—212. Довольно сильное волнение, повидимому, в начале 1826 г. было в имении помещика Мельницкого Демьянского уезда Новгородской губ. Крестьяне на основании иска о воле, начатого еще в 1823 г., отказались повиноваться опекунше Мавриной. Усилия уездного предводителя дворянства и земского исправника усмирить крестьян были безрезультатны. Командированные в имение губернские чиновники Теубель и Ахочинский также успеха не имели: крестьяне оказали им „буйство и непослушание", несмотря на ввод военной команды. Прибывший в это время в губернию сенатор Баранов распорядился о командировании туда и. д. губернатора де-Роберти и вводе в имение военного отряда из квартирующих вблизи войск. Наконец, в имение направился сам Баранов. По его распоряжению „по случаю встреченного и после сего буйства" крестьян, сожжена была деревня Березна, „которая служила сборным и укрепленным местом всем бунтовщикам, и по местоположению оной бунтовщики имели возможность со вредом действовать против военной команды". Этим способом буйство крестьян были прекращено, все были „пойманы", за исключением поверенного, который скрылся неизвестно куда. Крестьяне согласились после того повиноваться опекунше (Архив III отделения, IV экспедиция, 1826 г. № 89).

солидарности крестьян было очень мало. Конечно, во многих случаях оказывалось недостаточно убеждений местных и губернских властей; иногда, как мы видели, крестьяне встречали недоверчиво даже „царских послов“, т.-е. высочайше командированных лиц. Правда, крестьяне отказывались иногда от повиновения и после ввода военной команды. Но толпа была мирна, подчинялась распоряжениям о производстве телесных наказаний и в большинстве случаев выражала покорность после увещаний, уснащенных розгами. Собственно „бунтов“, „возмущений“, если не считать столкновения в имении Цеэ, об особенностях которого говорилось выше—мы не видим среди описанных волнений.

Не сильны были волнения и по формам неповиновения помещикам. Крестьяне, правда, собирали сходки, собирали деньги между собою на хлопоты, подавали всевозможные жалобы, но все это по существу не нарушало порядка в имении. Из актов же прямого неповиновения можно отметить отказ от оброков, вообще от крепостных повинностей и от повиновения помещикам и вотчинным властям. Собственно же самоуправств мы знаем очень мало. Только в имении Цеэ буйная толпа шла в намерении разбить контору, но и она разошлась, не приведя своего намерения в исполнение.

Несмотря на эти черты, волнения, как указывалось, произвели сильное впечатление на правительство. Под этим впечатлением и был издан манифест 12 мая, требовавший от казенных крестьян безусловного повиновения установленным властям и об'являвший ложными слухи о воле и о прощении казенных недоимок.

Случаи волнений, продолжавшихся, несмотря на об'явленный манифест 12 мая, вызвали, согласно высочайшему повелению, положение комитета министров о предании крестьян военному суду, если бы и после чтения манифеста против крестьян пришлось употребить военную силу [1]). Вообще Николай I внимательно следил за волнениями, заставляя доносить себе о ходе и результатах их и требуя тщательного расследования причин. Выше были приведены его резолюции по поводу некоторых волнений. Не удовлетворяясь местными донесениями и действиями местных властей, он посылал на места в более серьезных случаях флигель-ад'ютантов. Требуя сильных и немедленных репрессий по отношению к крестьянам, Николай I вместе с тем внимательно относился к их эконо-

---

[1]) П П. С. З., т. I, № 330.

мическим нуждам, интересовался подробностями управления, преследуя злоупотребления помещичьей властью.

Очень вероятно, что именно вследствие такого отношения Николая I к крестьянским волнениям, местные донесения 1826 г. о них отличаются относительною полнотою. Благодаря этому, мы можем составить себе довольно ясное представление о характере волнений, разразившихся на почве ложных толков в народе в 1826 году. Мы видели, какую сравнительно ничтожную роль играли эти слухи среди причин беспорядков. Они были скорее лишь поводами для обнаружения давно накоплявшегося раздражения крестьян против помещиков. Они создавали атмосферу, в которой разгорались надежды крестьян, если не на полную волю, то хотя на защиту их царем от помещиков и вотчинных властей. Будучи обычно пассивными и инертными в своем „рабском" повиновении, крестьяне под влиянием слухов *смелели*. В этом было главное значение слухов 1826 г. Каково бы ни было содержание их, самые слухи эти вряд ли вызвали бы и те волнения, с которыми мы ознакомились.

В каждом из описанных случаев можно было вскрыть основу недовольства крестьян, коренившуюся в экономических условиях. Это были главном образом непосильные оброки, способы борьбы с оброчными недоимками, работы на фабриках или заводах и т. д. В этом отношении волнения 1826 г., разгоравшиеся под влиянием слухов чаще и несколько ярче, чем в обычное крепостное время, не отличаются от волнений в последующие годы, когда слухов, возбуждавших активность крестьян, не было, но экономические и иные причины крестьянского недовольства существовали и питали непрестанную вражду крестьян к их „отцам-помещикам".

Волнения крестьян в связи с продовольственным вопросом в помещичьих имениях[1]).

I.

В числе факторов, подготовлявших падение крепостного права, немаловажное место занимают затруднения, которые испытывали правительство и дворянство из-за продовольственной и иной помощи, оказываемой ими крепостным в неурожайные годы. Будущий историк крестьянской реформы, несомненно, должен будет учесть влияние этого фактора при выяснении совокупности причин, вызвавших реформу. К сожалению, до сих пор продовольственный вопрос в помещичьих имениях в крепостное время еще очень мало обследован, и можно лишь слабо наметить картину тех отношений, которые создались между правительством, дворянством и крепостной массой на почве продовольственных затруднений.

Неурожаи, это „бытовое явление" наших дней, были довольно обычны и в первой половине XIX века[2]). Сельское население

---

[1]) Напечатано впервые в „Голосе Минувшего", 1918 г., кн. 9—10.

[2]) Варадинов насчитывает за время от 1802 по 1852 г. только десять урожайных лет, неурожайных—22 и голодных - 12 (1821—1823 гг.; 1833—1834 гг; 1839—40 гг.; 1844—1846 гг.; 1848 г.; 1850—1851 гг.). (Варадинов, „История Мин-ства Внутр. Дел", см. также ст. Весина, „Неурожаи в России и их главные причины". „Сев. Вестник", 1892 г., № 1). Конечно, это деление довольно произвольно, ибо в голодные годы бывали местности с хорошим урожаем, и наоборот, при хорошем в общем урожае некоторые местности нуждались в продовольственной помощи. В 1842 г. правительство утверждало, что неурожаи повторяются через каждые 6—7 лет, продолжаясь по 2 года сряду, а министр внутр. дел, Д. Г. Бибиков, в 1853 г. сообщал, что в Белоруссии на каждые 30 лет приходится по 10 неурожаев, которые возвращаются чаще и чаще (А. Романович-Славатинский, „Голода в России и меры правительства против них". „Киевск. Университ. Известия", 1892 г., № 1, стр 29). В последние годы перед реформою, уже при имп. Александре II, были также сильные неурожаи. В 1855 г. неурожай захватил сев.-западные губернии, южные и часть центральных. Наконец, очень сильный неурожай поразил многие губернии и в 1859 году. Неурожай озимых хлебов обнял 31 губернию, а яровых—29. (Весин, „Неурожаи в России". „Сев. Вестн". 1892 г., № 1, стр. 98.).

сильно страдало от них. Правительству приходилось принимать энергичные меры для спасения голодающих от болезней и смерти и для поддержания разоряющихся крестьянских хозяйств. Казалось бы, крепостное право, ставившее помещикам в обязанность не допускать крестьян до нищенства, а следовательно и заботиться о продовольствии их, должно было сильно облегчать правительство в его продовольственной деятельности. Крепостная масса, как известно, составляла по 10-ой ревизии $37^1/_2$% всего сельского населения, а в период времени с 1747 по 1837 г. достигала даже 45%. Таким образом, при условии исполнения помещиками их продовольственной обязанности правительство было бы освобождено от забот о продовольствии почти половины сельского населения первой четверти XIX столетия и более трети—накануне освобождения.

При финансовых затруднениях, какие постоянно испытывало правительство, и при частом повторении неурожаев, такое переложение на помещиков продовольственных забот о значительной части населения, должно было сильно облегчать государственный бюджет, и правительство было бы серьезно заинтересовано в сохранении крепостного права. В действительности этого не было. Правительству приходилось все энергичнее и энергичнее вмешиваться в продовольственную деятельность помещиков, затрачивать все большие и большие суммы на продовольствие помещичьих крестьян, так что, в конце концов, крепостное право скорее мешало правильной постановке продовольственной помощи населению, чем облегчало правительство в этой его деятельности. Бросая беглый взгляд на историю продовольственного вопроса в помещичьих имениях на протяжении двух последних столетий существования крепостного права, приходится отметить, что по мере приближения к реформе 1861 г. правительство все менее и менее настаивало на обязательности для помещиков продовольственной помощи крепостным, и в то же время доля участия правительства в продовольственной помощи крепостному населению постепенно возростала.

В Уложении 1649 г. на владельцев холопей возлагалась обязанность кормить их в голодное время под угрозою лишения права владеть ими; помещик, впрочем, мог освободиться от этой обязанности, добровольно отпустив холопа на волю. Через два столетия, перед реформою, отношение к помещику, виновному в непродовольствии своих крепостных, было значительно мягче. За допущение крепостного до нищенства по Своду Законов изд. 1857 г. помещику угрожал лишь штраф в размере 1 р. 50 к.

Правда, за непродовольствие крестьян могли наложить опеку на имение виновного в том помещика, но применение этой меры все более и более ограничивалось. В начале XIX века вера в целесообразность и практичность этой меры была еще велика. Указом 21 февраля 1811 г., например, определенно предписывалось брать в опеку имения всех тех помещиков, которые не выполняют обязательства, подкрепленного особою подпискою, прокормить крестьян до нового урожая. В продовольственных правилах 1822 г. проводилась та же точка зрения на опеки. Однако, и в то уже время явились сомнения в целесообразности этой меры воздействия на помещиков. Так, особый комитет, образованный в 1823 г. для обеспечения продовольствия жителей Могилевской, Витебской и Псковской губерний, терпевших вопиющую нужду, указал на невозможность найти надежных опекунов для всех тех имений, которые поступали в опеку, в виду громадного количества таковых; имения эти были обременены долгами, и казне приходилось издерживать на них большие суммы; на возврат же этих ссуд была плохая надежда, ибо, находясь в опеке, имения разорялись еще больше. Для возвращения правительственных средств, затраченных на такие имения, комитет предлагал продавать подобные имения с торгов. В 1833 году, под влиянием практики голодного года было даже постановлено брать в опеку лишь те имения, помещики которых расходовали не по назначению ссуду, полученную ими на продовольствие крестьян. Впрочем, и по правилам 1834 г. имения, которые не могли служить обеспечением ссуды, выдаваемой помещику, должно было брать в опеку. Более снисходительное отношение правительства к помещикам, не исполнявшим своей продовольственной обязанности, об'ясняется не только сознанием бессилия заставить помещиков затрачивать средства на продовольствие крестьян. Правительство вообще делалось очень осторожным в применении репрессивных мер к помещикам из опасения расширить трещины, которые постепенно образовывались в крепостных отношениях между крестьянами и помещиками. По мере роста среди крестьян враждебности к помещикам и духа протеста против крепостного права, правительство тщательно избегало всего того, что подрывало бы престиж помещичьей власти и давало бы крестьянам повод увеличивать свои требования. Обязанность помещиков кормить голодающих, хорошо известная крестьянам, была одним из частых поводов волнений среди крестьян, жалоб на помещиков и требований, пред'являемых к ним крестьянами в более или менее резкой форме. Во избежание

подобных нарушений обычного порядка в помещичьих имениях, во имя охраны крепостного права, правительство было склонно смотреть сквозь пальцы на неисполнение помещиками их продовольственной обязанности, лишь бы не дать крестьянам повода пред'явить помещику какие-либо требования, выйти из безропотного рабского повиновения. Оно готово было скорей отказаться от основного принципа своей продовольственной политики, войти в крупные расходы по продовольствию крепостных, чем подкрепить в крестьянах сомнение в *безусловности* крепостного права помещиков. Отсюда проистекало стремление не только открыто не настаивать на строгом исполнении помещиками их продовольственной обязанности, но даже замаскировать ее в глазах населения. В 1834 г., например, помещикам рекомендовалось, согласно с мнением государственного совета, внушать крестьянам „при удобном случае, что они не имеют никакого права ожидать безвозмездного пособия в нужде не только со стороны правительства, но даже и от помещиков своих, будучи обязаны беспрерывно во всем им повиноваться и исполнять возложенные на них работы за земли, коими они пользуются, и за доставляемое им от помещиков содержание“ [1]). Косвенно разрешалось в неурожайные годы увеличивать размер барщины и других работ, рассматривая такое увеличение, как плату за продовольственную помощь. Так, в тот же 1834 г. помещикам было предложено изыскать заблаговременно полезные работы, „дабы в неурожайные годы крестьяне их за оказываемое от помещиков пособие в продовольствии вознаграждали бы оное своею работою“ [2]). Таким образом, крестьяне должны были не только терпеть нужду, разоряться, но еще исполнять лишние работы на помещика за спасение от голодной смерти, или от полного экономического разорения. Еще в 1833 г. государственный совет, под влиянием ряда крестьянских волнений, обратил усиленное внимание на глубокое убеждение крестьян в обязанности продовольственной помощи им со стороны правительства и помещиков. Он полагал необходимым, в целях борьбы с этим убеждением, организовать продовольственную помощь силами самого населения. По этим мотивам наилучшим средством разрешить продовольственные затруднения, были признаны общественные работы. Впрочем, в помещичьих имениях

---

[1]) „Историч. обзор правит. меропр. по народн. продовольствию в России“. Т. II, стр. 134.

[2]) Ibid, стр. 134.

система общественных работ получила характерное изменение. Помещикам предоставлялось право поставить голодающих крестьян на работу, прежде всего, в собственном имении, и лишь в случае недостатка помещичьих работ крестьянам должны были предлагать итти на общественные работы. Опыт убедил, однако, правительство в убыточности и непрактичности этого средства кормить население. В тех же целях борьбы с вышеуказанным убеждением крестьян министерство внутренних дел долго носилось с идеей повсеместного заведения общественных запашек.

Избегая открыто требовать точного выполнения помещиками их продовольственной обязанности, правительство, в силу государственной необходимости, должно было все же принимать те или иные меры к спасению населения от болезней и вымирания в голодные годы. В этом направлении наибольшее развитие получили хлебные запасные магазины, продовольственные капиталы и правительственные ссуды помещикам под их ответственностью за правильное расходование выданных сумм.

Первые попытки создать в помещичьих имениях запасные хлебные магазины на случай неурожаев относятся к половине XVIII века: указом 14 февраля 1761 г. [1]), отменившим опись хлеба у частных лиц и раздачу его неимущим, вводились, как известно, обязательные постоянные хлебные запасы. Этот указ, имевший важное значение в общей истории продовольственного вопроса, внес мало нового в историю помещичьих имений. В этом указе правительство лишь энергичнее и определеннее, чем раньше, потребовало, чтобы помещики имели запасы хлеба на случай неурожая. Несомненно, важнее для истории продовольственного вопроса в помещичьих имениях высочайше утвержденный 29 ноября 1799 г. доклад сената об учреждении сельских запасных магазинов [2]). Здесь уже довольно ясно выражен принцип вмешательства правительства в продовольственную помощь помещиков их крестьянам. От помещиков требовали не только определенных запасов хлеба (3 четверти ржи и 3 четверти ярового на каждую ревизскую душу), но указывался и размер сбора с каждой ревизской души (по $^1/_2$ четверика ржи и $^1/_2$ гарнца ярового с ревизской души в год); делались указания даже относительно способа хранения этих запасов, освежения и раздачи. Главный конт-

---

[1]) I. П. С. З. 1761 г., № 11203.
[2]) I. П. С. З. 1799 г., № 19203.

роль над запасными магазинами на местах поручался губернаторам; ближайший надзор возлагался на предводителя дворянства. Такой контроль, конечно, не мог быть достаточным, ибо уездные предводители, как дворяне, были сами заинтересованной стороной, местная же администрация, через которую губернаторы могли осуществлять свое право контроля, при господстве взяточничества, в значительной степени материально зависела от тех же дворян. К этому присоединялось отсутствие санкции в законе. Неудивительно поэтому, что закон 1799 г. фактически не исполнялся в помещичьих имениях.

В последующие годы правительство колебалось в своем отношении к запасным магазинам и к роли помещиков в их организации. Можно отметить все же, что правительство определеннее и определеннее рассматривало запасные магазины, как учреждение, служащее государственным целям, отрицая право помещиков произвольно распоряжаться хлебными запасами. Эта точка зрения была впервые определенно развита в указе 21 февраля 1811 г.

Вопрос о назначении запасных магазинов был резко поставлен министром внутренних дел кн. Куракиным в 1808 г. Обратив внимание на жалобу минского губернатора, что помещики „не в том смысле понимают учреждение магазинов“, что „по их разумению *одни магазины* во всякое время должны обеспечивать продовольствие крестьян, а со своей стороны мало о том заботятся“, Куракин сделал представление сенату о необходимости рассеять такое ложное убеждение помещиков. По его мнению, раздача хлеба из запасных магазинов в урожайные годы была бы допустима лишь в тех случаях, если хлеб в магазине почему-либо портился, или, когда, по достоверным сведениям, существовала самая крайняя нужда в прокормлении крестьян. Но и в этом случае можно было раздать лишь половину собранного с крестьян хлеба; „остальное же продовольствие должно зависеть от владельцев“, в чем они должны были давать соответствующую подписку. В случае невыполнения ее, имение виновного должно было браться в опеку, а крестьянам, по распоряжению губернского начальства, должны были доставлять хлеб за счет помещиков. Таким образом, только в годы неурожая и крайней продовольственной нужды помещики могли расчитывать на хлеб, собранный ими же со своих крестьян в запасные магазины. Но и в этих случаях никаких выдач хлеба не могло быть без разрешения губернатора. Сенат, утвердивший это представление Куракина в указе 21 февраля 1811 г., еще более затруднил выдачу

хлеба из запасных магазинов, поставив ее в зависимость от согласия министра [1]).

Таким образом, указ 21 февраля 1811 г. установил правилом, чтобы помещики получали помощь из запасных магазинов только с разрешения правительства в определенных законом случаях. Этим самым запасные магазины получили значение государственной собственности, а самый сбор хлеба в эти магазины—значение государственной повинности. Но эти же условия получения ссуды делали помещиков еще более равнодушными к судьбе запасных магазинов. При зависимости ссуды от губернских и центральных властей, неизбежна была канцелярская волокита, из-за которой ссуда могла быть выдана нередко тогда, когда экстренная нужда в хлебе проходила. Кроме того, нужда крепостных в продовольственной и семенной помощи далеко не исчерпывалась указанными законом случаями. Помещики принуждены были этим самым самостоятельно изыскивать способы продовольствовать крестьян. Поэтому-то, на ряду с правительственной, развивалась и помещичья организация продовольственной помощи в отдельных имениях, в виде собственных запасных магазинов, особых капиталов, общественных запашек и т. п.

Продовольственные правила 1822 г. [2]), предоставившие особым губернским совещаниям решать вопрос, денежные или хлебные запасы должны в каждой отдельной губернии обеспечивать продовольствие крестьян, очень стесняли помещиков в пользовании денежными запасами и допускали большую самостоятельность их в деле распоряжения хлебом из запасных магазинов. Так как большинство губерний (41) избрало систему хлебных запасных магазинов, то фактически ближайшее распоряжение продовольственными запасами зависело в помещичьих имениях от их владельцев. Беспорядочное состояние запасных магазинов, явившееся результатом такого порядка, заставило правительство уже в начале 30-х годов возвратиться к системе прежнего надзора за ними.

Голод 1833—34 гг. показал, однако, что и установленного контроля далеко не достаточно; помещики не выполняли предписаний правил 1822 г., хлебных запасов было недостаточно; крепостные терпели страшную нужду и волновались, требуя от помещиков помощи, что заставляло правительство входить в крупные расходы по продовольствию помещичьих крестьян.

---

[1]) I. П. С. 3. 1811 г., № 24525.
[2]) I. П. С. 3. 1822 г., № 29000.

В правилах 1834 г. [1]), составленных в значительной степени под влиянием правительственных затруднений и опыта во время голода 1833—34 гг., обращено было большое внимание на усиление надзора за помещиками во всех стадиях продовольственной деятельности. За исправным содержанием магазинов должны были попрежнему надзирать уездные предводители дворянства. В помощь им избирались дворянами особые попечители. В тех местах, где не было предводителей дворянства, за запасными магазинами должна была наблюдать земская полиция. Кроме того, чиновники, командируемые с какими-либо целями начальниками губерний, министрами внутренних дел и финансов, обязаны были ревизовать помещичьи хлебные запасные магазины, если только последние встречались по пути их следования. Общий же надзор за содержанием запасных магазинов и за целостью денежных капиталов лежал на обязанности комиссий народного продовольствия. Распоряжение хлебными запасами было из‘ято из рук помещиков. Даже местное начальство было ограничено в этом отношении. Частные ссуды, выдаваемые в тех случаях, когда в продовольственной помощи нуждались лишь некоторые семейства и немногие селения, производились хлебом из запасных магазинов только в количестве, необходимом для обсеменения полей. Местное начальство могло свободно распоряжаться лишь $^1/_4$ всего наличного хлеба; если требовалась большая ссуда, необходимо было разрешение на нее от комиссии народного продовольствия. Если же при сильном неурожае необходимо было раздать более половины хлеба, то об этом комиссия должна была доводить до сведения министерства внутренних дел. В законе предусматривалось лишь составление помещиками списков нуждающихся крестьян. Таким образом лишь определение нужды среди крестьян зависело от помещиков, да и эти сведения могли проверяться через чиновников или уездных предводителей. От комиссии народного продовольствия зависела также выдача денежных пособий из продовольственного капитала [2]). Комиссия решала выдавать эти пособия деньгами или покупать на них хлеб для раздачи нуждающемуся населению. При выдаче таких пособий возврат их должен был обеспечиваться имением помещика; в противном случае имение бралось в опеку.

[1]) П. П. С. З. 1834 г., № 7253.

[2]) В 1834 г. была принята смешанная система: на ряду со сбором озимого и ярового хлеба, в определенной пропорции существовали денежные сборы для образования капиталов народного продовольствия.

Однако, стремления правительства улучшить организацию помещичьих запасных магазинов и усилить свой контроль над ними мало достигали цели. За все время своего существования они далеко не удовлетворяли потребности помещичьих крестьян в продовольствии. Не говоря уже о том, что помещики очень дурно исполняли свои обязанности по устройству и пополнению запасных магазинов, что контроль, установленный над ними, был недостаточен, хлебные запасы, по самому способу их составления, могли образоваться в определенном законом размере не ранее, как через 15 лет (по правилам 1822 г., даже через 30 лет), при условии, чтобы в течение этого времени не было ни одного значительного неурожая. Между тем, фактически неурожаи при Николае I повторялись очень часто и быстро с'едали те небольшие запасы, которые могли скопиться в урожайные годы. Неудивительно поэтому, что правительство, сталкиваясь со все возрастающей нуждою среди помещичьих крестьян, принуждено было прибегать к другим мерам обеспечения их продовольствием. Одною из таких мер была выдача помещикам денежных ссуд не только из продовольственных капиталов, образуемых из денежных сборов с тех же крестьян, но и из общегосударственных средств.

В эпоху Александра I денежные ссуды выдавались помещикам вообще очень неохотно. Это отразилось и на правилах 1822 г.

Так, правительственные ссуды могли выдаваться лишь после наложения опеки за непродовольствие крестьян, и то только в том случае, если доходов с имения не хватало на обеспечение нужд крестьян. Действительность быстро принудила правительство отказаться от строгого исполнения правил 1822 г. Брать в опеку все имения, где продовольствие крестьян недостаточно обеспечивалось, было немыслимо. Легче было оказать ссуду и таким образом поддержать помещика, чем возиться с имением, взятым в опеку, подыскивать опекуна и т. д. По этой причине система выдачи денежных ссуд без предварительного наложения опеки развивалась вопреки правилам 1822 г. Особенно сильное развитие таких ссуд замечается во время острого неурожая 1833 г. В этом году, по 1 июня 1834 г., на покупку хлеба или для выдачи денежных ссуд из казны на продовольствие из разных местных капиталов заимообразно на счет земских повинностей и из кредитных учреждений было выдано 29.768.712 р. 84½ к.; из этой внушительной суммы 20.435.040 р. 42¼ к., или 68,7%, было

выдано из сумм государственного казначейства [1]. Сколько из этой суммы пришлось на долю помещичьих крестьян, нельзя сказать, но по частным примерам можно думать, что выдачи эти были значительны.

В 1833 г. был издан ряд распоряжений, увеличивавших и регулировавших выдачи ссуд помещикам на продовольствие их крестьян. Так, положением комитета министров 11-го июля было разрешено, помимо средств из капиталов народного продовольствия, выдавать ссуды наиболее нуждающимся помещикам непосредственно из казны. Главное внимание было обращено сначала на затруднительное положение мелких помещиков. Положением 25 июля 1833 г. было разрешено вместо заготовления нужного хлеба и семян от правительства в натуре выдавать денежные ссуды по 10 р. на душу помещикам, имевшим от 50 до 100 душ, и по 15 р.—имевшим менее 50 душ. Крупным помещикам, имевшим более 100 душ, могли выдавать ссуды по особым представлениям министерства внутренних дел непосредственно из казны. Впрочем, действительность вскоре показала, что и крупные помещики нередко оказывались беспомощными в борьбе с продовольственною нуждою, и интересы государственного спокойствия потребовали широкой правительственной помощи и им. Поэтому положением комитета министров 12 сентября 1833 г. было предписано в подобных случаях заготовлять хлеб, нужный для продовольствия, помимо помещиков, взыскивая с них затраченные суммы при наступлении благоприятных обстоятельств. Кроме того, таким крупным помещикам должны были выдавать ссуды на общих основаниях из местных продовольственных капиталов. Наконец, положением 25 сентября комитет разрешил выдавать особенно нуждающимся помещикам новые ссуды, предпочтительно хлебом в натуре, в количестве 1 чтв. на ревизскую душу; по ближайшему же усмотрению местного начальства эта хлебная ссуда могла быть заменена денежною, но не превышающей стоимости $1/2$ четверти хлеба на ревизскую душу. Изменен был согласно требованиям действительности и вопрос об опеках над имениями, которые нуждались в ссудах. Вопреки правилам 1822 г., упомянутым Положением 25 июля, в опеку должны были брать лишь те имения, помещики которых растрачивали ссуду не по назначению.

---

[1]) Середонин. „Историч. обзор деят. комит. министров", т. II, ч. II, стр. 302; см. также „Истор. обзор правит. меропр. по нар. продов. в России", т. I, стр. 226.

В последующие неурожайные годы ссуды помещикам росли. Во время неурожая 1839—1840 гг., было затрачено на продовольствие голодающего населения 35.387.101 р. асс. (в 1839 г.—9.539.918 р. асс. и в 1840 г.—25.847.183 р. асс.). Из них на помощь помещикам ушло 17.460.492 р. асс., или 49% (в 1839 г.—5.303.427 р., или 55,6%, и в 1840 г.—12 157.065 р. асс. или 47%). Следовательно, почти половина расходов, сделанная в продовольственную кампанию 1839—40 гг., была вызвана продовольственною нуждою среди помещичьих крестьян и нежеланием или невозможностью для помещиков позаботиться о своих крепостных. Что касается источников, откуда черпались эти крупные суммы, то 38,8% их было получено из государственного казначейства и кредитных установлений; остальная сумма (61,2%) была выдана из капиталов народного продовольствия [1]). В 1845 г. по 4 губерниям (Псковской, Витебской, Смоленской и Могилевской) было отпущено только для выдачи помещикам 1,770.000 р. (по 10 р. на душу); эта сумма была взята из государственного заемного банка частью на счет кредитных установлений, частью на счет государственного казначейства. В том же году из приказов общественного призрения в Витебской, Виленской, Ковенской и Эстляндской губерниях было взято 1.148.000 р. сер. как для помещичьих имений, так отчасти для городских жителей (Виленской губ.), для жителей местечек и бедных дворян (Ковенской губ.) [2]). Злоупотребления помещиков при расходовании этих ссуд, самый рост их сильно озабочивал правительство Оно постепенно стало осторожнее при назначении денежных ссуд. В 1846 г. при плохом урожае в Витебской, Могилевской, Минской, Виленской и Псковской губерниях из государственного казначейства, государственного банка и из сумм приказов общественного призрения для ссуд помещикам перечисленных губерний было ассигновано 1.159.000 р. сер. В 1851 году денежных пособий из этих источников почти не назначалось.

Ссуды выдавались не всегда деньгами. Получая денежные ссуды на руки, помещики нередко употребляли полученные деньги в лучшем случае на другие нужды своего имения, а не на продовольствие крестьян, в худшем же случае попро-

---

[1]) Вычислено на основании данных, имеющихся в труде Середонина „Историч. обзор. деятельности ком. министров“, т. II, ч. II стр. 356, 365 и 366.

[2]) „Историч. обзор правит. меропр. по нар. продов.“, ч. II, стр. 126—127.

сту, проигрывали их в карты. Желая предупредить такие злоупотребления, правительство старалось выдавать ссуды хлебом [1]).

Все подобные ссуды далеко не удовлетворяли продовольственной нужды помещичьих крестьян, которая требовала новых жертв со стороны правительства. В целях помощи голодающему населению делались различные облегчения при взимании государственных податей, рассрочки и прощение недоимок, различные льготы по платежам в кредитные учреждения, по уплате продовольственных ссуд и т. д.; в тех же видах отсрочивались рекрутские наборы; в целях развития посторонних заработков выдавались бесплатно паспорта, перемещались войска из пострадавших от неурожая губерний, чтобы содержанием их не обременять населения; отпускалась соль или заимообразно, или без акциза, запрещался вывоз хлеба за границу или разрешался беспошлинный ввоз его из-за границы [2]).

Все эти и т. под. меры применялись, конечно, не исключительно в целях помощи помещичьим крестьянам. Большая часть из них имела целью оказать помощь всему голодающему населению, но так как помещичьи крестьяне составляли значительную часть его, то косвенные расходы, в которые входило правительство при применении этих мер, вызывались в значительной степени нуждою среди помещичьих крестьян.

Так как все эти меры мало помогали, и вопрос о продовольствии помещичьих крестьян вставал перед правительством во всей своей остроте при всяком крупном неурожае, то неудивительно, что с самого начала царствования Николая I начали возникать различные проекты реорганизации продоволь-

---

[1]) Какие суммы расходовались на такую форму помощи помещикам— неизвестно, но некоторые общие цифры затрат на помощь различным группам населения показывают, что правительству не дешево обходилась подобная заготовка хлеба для голодающего населения. Так, в 1840 г., для Тульской губ. приобретено 37.000 четвертей, обошедшихся более чем в 1 миллион р. асс.; для Калужской губ.—6000 чтв., для чего израсходовано 163.000 р. В 1845 г. правительством было приобретено для Псковской, Витебской, Могилевской, Лифляндской и Курляндской губерний до 500.000 четвертей на сумму свыше 2½ миллионов, причем большая часть этих расходов была отнесена не на счет казны, а на счет продовольственных капиталов этих губерний. („Историч. обзор правит. меропр. по нар. продов.“, ч. II, стр. 127, 128).

[2]) Последние меры, впрочем, в царствование Николая I применялись очень редко.

вольственной помощи вообще и крепостных крестьян в частности [1]).

Выше приходилось упоминать о попытке правительства разрешить продовольственный вопрос при помощи организации общественных работ [2]). Первые опыты этого рода относятся к 1833 г. В 1840 году увлечение общественными работами было настолько сильно, что они признавались „единственною самой надежнейшей и удовлетворяющей всем видам правительства мерой“. Однако обнаружившиеся на практике недостатки общественных работ охладили, в конце концов, правительство. В 1852 г. уже сам комитет министров признал, что открытие общественных работ в неурожайных губерниях может быть допускаемо в виде „воспособления“, для скорой же помощи нуждающимся нужны другие меры. Можно сказать, что эта попытка разрешить продовольственный вопрос окончилась неудачно. Население не шло работать; общественные работы непроизводительно поглощали громадные суммы казенных средств. Не могли иметь значения общественные работы и как средство разубедить крестьян в обязательности продовольственной помощи для правительства и помещиков. При запаздывании общественных работ и их недостаточных размерах тяжесть продовольственной помощи крепостным крестьянам попрежнему должна была ложиться на правительство

---

[1]) После неурожая 1840 г. появилась масса проектов, вызванных слухами о желании правительства реорганизовать продовольственное дело. Так, в 1840 г. в министерство внутренних дел было представлено 12 более или менее полных проектов; в 1841—2, в 1843—4, в 1844—9, в 1845—9, в 1846—6 и в 1847—1, итого за 8 лет было представлено 43 проекта. В последующие годы неизвестно частных проектов, но это в значительной степени приходится об'яснять реакцией в правительственных сферах по отношению к крестьянскому вопросу после революции 1848 г.

[2]) Об общественных работах см. Максимов, „Очерки по истории общественных работ в России“. С.-Петербург, 1905 г.; „Историч. обзор правит. меропр. по народ. продов. в России“; Ермолов, „Наши неурожаи“; Середонин. „Историч, обзор деятельности комитета министров“. Т. II, ч. I. Общественные работы открывались в различных губерниях в 1833—34 гг., 1836 г., 1840 г., 1846 г., 1847, 1851 гг. На них затрачивались значительные суммы денег. Так, в 1834 г. на общественные работы было предназначено 2.616.000 р. асс. В 1840 г. стоимость работ была исчислена в 2.354.017 р. асс. В 1851 г. для той же цели было назначено 3.000.000 р. сер. Хотя эти расходы, в теории, должны были возмещаться из средств, ассигнуемых обыкновенно соответствующим ведомством на такие сооружения, как шоссейные дороги и т. под., на которых применялись общественные работы, однако в действительности выполнение их при помощи общественных работ причиняло нередко громадные убытки казне и земским сборам.

и помещиков. Население попрежнему ожидало от них этой помощи и волновалось, не получая ее.

Одним из проектов, который больше всего заинтересовал правительство и больше всего удовлетворял его требованиям, был проект заведения общественных запашек. Еще в 1828 г. управляющий министерством внутренних дел Ланской представил проект, в котором, между прочим, предлагал заменить сбор хлеба с каждой ревизской души учреждением особых общественных полей, урожай с которых должен был итти на пополнение запасных магазинов; другими словами, Ланской предлагал меру, принятую в 1827 г. относительно удельных имений, распространить на крестьян других ведомств, в том числе и на помещичьих. По отношению к помещикам Ланской был очень осторожен: он предполагал заведение общественных запашек „предоставить помещикам по собственному их произволу и распоряжению". Проект Ланского не встретил сочувствия в 1828 г. Новую попытку учредить общественные запашки, как общегосударственную меру обеспечения народного продовольствия, сделал министр внутренних дел гр. Перовский в 1841 г. Не нарушая крепостного права, проект Перовского имел ту слабую сторону, что, требуя отвода части земли под общественные запашки, посягал на неприкосновенность помещичьей земли, ибо влек за собою принудительно отчуждение хотя бы ничтожной части ее. Перовский думал примирить помещиков с таким отчуждением, установив поземельный сбор в размере 10% с урожая „для вознаграждения помещиков за отходящую под общественные поля землю". Помещики могли примириться, по мнению Перовского, с ничтожностью вознаграждения в виду ничтожной величины отчуждаемых участков; между тем, самое получение платы за земли могло иметь воспитательное значение для крестьян, приучая их к мысли, что они живут не на своей земле, а на помещичьей.

Как ни ничтожны были бы участки земли, подлежавшие отчуждению в отдельных имениях, отрезка их могла быть чувствительной в малоземельных имениях или в таких, где земля требовала усиленного удобрения. Поскольку удобрение и обработка общественных полей требовала труда крестьян, проект Перовского посягал и на право помещиков на их труд. Таким образом этот проект косвенно мог вести к уменьшению об'ема помещичьей власти. Помещики вряд ли спокойно примирились бы с посягательством на их право собственности на землю и на труд крестьян. Неудивительно, что и этот проект

не встретил большого сочувствия в дворянских сферах. Против него были сделаны всякие возражения в государственном совете, куда он был передан на обсуждение по воле государя. Тем не менее, министру внутренних дел было поручено детальнее разработать и обосновать проект об общественных запашках. Дело это затянулось до 50-ых годов. За это время министерство внутренних дел делало частые попытки распространить общественные запашки, настойчиво приглашая к тому помещиков. Однако, действительность не оправдала надежд министерства. Помещики далеко не везде считали выгодным для себя заводить общественные запашки, местами уже заведенные запашки уничтожались, крестьянское же население относилось далеко не сочувственно и даже враждебно к подобным нововведениям.

Пример государственных крестьян, ответивших на принудительное введение картофельных посевов бунтами, поучал, как опасно было не считаться с народными взглядами и отношением крестьян к тем или другим изменениям в их хозяйственной жизни. Киселев в 1850 г. даже резко возражал против введения общественных запашек в Ставропольской губернии среди казенных крестьян, ставя вопрос: „представляется ли в общественной запашке столько необходимости и пользы, чтобы пренебрегать неудовольствием народа к распоряжениям правительства“ [1]). Под влиянием таких сведений и соображений министерство внутренних дел совершенно оставило мысль о повсеместном введении общественных запашек, как лучшем способе разрешить продовольственный вопрос. В 1853 г. на запрос государя, почему проект Перовского не был внесен в государственный совет, министр внутренних дел заявил, между прочим, что он не считает общественную запашку мерою удобною и необходимою [2]).

Вопрос о заведении общественных запашек был поднят вновь перед самым освобождением крестьян. Он был передан на обсуждение дворянских комитетов, а затем заключения их обсуждались в особой комиссии, которая также отрицательно отнеслась к заведению общественных запашек. „Учреждение это,—рассуждала комиссия,—существует по ведомству уделов, оно существовало и отчасти существует еще и теперь в некоторых помещичьих имениях, преимущественно из числа тех, где крестьяне состоят на барщине“.

---

[1]) „Историч. обзор правит. меропр. по нар. продов.“, т. II, стр. 107.
[2]) Ibid., стр. 108—109.

В числе доводов против общественных запашек указывалось на „ропот неудовольствия и, быть может, даже опасное волнение крестьян, несправедливо притесняемых“, ибо при общественных запашках вполне возможен произвол в наряде крестьянских работ и в принятии мер к взысканию за неисправность в этих работах [1]).

В 50-ых годах, когда правительство разочаровалось в возможности разрешить продовольственный вопрос в помещичьих имениях как при помощи общественных работ, так и при помощи общественных запашек, министерство внутренних дел сделало новую попытку несколько реформировать продовольственное дело, не изменяя его по существу. В 1851 г. истекал срок денежных и хлебных сборов, из которых, по правилам 1834 г., должны были составиться запасы, обеспечивающие продовольствие крестьян. Перовский, желая по примеру продовольственной организации у государственных крестьян, ввести начало непрерывных взносов, предложил продлить денежные сборы. Один из преемников Перовского, Ланской предложил, наоборот, продлить хлебные сборы. Ни та, ни другая мысль не встретили сочувствия, хотя фактически сборы деньгами и хлебом не прекращались и по истечении срока, определенного правилами 1834 г.

Таким образом все усилия правительства выйти из того тупика, в котором оно находилось в продовольственном отношении, были безрезультатными, и ко времени уничтожения крепостного права продовольственный вопрос в помещичьих имениях оставался для правительства неразрешенным.

II.

Продовольственный вопрос был больным местом крепостной жизни. Если тяготилось им правительство, делая тщетные попытки обеспечить продовольствие помещичьих крестьян, не нарушая целости крепостного права и сохраняя по возможности государственные финансы, то не менее озабочивал он и помещиков, принужденных заботиться о продовольствии крестьян не только по обязанности, но и по необходимости, не только в неурожайные годы, но и в несчастных случаях: при граде,

[1]) Ермолов. „Наши неурожаи и продов. вопрос“, ч. I, стр. 61, 62—63.

пожаре, скотском падеже и т. п. Крепостное помещичье хозяйство, на котором зиждилось экономическое благосостояние большей части дворян, находилось в большинстве случаев в тесной зависимости от благосостояния крепостных крестьян. Помещики пользовались даровым крепостным трудом, и, поскольку труд есть принадлежность живой чувствующей личности, для помещика было необходимо, чтобы хотя первые, необходимейшие потребности этой личности были удовлетворены. Поскольку эта личность имела ценность в помещичьем хозяйстве, жизнь ее нужно было охранить. Болезни и вымирание населения при недостаточном продовольствии в голодные годы больно били по карманам самих помещиков, уменьшая количество рабочей силы. С другой стороны, в большинстве помещичьих хозяйств употреблялся крестьянский скот и инвентарь. Поэтому для правильного ведения сельского хозяйства, нужны были сильные крестьянские хозяйства, снабженные хорошим хозяйственном инвентарем. Само собой разумеется, что неурожайные годы, разорявшие крестьянское хозяйство, нередко лишавшие его необходимого скота и инвентаря, были истинным бичем для барщинного помещичьяго хозяйства. Заботы о благосостоянии собственного хозяйства заставляли всякого мало-мальски благоразумного хозяина принимать энергичные меры к поддержанию падающего крестьянского хозяйства. Приходилось снабжать крестьян семенами, чтобы обсеивались их поля, скотом, чтобы эти поля и поля самого помещика обрабатывались должным образом, нужно было приходить крестьянам на помощь в поддержании всего инвентаря в должном порядке.

Немало забот требовали и оброчные крестьянские хозяйства, особенно в тех местах, где земледелие было главною основою платежных сил населения. Для поддержания оброка на желательной высоте приходилось оказывать поддержку колеблющимся в неурожайные годы крестьянским хозяйствам даже в тех местах, где оброк добывался не земледельческим трудом; земледелие и в таких местах составляло в большинстве случаев столь существенную часть крестьянского хозяйства, что неурожай отражался на платежных силах населения, вызывая оброчные недоимки, отчего пустели и помещичьи карманы.

Наиболее обычной формой помещичьей помощи были ссуды деньгами или хлебом, с возвратом или без возврата, с процентами или без таковых. Впрочем, при повторяющихся неурожаях и усиливающемся разорении, помещикам нередко

приходилось, волей-неволей, прощать долги, ибо крестьяне обращались в безнадежных должников [1]).

При пособии хлебом помещики обыкновенно выдавали определенное количество его на то или другое время. Трудно установить хотя бы приблизительный размер его, но известны случаи, когда крестьяне требовали выдачи им „казенного", или „солдатского" пайка, указывая на недостаточность количества хлеба, получаемого от помещиков. Между тем, казенный паек также был далеко не достаточным для полного удовлетворения продовольственной нужды населения. В 1833 г. казенный паек состоял из 30 фунтов муки в месяц на душу для взрослого и из 15 фунтов до 15 лет. В 1840 г. на душу также полагалось по 30 фунтов муки или по 5 гарнцев ржи. Такой размер казенного пособия некоторыми администраторами признавался недостаточным. Полтавский губернский предводитель дворянства Капнист указывал в 1840 году, что размер пособия 1833 г. „должен считаться недостаточным, ибо если мера эта избавляет нуждающихся от голодной смерти, то, тем не менее, последствием столь скудного продовольствия были различные болезни". Капнист полагал необходимым выдавать по 1 четверти или 1 пуду ржаной муки в месяц на каждую наличную душу мужского или женского пола без различия возраста. Только при таком размере пособия, принимая во внимание излишек, который должен был оставаться от малолетних, взрослые могли получить до 3 фунтов в день хлеба. (Капнист считал, что из пуда муки получается $1^1/_2$ пуда хлеба). „Это есть крайняя мера необходимого пособия, и уменьшить оную невозможно, не подвергая нуждающихся гибельным последствиям скудного пропитания" [2]). Председатель тамбовской казенной палаты, генерал Лешерн, одно время в 1840 г. заменявший в Тамбовской губернии губернатора, признавая паек, выдававшийся в имении кн. Голицына, недостаточным, распорядился выдавать по 1 четверику ржи в месяц на каждую наличную душу без различия возраста, другими словами, определенный им размер достаточного пайка

---

[1]) Бабиновецкому помещику Вакару, например, приходилось постоянно помогать крестьянам хлебом и деньгами, покупать лошадей, уплачивать недоимки и т. д. С 1807 по 1812 г. за ними накопился долг помещику более 5.000 рублей. В 1812 г., войдя в положение окончательно разорившихся крестьян, он простил этот долг. Но к 30-м годам за крестьянами успел накопиться опять более, чем 15-тысячный долг. „Земледельческий журнал", 1832 г., № 5, Вакар. „О заведении мирской пашни, как средства для улучшения состояния крестьян".

[2]) „Историч. обз. прав. меропр. по народ. продов.", II, стр. 359.

сходился с определением Капниста. Козельский уездный предводитель дворянства в том же году предписал помещице Пауль выдавать своим крестьянам также по 1 пуду ржаной муки в месяц на каждую мужского и женского пола душу.

Между тем многие помещики ограничивали свою помощь голодающему населению пределами крайней необходимости. Упомянутая помещица Пауль выдавала печеный хлеб только тем крестьянам, которые работали на барщине; при этом вначале она давала по два фунта, и только после начавшегося волнения крестьян увеличила паек до трех фунтов в день. В имении Балкполева Саратовской губернии, в 1833 г., выдавался хлеб также только тем крестьянам, которые работали на суконной фабрике, имевшейся в имении. Правда, выдавали более 2-х пудов в месяц на работника, но, принимая во внимание семейства, содержать которые должны были те же рабочие, следует признать такой паек недостаточным, ибо на каждую наличную душу приходилось менее 1 пуда в месяц.

При незначительном размере продовольственного пайка крестьянам не всегда выдавали рожь или пшеницу, заменяя их яровым хлебом или какими-либо суррогатами. Не говоря о таких злоупотреблениях, как выдача на человека по 1 пуду муки, состоявшей из 30 фунтов жолудя или лебеды и лишь 10 фун. ржаной муки, или о кормлении крестьян глиною и т. п. [1]), даже добросовестные помещики затруднялись в годы сильных неурожаев кормить крестьян настоящим хлебом. В 1840 г. при полном неурожае озимого хлеба, многие помещики выдавали крестьянам овес вместо ржи. Местная администрация не протестовала против такой замены в виду необходимости сохранить рожь для озимых посевов. Голицын, помещик Моршанского уезда Тамбовской губернии, выдавал в месяц при 4 гарнцах ржи 1 четверик овса и 1 четверик мякины на душу. Помещица Пауль Калужской губ. Козельского уезда, с разрешения уездного предводителя дворянства, давала своим крестьянам овес и коноплю. По свидетельству флигель-ад'ютанта Бутурлина IV, командированного в Калужскую губ. в 1840 г., „у многих помещиков вместо чистого ржаного хлеба крестьяне употребляют в пищу ржаную муку, смешанную с овсяною, а в иных местах мешают муку со щавелем, липовым, дубовым, кленовым и ореховым листом и иногда даже с тонкою пленою из-под березовой коры“ [2]).

---

[1]) „Записки сельского священника“. „Р. Старина“, 1880 г., №№ 1 и 3.
[2]) Архив М. Вн. Д. Хоз. Деп. 1840 г., I отд., I ст., № 139.

Питание крестьян хлебными суррогатами в те времена не ужасало и не возмущало. Напротив, многие хозяева серьезно занимались изысканием способов печь хлеб из ржаной или овсяной муки с более или менее значительной примесью суррогатов, вроде муки из исландского мха, соломы, картофеля и т. п. Такое серьезное общество, как „Московское Общество Сельского Хозяйства“ поместило в годы сильных неурожаев (1822, 1833 и 1840 гг.) на страницах своего органа „Земледельческий Журнал“ ряд статей, где предлагались для употребления различные суррогаты хлеба. Мало того, оно само делало опыты печения хлеба из подобных суррогатов и поручало своим членам делать соответствующие изыскания. Так, в 1822 г. была помещена статья Бранденбурга „О пользе употребления в пищу исландского мха“. Доказывая питательность муки из исландского мха и дешевизну этого суррогата, Бранденбург полагал, что „при скудном урожае“ хлеб, испеченный из подобной муки в соединении со ржаной, „хорошо может служить для пропитания крестьян“, на что и обращал внимание помещиков. Московское общество заинтересовалось статьею и поручило некоторым из своих членов сделать опыты печения хлеба из исландского мха [1]). Правда, заключение секретаря общества Маслова было не совсем благоприятно: „Нет сомнения, — писал он в сообщении о своих опытах, — что во время неурожая, в тех местах, где голод заставляет людей искать пищи по лесам и обдирать древесную кору для примеси в хлеб, исландский мох есть большое благодеяние, тем более, что он растет по лесам без всякого возделывания и, следовательно, где его много, там весь труд будет состоять в том, чтобы собрать его и превратить в муку“ [2]). Другими словами, Маслов сводил исландский мох на степень древесной коры и т. п. суррогатов, которые все же позволяют наполнять чем-нибудь голодный желудок и спасают от мучений голода. Тем не менее, в правительственных сферах жадно ухватились за способ, изобретенный Бранденбургом, и разослали брошюру с описанием предложенного им средства в нескольких тысячах экземпляров.

Бранденбург не был единичным лицом, занимавшимся изысканием подходящих хлебных суррогатов. В то же время другое лицо, доктор Мухин, под влиянием неурожаев нескольких лет, принялся изыскивать „разные способы к доставлению

---

[1]) „Землед. Журнал“, 1822 г., № 5, стр. 169—179.
[2]) Ibid., стр. 254.

в случае подобных нужд безбедного людям и даже скоту пропитания". Поиски привели его к изобретению своего способа делать муку из исландского мха и печь из нее хлеб с примесью ржаной муки. Мухин сообщил в печати о своем изобретении, считая его весьма важным для помещиков в деле продовольствия их крестьян [1]). В голодный 1833—1834 г. в „Земледельческом Журнале" опять появилась статья о хлебных суррогатах [2]). Мысль помещиков в протекшее время, видимо, усиленно работала над приисканием суррогатов хлеба. В своей статье автор делал обзор этих попыток, откровенно об'ясняя их трудностью „кормить голодных". Автор разделяет средства питать и кормить голодных на годные в крайности и на годные во всякое время. К первым он относит прибавление к хлебу соломы, камыша, желудей, древесной коры и т. п.; ко вторым отнесены картофель, барда. Некая П. А. Крюкова придумала печь хлеб из барды, о чем она писала в 1824 г. в „Вольно-Экономическое Общество". Крюкова же придумала печь хлеб с картофелем, свеклою и морковью. Ею было представлено в министерство внутренних дел 12 растений с крахмалистыми веществами, могущих, по ее мнению, служить подсобным средством продовольствия. О своем изобретении она сообщила и Московскому Обществу Сельского Хозяйства. Из барды же выпекали хлеб член Московского Общества Сельского Хозяйства А. Д. Чертков (с $1/3$ ржаной муки) и некто Лярский, имевший в Смоленской губернии винокуренный завод. Последний выпекал из барды ежедневно до 200 пудов хлеба и сухарей, продавая их крестьянам, которые приезжали за ними из других губерний [3]). В 1833 г. печением хлеба из барды с примесью ржаной муки занимался также в Костроме губернский почтмейстер Демьянов с купцом Хавским; они продавали его до 200 пудов в день по умеренным ценам в виде благотворительности [4]). Чертков выпекал хлеб не только из барды, но и из соломы; образцы такого хлеба он представил в Московское Общество Сельского Хозяйства. Такие же соломенные хлебы представил управляющий имением князя А. С. Меншикова, Тагостин. Последний в письме изложил, кроме того, способ печения хлеба из тростника. Пробы печения хлеба из соломенной муки Тагостин делал в Воронежской вотчине

[1]) „Землед. Журн.", 1822 г. № 5, стр. 255—256. Статья Мухина была помещена в „Московских Ведомостях" за 1822 г., № 65.

[2]) „Землед. Журнал", 1834 г., № 1, „О подсобных хлебах".

[3]) Ibid.

[4]) „Историч. обз. правит. меропр.", т. I, стр. 277.

А. С. Меншикова. Пробные хлеба были представлены воронежскому губернатору Бегичеву [1]). В этот исключительный голодный год опять-таки не одни частные лица изощрялись в применении хлебных суррогатов к продовольствию крестьян: правительство также учило, как делать хлеб из винной барды или из картофеля с некоторою частью ржаной муки. В 1840 г. оно преподало способ приготовления муки с примесью свекловицы [2]). В этом году, под влиянием сильного неурожая, мысль сельских хозяев была опять направлена на изыскание хлебных суррогатов. Это отразилось опять-таки в „Земледельческом Журнале", где многие помещики охотно помещали свои статьи. В № 5 за 1840 г. „Земледельческого Журнала", мы находим статью о печении хлеба из овсяной муки с прибавлением небольшого количества ржаной муки ($^1/_4$). Автор статьи Токарев считал бардяной хлеб также „важным пособием для народного продовольствия". В том же номере химик „Московского Общества Сельского Хозяйства" рекомендовал способ печения хлеба из картофеля с ржаною мукой [3]).

Тяготясь продовольственною помощью, помещики изыскивали всяческие способы облегчить себе это бремя. Наиболее простым средством было, конечно, переложение тем или иным способом расходов по продовольствию крестьян на правительство. В этом отношении между правительством и дворянством был постоянный антагонизм. Правительство, как мы видели, стремилось так организовать продовольственную помощь в помещичьих имениях, чтобы она требовала как можно меньше затрат от государства и производилась или на счет дворянства, или силами и средствами самого населения. Дворянство со своей стороны стремилось сложить со своих плеч расходы по продовольствию или на правительство, или опять-таки на население. При ознакомлении с вопросом о запасных хлебных магазинах, указывалось на стремление помещиков бесконтрольно распоряжаться хлебными запасами в этих магазинах. В начале XIX века они были даже склонны рассматривать запасные магазины как свою собственность, и правительству приходилось с немалыми усилиями внедрять в сознание дворян, что запасные магазины служат общегосударственным нуждам, и пользование этими хлебными запасами должно быть огра-

[1]) „Землед. Журнал", 1834 г., № 1, стр. 129.

[2]) Романович-Славатинский. „Голода в России..." „Киевск. Унив. Изв.", 1892 г., № 1, стр. 35, 36. См. также Ермолова. „Наши неурожаи и продовольственный вопрос", стр. 44—45.

[3]) „Землед. Журнал", 1840 г., № 5, стр. 329—330.

ничено определенными законом рамками. Не имея права самостоятельно распоряжаться хлебом из запасных магазинов, помещики широко пользовались возможностью получать хлебные и денежные ссуды из средств комиссии народного продовольствия. Не удовлетворяясь ими, они сплошь и рядом ходатайствовали о правительственных ссудах, о различных льготах по кредитным операциям, по казенным и земским платежам, по исполнению государственных повинностей и т. п. Получаемые ссуды расходовались ими, впрочем, далеко не всегда на те цели, которые имелись в виду при выдаче ссуд. Возвращались они крайне неаккуратно. За подобную неаккуратность в 1826 г. по одной только Смоленской губернии подлежали запрещению 1907 помещичьих имений. Льготы по платежам в кредитных учреждениях приносили мало пользы, ибо рассрочка платежей лишь увеличивала сумму капитального долга и служила в конце концов к еще большему обременению помещичьих имений долгами. Тем не менее, помещики достигали временно успеха, хотя часть продовольственных тягот в годы острых неурожаев правительство и принимало на свой счет. Однако правительственная помощь, как бы абсолютно она ни была велика, оказывалась лишь в исключительных обстоятельствах, в тех только случаях, когда, по мнению правительства, нельзя было надеяться на помощь помещиков. Признание же помещика неспособным обеспечить продовольствие крестьян грозило наложением опеки, ибо по закону, хотя далеко не всегда исполнявшемуся, имения помещиков, уклонявшихся от продовольственных обязанностей, должны были браться в опеку. Применение этого закона во всей строгости фактически зависело от усмотрения администрации. Поэтому перед всяким более или менее дальновидным помещиком продовольственный вопрос, несмотря на широкую правительственную помощь, стоял во всей своей остроте, вызывая различные попытки разрешить его наиболее выгодным для помещика способом.

В попытках помещиков так или иначе организовать продовольственную помощь во время неурожая и при других несчастиях, можно отметить стремление заставить население помогать самому себе, не требуя особых затрат со стороны помещиков. Эта задача разрешалась самым различным образом. Сюда относятся попытки организации общественных магазинов общественных (мирских) запашек, отобрание от крестьян урожая и выдача его по частям по мере надобности, отдача крестьян на заработки и так далее.

Отобрание от крестьян урожая, т.-е. фактический, хотя бы временный, перевод крестьян на месячину, обыкновенно мотивировался помещиками неуменьем крестьян экономно распоряжаться имеющимися у них запасами, в результате чего крестьяне, по их мнению, имея запас хлеба, достаточный для продовольствия их самих и для обсеменения полей, распродавали его для удовлетворения несущественных потребностей и в конце года требовали себе посторонней помощи. Бунин, один из передовых хозяев своего времени, в 1833 г. проделал такую вещь. „Осенью в прошлом году,—писал он в Московское Общество Сельского Хозяйства,—по сделанной подворной описи мы удостоверились, что у большой части наших крестьян достаточно будет собственного хлеба на их продовольствие и на корм скоту. У некоторых, мало надежных, хлеб был отобран, овес спрятан для семян в господском амбаре, а рожь смолота в муку, которая отпускалась еженедельно весом в достаточном количестве; на расход корма также было обращено внимание. От сего распоряжения часть хлеба осталась и была отдана крестьянам для продажи на их нужды, корму же несколько добавлено господского. Прочим крестьянам, более надежным, мы предоставили употребление хлеба и корма собственному их распоряжению". Бунин уверял, что у последних от неаккуратного употребления не хватало ни хлеба, ни корма [1]). В имении Глушковой, Юрьевского уезда, Костромской губ., бурмистр, следя за тем, чтобы крестьяне не продавали хлеб без надобности, отбирал излишек, запирал в общественные магазины и выдавал по мере надобности на еду или для продажи на необходимые нужды [2]). Помещица Пауль, Костромской губ., отобрала от крестьян осенью 1839 г. овес и коноплю и заперла их в особом помещичьем магазине с целью сохранить семена для посева 1840 года. Я. И. Соловьев указывал на распространенное в Смоленской губ. отобрание ярового хлеба сейчас после урожая для того, чтобы сохранить хлеб для обсеменения полей [3]). Самарин также свидетельствует, что некоторые помещики после уборки хлеба отбирали у крестьян семена для будущего посева и держали их у себя. Семенов в своем „Руководстве" рекомендовал ссыпать хлеб, собранный с крестьянской земли, в особые амбары и выдавать его крестьянам по мере надобности.

---

[1]) „Землед. Журнал", 1835 г., № 21 (I), стр. 54—55.
[2]) „Историч. Вестник", 1907 г., № 1, стр. 451.
[3]) Я. Соловьев. „Сельско-хозяйств. статистика Смол. губ." стр. 254.

К такого же рода предупредительным мерам следует отнести все заботы помещика поддержать силу крестьянского хозяйства, хотя бы это достигалось мелкою регламентацией частной жизни крестьян. Помещики заботились о сохранности крестьянского инвентаря, о наличности необходимого для сельских работ скота, следили, чтобы крестьяне не обременяли себя долгами и т. д. Образцовый хозяин В. Л. Демидов учредил даже особых надзирателей, которые должны были наблюдать, чтобы никто „не продавал, ни даром не давал, ниже в милостыню не подавал: дров, сена, мякины, соломы; если же двух последних у кого накопится много, то излишние для продажи испрашивал бы позволения у выборного, а без сего отнюдь бы не продавал. Равно свою тягловую землю в наем не отдавал, а засевал бы сам для себя". Никто не смел без разрешения отлучаться из села, ночью крестьяне не могли выходить со двора, никто не должен был знакомиться с „подозрительными, шаталами, мотами, пропойцами", не принимать их в дом и их не навещать; нечего и говорить, что запрещалось пьянство [1]). Некоторые помещики разрешали вступать в брак крестьянину не раньше, чем он научился какому-нибудь мастерству и доказывал свое уменье, выполнив на господском дворе заданный ему урок; этим убеждались, что крестьянин может содержать семью. Подобная регламентация жизни крестьян и опека над ними, может-быть, и предохранила некоторых крестьян от разорения, а помещичьи карманы от опустения, но тяжело отражалась на крестьянах, принижая их самодеятельность, энергию и лишая их даже той ничтожной доли самостоятельности и свободы, которою они пользовались в своей частной жизни вне барщины.

Помещики Бунин и Павлов сделали в 1832 г. попытку обеспечить продовольствие крестьян и скота, хотя бы в страдное время, при помощи общественных запашек. Это была любопытная попытка вести общественное хозяйство силами самих крестьян под наблюдением помещика в целях обеспечить для хозяйства сытых рабочих и сытый скот во время полевых работ. Бунин и Павлов отделили к одному месту из крестьянской пашни по $1/2$ десятины в каждом поле от каждого тягла. Принимая во внимание, что на каждое тягло у этих помещиков полагалось по 2 десятины, нельзя не признать, что отрезка $1/4$ надела под общественную запашку, уро-

---

[1]) Снежневский. „Быковская вотчина". Действия Нижегор. Учр. Арх. Ком., 1909 г., вып. VII, стр. 128.

жаем с которой крестьяне уже не могли свободно распоряжаться, не могло не быть для них чувствительным. Эту землю засеяли господскою рожью полным числом работников; все работы на ней должны были совершаться по наряду и распоряжению помещика или управляющих; $^1/_3$ этой мирской земли должна была ежегодно унаваживаться. Из урожая должны были отделяться семена на посев в текущем году и на следующий про запас; остальная часть урожая должна была быть роздана крестьянам для приготовления муки в летнюю рабочую пору. Яровой участок должен был засеваться овсом и ячменем. Урожай должен был храниться в магазине для раздачи крестьянам на семена, а остальное „употребится для их лошадей во время возки навоза и метки пара, в которую пору редкий крестьянин сам сумеет сберечь овес для сей надобности“ [1]).

В 30-х годах в сельско-хозяйственной литературе выступил ряд сторонников организации общественных запашек, в защиту которых приводились успешные опыты в этом направлении.

Так, в начале 30-х годов бабиновецкий помещик Вакар, Могилевской губ., придя в отчаяние от необходимости почти беспрерывно из-за неурожаев кормить крестьян на свой счет, ввел общественную запашку в своем имении. Он же указал на существование общественной запашки уже в течение 10 лет в красинском имении помещика Шестакова [2]). Тульский помещик Мещеринов усиленно рекомендовал в 1831 г. заведение общественных запашек, полагая, что таким образом возможно устранить непосильные для помещиков расходы на вспомоществование крестьянам в случае несчастий недорода. Он считал ее лучшим средством обеспечить продовольствие крестьян и обсеменение их полей [3]). С. Маслов, посвящая мирским запашкам и мирским кассам особую статью в „Земледельческом Журнале“, указывал, что при обязанности помещика продовольствовать крестьян и помогать им в несчастных случаях, вопрос о мирских запашках и мирских кассах очень существенен: по его мнению, мирские запашки и мирские кассы, способствуя образованию денежных и хлебных запасов, нечувстви-

---

[1]) Н. Бунин и Ив. Павлов. „Опыты, наблюдения и некоторые размышления, сделанные в продолжение лета 1832 г.“ „Земл. Журн.“, 1833 г., № 9.

[2]) Вакар. „О заведении мирской запашки“. „Земл. Ж.“, 1832 г. № 5.

[3]) Ив. н Мещеринов. „О способе к улучшению состояния крестьян“. „Земл. Журн.“, 1831 г., № 1.

тельно для крестьян и для помещиков, должны были оберечь помещиков от разорения [1]). Идея общественных запашек получала довольно быстрое распространение. Немало содействовала популяризации этой идеи защита ее сначала управляющим министерством внутренних дел Ланским, в конце 20-х годов, а затем в 40-х годах Перовским.

В некоторых губерниях идея эта получила довольно широкое практическое применение. Так, к 40-м годам она была введена многими помещиками в своих имениях Калужской, Оренбургской и Симбирской губ. [2]). Симбирское дворянство сделало даже единогласное постановление о введении общественных запашек в помещичьих имениях. В Московской губ. они были учреждены в 300 имениях [3]). Как видно из отзывов губернских предводителей дворянства, собранных в начале 50-х годов, в Оренбургской губернии, они все более и более распространялись. „Польза общественных запашек,—писал Оренбургский губернский предводитель дворянства,—так очевидна не только для помещиков, но и для крестьян, что они охотно содействуют развитию запашек" [4]). Впрочем, в сведениях, собранных губернскими комитетами в 1858 г. об имениях, где было более 100 душ, в Симбирской губ. общественная запашка отмечена лишь в 4-х имениях; в Самарской губ. указания на общественную запашку встречаются в описаниях 138 имений, что составляет 54% всех имений, о которых были собраны сведения [5]). Очень вероятно, что общественные запашки в действительности были более распространены как в этих, так и в других губерниях, но помещики, давая сведения о своих имениях, не считали нужным отмечать их существование. Однако повсеместного распространения общественные запашки не могли получить по экономическим причинам. Требуя отвода в одном месте большего или меньшего количества земли и известной затраты труда по ее обработке, они были невыгодны для тех имений, где чувствовался недостаток земли и рабочих рук. Так, по этой причине оне не могли получить распространения в мелкопоместных

---

[1]) С. Маслов. „О мирских запашках и мирских кассах". „Земл. Журн." 1834 г. № 19 (5).

[2]) „Историч. обзор правит. меропр.", II, стр. 99.

[3]) Романович-Славатинский. „Голода в России". „К. Унив. Изв.", 1892 г., № 1, стр. 66.

[4]) „Ист. обз. прав. меропр.", II, стр. 105.

[5]) И. Игнатович. „Помещ. крестьяне накануне освобождения", стр. 7. Изд. II, 1910 г.

имениях. Об этом, между прочим, свидетельствовал в 50-х годах и оренбургский губернский предводитель дворянства. По этой же причине в Херсонской губ. общественные запашки были введены лишь в более значительных имениях. В Новгородской губ. распространению общественной запашки помешал недостаток удобных для хлебопашества земель. В Вологодской даже уже введенные общественные запашки прекратили свое существование из-за разбросанности и мелкости селений, почему общественные поля по необходимости были крайне удалены от некоторых селений, что сильно удорожало обработку [1]). В тех имениях, где земли и рабочих рук было много, помещики с удобством могли вводить общественные запашки, тем более, что под последние отводилась обыкновенно часть крестьянской земли, а не господской. Затрата же рабочих сил на обработку мирской земли при их избытке в имении была нечувствительна.

Количество земли, отрезавшейся помещиками под общественные запашки, было очень разнообразно и иногда относительно довольно велико. Помещик Мещеринов рекомендовал отрезать по осьминнику в каждом поле при 6-десятинном тягловом наделе. Помещик Вакар при заведении общественной запашки выделил в одно место по осьмине из всех тягловых участков. Накануне реформы, в Симбирской губернии на одну душу мужского пола приходилось по 0,31, или около $^1/_3$ десятины мирской запашки; в Самарской губернии на одну душу мужского пола приходилось даже только по 0,05 десятины общественной запашки [2]).

Обрабатывались эти общественные запашки обыкновенно миром под надзором и согласно распоряжениям помещика. Так как обработка мирских запашек должна была отнимать рабочее время у крепостных, то иные помещики старались экономическим способом обрабатывать их, по возможности не отнимая времени от других работ в имении. Псковский помещик Татищев обрабатывал мирскую запашку сгонами, которые устраивались сверх барщинных дней; в сгонах должны были участвовать не только барщинные работники, но и крестьянские дети обоего пола от 15 лет [3]). У Бунина молотили хлеб с общественной запашки в свободное время по окончании всех полевых работ; для семян же крестьянам была обмо-

---

[1]) „Ист. обз. правит. меропр.", II, стр. 105, 106.
[2]) И. Игнатович. „Помещ. крест.", стр. 7.
[3]) Архив М. Вн. Д., Д. П. И., 1826 г., № 359.

лочена рожь особыми дворовыми работниками. Таким образом Бунин сохранял время для полевых работ крестьян. Помещик Вакар считал полезным обмалачивать и веять мирской хлеб машинами, чтобы возможно меньше увеличивать крестьянские работы. Соблюдение такой экономии, конечно, имело место у тех помещиков, которые по каким-либо причинам чувствовали нужду в рабочих руках.

Помещики, ставя своею задачею при помощи общественных запашек избавить себя от расходов на помощь крестьянам в различных несчастных случаях, старались, чтобы урожай с мирских запашек был достаточен для тех целей, для которых они вводились. Отсюда проистекали заботы о правильной обработке мирской земли, о своевременном обсеменении ее и т. п. Бунин указывал, что в Тамбовской губ. (в 30-х годах) из крестьянских земель унаваживались только мирские десятины [1]).

Урожай с общественных запашек шел не только на помощь крестьянам при неурожаях и в несчастных случаях. По указанию Я. И. Соловьева, из сборов с общественных запашек делали прежде всего указанные взносы в хлебные запасные магазины, находившиеся в ведении правительства. Излишки поступали в особые помещичьи общественные магазины, при чем, в то время, как запасные магазины опустели, в общественных магазинах и в середине 50-х годов хранился хлеб в некотором количестве [2]). По мысли Мещеринова, с доходов с мирской земли должны были оплачивать подать и земские повинности, а остаток должен был очищать рекрутскую повинность и итти на займы крестьянам в случае несчастий [3]). У псковского помещика Татищева урожай с мирской земли ссыпался в особый магазин, „устроенный при селе для вспомоществования крестьянам в надобностях, как-то: хлебом для посева, пищи, покупку лошадей и на пополнение запасного казенного сельского магазина, которыми пособиями крестьяне пользуются ежегодно" [4]). По указанию Я. Соловьева, „при значительном накоплении хлеба в общественных амбарах, часть его продается и деньги обращаются для составления мирских капиталов". Ссуды из общественных магазинов выдавались или беспроцентно, или из умеренных процентов [5]).

---

[1]) Бунин. «Отчет в сельском хозяйстве за 1833 г.». «Земл. Ж.» 1834 г., № 15 (1).

[2]) Я. Соловьев. «Сельск.-хоз. статистика Смол. губ.», стр. 255.

[3]) Ив. Мещеринов. «О способе к улучшению состояния кр.», «Землед. Журн.», 1831 г., № 1.

[4]) Ц. Арх. М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп., 1826 г., № 359.

[5]) Я. Соловьев. «Сельско-хоз. стат.», стр. 255.

Мирские капиталы, о которых упоминает Я. Соловьев, служили для помещиков также средством избавить себя от тяжелых расходов на помощь крестьянам. Мирские капиталы составлялись не только тем путем, о котором говорит Соловьев. Большею частью существовали особые денежные сборы с души или с тягла, шедшие на составление таких капиталов. В имении Машкове Боровского уезда, например, с тягла собиралось ежегодно 2 рубля; помещик вносил столько же, сколько все крестьяне вместе (50 душ). Деньги хранились в мирском ящике за замком старосты и печатью приказчика; один без другого в ящик ходить не могли. Собранные деньги вносились в Сохранную Казну Воспитательного Дома. Помощь оказывалась по мирскому приговору с возвратом или без возврата [1]). В сведениях об имениях, где было более 100 душ, подобные капиталы обозначены в 27 имениях. Они назывались мирскими вспомогательными капиталами, крестьянскими, ссудными и т. д.; в трех имениях были мирские банки для вспомоществования, был „общественный банк", „сиротский банк"; эти сведения не могут считаться полными, ибо вообще носят случайный характер; относятся они почти исключительно к имениям очень крупных помещиков, как гр. Шереметев, кн. Воронцов, гр. Шувалова и т. д. [2]).

Иные помещики, стремясь сложить с себя расходы по продовольствию крестьян и помощи в несчастных случаях, прибегали к косвенному обложению крепостных. Помещик Ноинский, например, завел у себя в имении лавку, доходы с которой „оставались в конторе и обращались на вспоможение крестьянам" [3]). Пономарев в 20-х годах остроумно использовал труд недоимщиков и часть крестьянской земли для организации продовольственной помощи в своем имении. От каждых 100 душ было отрезано по 2 десятины в каждом поле. Эта земля сдавалась недоимщикам в обработку с платою 40 рублей с десятины. Хлеб, собранный с этой земли, ссыпался в общий мирской магазин для раздачи крестьянам в случае нужды. Таким способом помещик избавлял себя от крупных расходов по продовольствию крестьян, обрабатывая часть крестьянской земли в счет недоимки, которую почти невозможно было собрать [4]).

---

[1]) С. Маслов. „О мирских запашках и мирских кассах". „Землед. Журн." 1834 г., № 19 (5).

[2]) И. Игнатович. „Помещ. крестьяне", стр. 119.

[3]) Ц. Арх. М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп., 1826 г., № 329.

[4]) Ц. Арх. М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп., 1826 г., № 336.

Одним из наиболее действительных средств избавиться от затрат на продовольственную помощь крестьянам были их собственные заработки неземледельческим трудом. Правда, для этого приходилось отпускать крестьян на сторону, что не совмещалось с барщинными работами, если таковые были в имении. Найти же заработки на месте было не всегда возможно. В таких случаях помещики или отпускали крестьян в такое время, когда не было работ в имении, или же удерживали часть крестьян для выполнения необходимых работ. Так было, например, в имении помещицы Пауль. В 1839 г., когда обнаружилась острая продовольственная нужда в ее калужском имении, части крестьян (93-м челов.) предложено было итти на заработки, часть же осталась в имении выполнять господские работы. Оставшимся помещица выдавала во время барщины печеный хлеб, предоставив им в то же время заработки в своем имении, а именно рубку дров за плату [1]). Опекун малолетнего помещика Горяинова оказал продовольственную помощь крестьянам саратовского имения тем, что на ряду с покупкою хлеба для раздачи крестьянам многих из них отправил в Москву на заработки [2]).

Отпуск на сторонние заработки в годы острой продовольственной нужны, когда помещикам приходилось затрачивать большие суммы денег на помощь крестьянам, когда было трудно даже за деньги купить хлеба, был желательной для помещиков формой продовольственной помощи. Вся трудность была в подыскании работы. Общественные работы, открываемые правительством в помощь голодающему населению, могли бы очень облегчить помещикам задачу приискания заработков для своих крестьян, если бы они были правильно организованы. Правда, вначале помещики относились очень недоверчиво к таким работам [3]).

Но дворянство скоро поняло выгоду, которую оно могло иметь от общественных работ, и впоследствии отношение к ним изменилось. Во второй половине 40-х гг. встречались уже ходатайства дворян об организации трудовой помощи в той или

---

[1]) Ц. Арх. М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп., 1839 г., № 254.

[2]) Ц. Арх. М. Вн. Д. Хоз. Деп., 1833 г., I отд., I ст., связка 165, ч. I.

[3]) Смоленское дворянство, например, уклонялось от обязанности распоряжаться поставкою камня на шоссе, так что комитету министров пришлось сделать постановление, чтобы лица, назначаемые для осмотра и наблюдения за работами, не имели права отказываться от исполнения этого дела. Максимов. „Очерки по истории обществ. работ в России". С.-Петербург. 1905 г., стр. 54—55. Середонин. „Историч. обзор деят. ком. мин.", т. II, ч. I, стр. 192—195.

другой губернии [1]). В 1848 г., например, симбирский губернский предводитель дворянства Аксаков обратился в министерство внутренних дел [2]) с просьбою об открытии общественных работ в Симбирской губернии „от лица дворянства". По словам Храповицкого, в 1851 г. помещики не могли не ценить открываемых работ. „В прошедшие еще годы многие из помещиков Юхновского уезда, в том числе и он", при недостаточных урожаях, „посылали крестьян своих на Московско-Брестское шоссе" [3]). Крестьяне Шубинского, „чтобы уплатить безнедоимочно казенные подати и повинности, зарабатывали для сего деньги возкою камня, леса и прочего материала на шоссейные дороги, проходящие в уездах Рославльском, Ельнинском и Смоленском". Конечно, многие помещики хотели приспособить общественные работы исключительно к своим интересам и сделать из них средство не только продовольствия крестьян, но и собственной наживы. Некоторые помещики сами поставляли рабочих на общественные работы, выдавая им лишь часть заработной платы и забирая себе львиную долю ее. С этой целью заключали даже контракты с подрядчиками о поставке определенного количества рабочих на общественные работы. Хотя командированный от министерства внутренних дел чиновник признал эти контракты „обременительными для крестьян" и „противозаконными", а генерал-губернатор, по распоряжению министра внутренних дел, распорядился уничтожить их, — „трудно сомневаться, — пишет Максимов, специально изучавший вопрос об общественных работах,—что заключение этих последних (контрактов) практиковалось в значительных размерах при организации общественных работ и лишь в редких случаях доходило до сведения высшего начальства" [4]).

Использовать общественные работы в полной мере мешало помещикам, прежде всего, враждебное отношение крестьян к общественным работам. Кроме того, общественные работы открывались, как уже говорилось, нередко с большими запозданиями, когда потребность в них уже проходила. Смоленский губернский предводитель дворянства, например, об'яснял отрицательное отношение дворянства к работам 1834 г. тем, что они запоздали и открылись в неудобное для помещиков время. „Если бы,—писал он,—работы эти открыты были в прош-

---

[1]) Максимов, стр. 47—48; Середонин, т. II, ч. I, стр. 195.

[2]) Ibid., стр. 48.

[3]) Ibid., стр. 64.

[4]) Ibid., стр. 55.

лом, 1833 г., они могли еще принести пользу населению; теперь же, по наступлении поры полевых работ, они не только бесполезны, но и прямо невозможны: отвлекают крестьян от дела и приносят им всевозможные потери [1]. Не забудем, что, кроме того, общественные работы открывались сравнительно в крайне незначительном количестве и не могли бы поглотить всех нуждающихся в продовольственной помощи, если бы даже население охотно шло на них. Но больше всего отпугивала от общественных работ неаккуратность платежей и другие тому подобные злоупотребления. При таких условиях не только крестьяне не желали работать, но и сами помещики отказывались высылать их. Вышеупомянутый помещик Храповицкий, жалуясь, что крестьянам не заплатили заработанных ими при общественных работах денег, писал в 1851 г., что теперь при вновь открываемых в этом году работах, он и другие помещики лишены возможности рекомендовать крестьянам эти заработки [2].

Все описанные поиски помещиками таких форм продовольственной помощи, которые требовали бы от них самих минимального количества материальных средств, были, конечно, лишь слабыми попытками разрешить продовольственный вопрос выгодным для дворян способом, имевшим к тому же ничтожные практические результаты. Продовольственная помощь крепостному населению продолжала лежать тяжелым бременем на дворянском сословии. Вследствие частых неурожаев в царствование Николая I продовольственный вопрос делался с годами все больнее и острее. В годы неурожаев, когда требовались крупные затраты на продовольствие крестьян и обсеменение их полей, многие помещики оказывались в крайне затруднительном положении. Обыкновенных доходов не хватало на продовольственную помощь, и помещикам приходилось или обращаться к правительству за помощью, или добывать средства другими путями, главным образом, путем займов в тех

---

[1]) Середонин, „Ист. обзор деят. ком. мин.“, т. II, ч. I, стр. 192.

[2]) „Каким образом,—задает он вопрос уездному предводителю дворянства,—я и другие помещики можем внушить крестьянам нашим уверенность, что они в том, действительно, найдут существенную пользу? Не пользу, они отвечают нам, а этим довершим наше разорение; производя работы в прошлых годах, остались неудовлетворенными, многие потерпели большие убытки, а другие совсем разорились. Скажите, что нам делать, куда прибегнуть с просьбами, чем поправить уже разорившихся, и какими работами можем мы доставить пособие крестьянам нашим (вдобавок) к тем мерам, которые каждый благомыслящий помещик предпринимает из собственного своего достояния для предупреждения бедствий, от голода произойти могущих“ (Максимов, стр. 64).

или других кредитных учреждениях. Тот и другой путь одинаково вел к задолженности помещичьих имений, а иногда и к полному разорению.

В крайне затруднительном положении оказывались не только мелкие, но и крупные помещики. Мелкопоместные помещики нередко сами нуждались в продовольствии и откровенно сознавались в своем бессилии обеспечить продовольствием собственных крестьян. Романович-Славатинский вспоминает об одном семействе небогатых помещиков, которое само испытывало недостаток в хлебе. Помещики Лавровы Екатеринославской губ., не имевшие даже собственной земли и принужденные селиться вместе со своими крестьянами на арендуемой земле, сознавались в своем бессилии „упрочить благосостояние крестьян", жаловавшихся на недостаток продовольствия, и сами просили о взятии их крестьян в опеку [1]). Правительство считалось с продовольственными затруднениями мелкопоместных помещиков и, как указывалось, охотнее разрешало им денежные ссуды, чем крупным помещикам. Но и последние испытывали нередко серьезные продовольственные затруднения. Генерал-ад'ютант Дьяков, командированный в Полтавскую губ. в 1833 г., полагал даже, что положение мелкопоместных помещиков более обеспечено, как вследствие большей ограниченности их потребностей, так и в силу большей возможности найти заработок для незначительного количества крепостных. Министр внутренних дел, Д. Блудов, также полагал в 1833 г., что „при общем неурожае хлеба и недостатке способов значительное число душ крестьян скорее иногда может поставить помещика в затруднение к продовольствию их, нежели имение малолюдное". В подтверждение он приводил сообщение малороссийского военного губернатора, что в Полтавской губернии крупные помещики, „не имея в настоящее время ни наличных денег, ни запасов, находятся в крайнем затруднении". Подобные же затруднения испытывали помещики Воронежской губ. Даже у такого богатого помещика, как Шереметев, в одной из самых крупных его вотчин, слободе Алексеевке, Бирючинского уезда, продовольственная нужда крестьян не была своевременно удовлетворена, что вызвало некоторое брожение среди крестьян, сильно напугавшее правительство. У другого крупного Воронежского помещика, гр. Бутурлина, в слободе Бутурлиновке также произошло волнение среди крестьян на почве запоздания про-

---

[1]) Ц. Арх. М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп., 1839 г., № 223.

довольственной помощи. Помещик Бедряга Бугучарского уезда Воронежской губ. делал тщетные усилия достать средства для продовольствия крестьян в своей слободе Писаревке. Он пытался продать лес, чтобы на вырученные деньги купить хлеба для продовольствия, но это ему не удалось. Попытка получить ссуду от правительства так же не удалась. Министерство внутренних дел предложило Бедряге содействие для скорейшего получения ссуды из кредитных учреждений под залог его имения, но переписка затянулась и, кажется, губернское начальство, в конце концов, должно было само закупать хлеб для продовольствия крестьян Бедряги. Продовольственные затруднения в крупных имениях ожидались в 1833 году также в губерниях слободско-украинских, 3-х новороссийских, в Кавказской области [1]). В 1840 г. в Тамбовской губ. среди имений, где замечался наибольший недостаток средств для продовольствия крестьян, были многие крупные имения: наследника сенатора Постникова, графини Сухтелен, д. ст. сов. Зайцева, Пальчиковой; в имениях сен. А. Мих. и Григ. Безобразовых, полковника Маслова, наследн. кн. Голицына, кн. Челокаевой, Нарышкиной, Адамович, братьев Огаревых и Хрулева крестьяне также жаловались на непродовольствие [2]). В 1846 г. о ссуде просил даже такой крупный помещик, как бар. Корф, владевший на правах аренды казенным староством, в котором было 5998 ревизских душ. Он заявил, что не в состоянии выполнить той статьи контракта, по которой он обязан был помогать крестьянам и снабжать их всем необходимым [3]).

С каждым новым неурожаем положение помещиков делалось все затруднительнее и затруднительнее. В 1846 году, например, обнаружилось, что вследствие двухгодичных неурожаев владельцы имений в пострадавших губерниях лишены были всяких доходов; падеж скота, необходимость приобретать хлеб и семена по дорогой цене привели в упадок даже благоустроенные имения. В 40-х годах задолженность имений настолько возросла, что помещикам трудно было в неурожайные годы платить проценты. Правительство принуждено было смотреть сквозь пальцы на накоплявшиеся недоимки, на непродовольствие крестьян, ибо немыслимо было брать в опеку все имения, которые подлежали взятию в опекунское управление: не хватило бы опекунов, потребовалось бы затрачивать слиш-

---

[1]) Ц. Архив М. Вн. Д. Хоз. Деп., 1833 г., I отд. 1 ст., связка 165, ч. I.
[2]) Ц. Архив М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп., 1840 г., № 232.
[3]) Середонин, т. II, ч. I, стр. 205.

ком много средств на продовольствие крестьян в разоренных имениях. Между тем помещики постоянно просили о новых ссудах, о рассрочке и отсрочке прежних ссуд и т. д. Особенно затруднялись продовольствием крестьян белорусские помещики. Повторяющиеся здесь из года в год неурожаи совершенно разорили не только крестьян, терпевших вопиющую нужду, но и помещиков. „Можно утверждать,—говорит Середонин,—что с 1820 г., первого значительного неурожая в XIX стол., западные губернии Псковская, Витебская, Смоленская, Могилевская и Минская не переставали озабочивать правительство, но все принимаемые меры мало помогали и привели эти губернии к расстройству“ [1]). Угроза наложения опеки за непродовольствие крестьян была бессильна. В результате Витебская губ., например, очутилась в 1851 г. в крайне затруднительном положении: масса ежегодных платежей давила их, а между тем при неурожаях запасов хлеба не было, средств не было, и не было права брать новые ссуды. Конечно, правительству, ради спасения населения от голодной смерти, пришлось давать новые ссуды, новые льготы и т. д. В 1853 г. сам министр внутренних дел высказал в комитете министров относительно Могилевской губ., что все льготы, оказываемые правительством, только увеличивают сумму долгов по губернии [2]). Это замечание было несомненно справедливо и относительно всей дворянской массы. Помещики хорошо сознавали безвыходность своего положения, непосильность и в то же время неизбежность затрат на продовольственную помощь, пока существовало крепостное право и благосостояние помещиков зависело от силы и крепости крестьянских хозяйств. Они хорошо сознавали, что продовольственные затраты неизбежно вовлекли их в неоплатные долги, результатом которых являлось постепенное разорение имений. Владение крепостными было при таких условиях большою обузою, освободиться от которой при некоторых условиях было даже выгодным для помещиков. При освобождении путем выкупа, например, помещикам могла улыбаться возможность расплатиться с долгами, избавиться от тягостной продовольственной обязанности и необходимости помогать крестьянам в несчастных случаях, поддерживать их хозяйство и экономическое благосостояние и проч. Во второй половине 50-х годов незаселенные земли в губерниях Тульской, Рязанской, Пензенской, Тамбовской,

---

[1]) Середонин, т. II, ч. I, стр. 204.
[2]) Ibid., стр. 211.

Курской, Воронежской, Черниговской, Полтавской и Саратовской продавались в среднем выводе дороже заселенных, что в значительной степени следует об'яснить непосильною для владельцев заселенных имений их ответственностью за продовольствие крестьян [1]). На разорительность для помещиков такой ответственности указывали многие помещики еще в 30-х годах. Так, еще в 1836 г. тульский помещик Мещеринов указывал, что помощь крестьянам при продовольственной нужде и в несчастных случаях приносит помещикам „значительный убыток, а иногда многие помещики и не имеют возможности к пособию, отчего они терпят неминуемый урон" [2]). Мальцева побудило к устройству свеклосахарного завода „бесплодие почвы" и необходимость повысить собственные доходы, „нередко в неурожайные годы на пропитание крестьян обращаемые" [3]). Могилевский помещик А. Вакар приходил в отчаяние от необходимости содержать крестьян фактически на свой счет после разорения, причиненного войною 1812-го года и 4-летними неурожаями, что грозило ему полным разорением и лишением имения [4]). С. Маслов указывал в 1834 г., что помещик, имеющий 50—100 дес., не располагает обыкновенно таким запасным капиталом, который он мог бы затратить на помощь крестьянам в случае несчастья. В таких случаях приходилось делать долги, откуда шло постепенное разорение. „Было время,— писал он,—когда сия повинность (т.-е. помощь крестьянам), едва была заметна, а ныне стала обращать на себя особенное внимание" [5]). „Обязанности помещика относительно крестьян могут быть виною долгов и расстройства дворянского состояния". Приблизительно той же точки зрения держались известные хозяева крепостного времени П. Кикин и Вилькинс. В своей статье „Взгляд на настоящее положение дворянских достояний" П. Кикин указывает „на всеобщее затруднительное, даже бедственное положение достояний дворянства, совершенное разорение и уничтожение многих богатейших фамилий, равно обременение долгами, можно сказать, почти всех поме-

---

[1]) В. И. Семевский. „Кр. вопрос в России во втор. половине XVIII и первой половине XIX в." Сборник „Крестьянский строй", стр. 293.

[2]) Ив. Мещеринов. „О способе к улучшению состояния крестьян". „Землед. Журнал", 1831 г., № 1.

[3]) „Отчет Ив. А. Мальцева о вновь устроенном заводе для выделывания из свекловицы сахарного песку". „Землед. Журнал", 1829 г., № 25.

[4]) Вакар. „О заведении мирской запашки". „Земл. Ж.", 1832 г. № 5.

[5]) С. Маслов. „О мирских запашках и мирских кассах". „Земл. Ж.", 1834 г., № 19(5).

щиков". Причинами такого положения Кикин, между прочим, считает, с одной стороны, постепенное уменьшение помещичьего земельного фонда по мере роста населения; с другой стороны—обременение его долгами „по существующему отношению и обязанности дворян перед правительством: обеспечивать крестьян в случае недоимок, неурожая, падежа или пожара" [1]). Вилькинс также считает неурожай одною из причин обеднения дворянства [2]).

Кроме указанных чисто экономических причин разорительности для помещиков продовольственной обязанности, были еще другие, о которых помещики не могли говорить в печати по цензурным условиям, но которые еще более увеличивали эту разорительность. Такою причиною было, несомненно, отношение самих крестьян к продовольственной помощи помещиков. Крестьяне были хорошо осведомлены об ответственности помещиков за их продовольствие, а потому относились к помещичьей помощи, как к должной, принадлежащей им по праву. Это обстоятельство сильно понижало их самодеятельность, и они ожидали помощи от помещиков даже тогда, когда могли бы обойтись своими средствами. В жалобах помещиков, что крестьяне злоупотребляют их помощью, небрежно ведут свое хозяйство, распродают хлеб раньше времени за бесценок, а потом требуют помощи, есть, несомненно, доля истины. Но крестьяне не только просили помощи, но требовали ее, а при отказе со стороны помещика жаловались правительственным властям, отказывались от повиновения, от исполнения крепостных повинностей, вообще обнаруживали признаки волнения. Правда, в николаевское время неизвестны крупные волнения на продовольственной почве, но легкие столкновения крестьян с помещиками и правительственными властями на

---

[1]) Эта помощь, по его словам, „не может быть извлечена во время бедственных случаев из того же имения, которое уже не только не дает помещику должного дохода за тот год, но расстраивается само на несколько лет. Следовательно, помощь сия истекает из капиталов сторонних и большею частью на счет займов и вот, по мнению моему,—пишет Кикин,—важная причина накопления, по крайней мере, половины долгов на дворянстве". П. К-н. „Взгляд на настоящее положение дворянских достояний". „Землед. Ж.", 1831 г., № 3.

[2]) „В течение последних 13 лет,—писал он,—не проходило ни одного года, чтобы в каких-нибудь губерниях России не жаловались на совершенный неурожай хлеба; а сии несчастные случаи, хотя, впрочем, и местные, но, в свою очередь, не истребляют ли дворянских капиталов". И. В—с. „Замечания на статью К-на о настоящем положении дворянских имений". „Землед. Журн.", 1832 г., № 5 и 6.

почве требования помощи при неурожае или в несчастных случаях, бывали довольно часто. Как всякие волнения, они были невыгодны помещикам в экономическом отношении, ибо правильное ведение сельского хозяйства было возможно только при хотя бы относительном мире в крепостной ячейке. Обязательная продовольственная помощь, обостряя отношения между помещиками и крестьянами, этим самым была крайне невыгодна для помещиков. Во имя сохранения социального мира между помещиками и крепостными нужно было устранить эту обязанность. Выше приходилось указывать, что правительство старалось стать именно на этот путь при попытках реорганизовать продовольственную помощь в крепостных имениях. Оно стремилось так поставить продовольственную помощь, чтобы крестьяне перестали видеть в ней обязанность помещиков, а, напротив, надеялись бы только на свои силы в добывании средств к существованию в неурожайные годы. Но снять с помещиков совершенно эту обязанность было невозможно. Невозможно это было потому, во-первых, что для правительства было непосильно взять на себя всю продовольственную помощь. Невозможно это было и потому, что помещикам приходилось из самосохранения поддерживать экономическое благосостояние крестьян, а этим самым косвенно поддерживать убеждение их в праве на помещичью помощь. Выходом из такого положения была бы полная реорганизация помещичьего хозяйства на условии уничтожения крепостного права. Несомненно, что продовольственный вопрос сыграл свою роль в истории падения крепостного права, подготовляя дворян к признанию выгодности отмены его, хотя бы как способа избавиться от разорительной ответственности за продовольствие крестьян и их благосостояние, устранить одну из причин крайней задолженности помещичьих имений и разорения многих из них.

III.

В числе причин, не позволявших правительству и дворянству оставаться безучастными зрителями продовольственной нужды помещичьих крестьян и заставлявших их изыскивать наиболее удобные пути для их удовлетворения, одно из первых мест занимало, несомненно, отношение самих крестьян к продовольственному вопросу. По словам Заблоцкого-Десятовского,

страх перед народными волнениями на почве неудовлетворенных продовольственных нужд имел немалое влияние на помещиков, заставляя их изощрять свою изобретательность в деле продовольствия своих крестьян [1]). Опасения беспорядков на продовольственной почве играли, как известно, немалую роль и в продовольственной политике правительства. Если бы не было волнений среди крепостных и если бы крестьяне, хотя бы и бессознательно, не держали правительства под страхом голодных бунтов, то правительство, вероятно, не шло бы на такие громадные издержки, какие производились на продовольственную помощь помещичьим крестьянам.

Выше указывалось на распространенное среди крестьян убеждение, что помещики обязаны по закону кормить их в неурожайные годы и оказывать помощь в несчастных случаях. Существовало даже мнение среди крестьян, что самое крепостное право обусловлено, между прочим, соблюдением помещиками этой обязанности. Некоторые губернаторы указывали на убеждения крестьян, что уклонение помещиков от продовольственной помощи должно повлечь за собой взятие имения в опеку и даже полную передачу имения в казну. Так, по сведениям московского губернатора, крестьяне помещицы Окуловой, жалуясь в 1834 г. на непродовольствие их, предполагали, что имение помещицы их возьмут в опеку и что по сей причине они будут принадлежать казне. В 1840 г., по словам тамбовского губернатора Корнилова, крестьяне, требуя хлеба, надеялись, что если помещики не дадут им требуемого ими количества, то их возьмут в казну и они будут вольными.

Принимая помощь от помещиков, как должное, крестьяне не безразлично относились к различным формам ее. Смотря по роду нужды, они просили то хлебных, то денежных пособий, лошадей для обработки земли, хлеба для обсеменения яровых и озимых полей и т. д. Повидимому, они очень неаккуратно возвращали полученные пособия, ибо помещики нередко жаловались на громадные недоимки по подобным ссудам. Такие меры, как выдача продовольственных пайков только работающим на барщине, отобрание хлеба для выдачи его по частям по мере надобности и т. под., вызывали живейшие протесты крестьян. Рост вмешательства помещиков в общественную и частную жизнь крестьян в целях надзора и упорядочения крестьянского хозяйства много способствовали развитию той враждебности крестьян по отношению к поме-

---

[1]) Заблоцкий-Десятовский. „Граф Киселев и его время“, т. IV, стр. 318.

щикам, которая сильно мешала правильному ведению помещичьего хозяйства, создавая атмосферу взаимного раздражения и внушая помещикам неуверенность в безусловном повиновении крестьян—этом непременном условии применения крепостного труда. С большим неудовольствием относились крестьяне ко всяким попыткам тем или другим путем переложить на них расходы по продовольствию и обсеменению полей. Такие попытки, как заведение лавок с целью оказания помощи крестьянам из прибыли, встречали неприязнь среди крестьян. К сожалению, нет указаний, как относились крестьяне к таким мерам, как обложение их денежными сборами для образования продовольственных, вспомогательных и т. под. капиталов. Но попытки обеспечить продовольствие крестьян и другие подобные расходы при помощи общественных запашек не пользовались, повидимому, симпатиями крестьян. Отрезка части крестьянской земли под мирскую запашку и необходимость терять время на ее обработку без права самостоятельно распоряжаться урожаем не могла улыбаться крестьянам. Крепостные встречали ее введение, повидимому, недружелюбно. В 1851 г. нижегородский губернский предводитель дворянства указывал на препятствие к введению общественной запашки со стороны крестьян; по его словам, они не согласились бы на добровольное введение ее и подчинились бы лишь прямому велению правительства или помещиков [1]).

Еще с большим недоверием и неприязнью встречали крестьяне попытки освободить правительство и дворянство от расходов на их продовольствие, предоставив самим крестьянам добывать себе средства к существованию на общественных и т. под. работах. Они нередко предпочитали оставаться без всякой помощи и заработка, чем итти на общественные работы. Перемышльский уездный предводитель дворянства, Н. Щербачев, жаловался в 1840 г., что крестьян „никак нельзя добровольно отправить на шоссейную работу“ [2]).

[1]) „Историч. обзор правит. меропр.“, т. II, стр. 105—106. В имении Серделевича, Могилевской губ., заведена была общественная запашка; „хитростью крестьян его мало-по-малу приведена была в негодность“.—Вакар. „О заведении мирской пашни, как средства для улучшения состояния крестьян“. „Землед. Журнал“, 1832 г. № 5, стр. 138.

[2]) „Крестьянин,—писал он графу Строганову,—охотно туда не пойдет, зная, что владельцу будет известно, сколько он выработает, и потому просится в другую работу, говоря, что он получит более выгоды; через сие заработок его покрыт неизвестностью, вернувшись, об'явит, что он жил только из хлеба“. Ц.-Архив М. Вн. Д. Хоз. Деп., 1839 г., I отд. 1 ст. № 191.

Максимов полагает, что в отрицательном отношении крестьян к общественным работам помимо невыгодности, а иногда и несвоевременности в смысле заработка, играло роль и „глухое недовольство, скептическое, недоверчивое отношение“... ко всякому правительственному мероприятию, прямо или косвенно клонившемуся, с точки зрения крестьянства, к поддержанию как крепостного режима, так и связанного с ним правового и общественного порядка. Общественные работы были отнесены крестьянами, по его мнению, именно к таким мероприятиям. С другой стороны, общественные работы противоречили известной крестьянам обязанности помещиков кормить их. „Крестьянам, естественно, могло казаться, что они имеют право требовать себе такого продовольствия даром, а вовсе не обязаны зарабатывать его на общественных или помещичьих работах“ [1]). С этим мнением нельзя не согласиться, хотя, конечно, крестьяне вряд ли отдавали себе ясный отчет в том, что общественные работы клонились к укреплению крепостного права.

Считая, что помещики *обязаны* помогать своим крепостным, крестьяне в случае нужды обращались к владельцам с просьбою о помощи. Отказ в ней считался ими нарушением своих прав, почему они в таких случаях нередко переходили к требованиям помощи, выраженным в более или менее резкой форме, переставали повиноваться владельцам, жаловались на них правительственным властям и т. д.

Не одно только сознание своего права на продовольственную помощь заставляло крестьян выступать с требованиями обеспечить им средства к существованию и обсеменению полей. На путь протестов против уклонения помещиков от продовольственной обязанности в значительной степени гнала крестьян тяжелая экономическая нужда, нередко действительная невозможность просуществовать без посторонней помощи. Если в обыкновенные годы предусмотрительные помещики оказывали существенную помощь крестьянским хозяйствам, то в годы неурожая положение крестьян зачастую бывало крайне тяжелым. „Сами помещики сознаются, что положение крестьян в такие годы бывает чудовищным“ [2]).

---

[1]) Максимов, стр. 53—54.

[2]) Помещики Тульской губ. рассказывали Заблоцкому-Десятовскому в 1841 г., что „в голодные зимы положение крестьянина и его семьи ужасно. Он ест всякую гадость. Жолуди, древесная кора, болотная трава, солома,— все идет в пищу. Притом ему не на что купить соль. Он почти отравляется; у него делается понос, он пухнет или сохнет; являются страшные болезни.

К сожалению, сведения о положении голодающего населения в годы неурожаев при Николае I очень скудны и отрывочны. „По цензурным условиям,—говорит, Ермолов,—литература сохранила немного данных о размерах бедствия, которое претерпевалось населением вследствие неурожая 1833 г., как и других неурожаев Николаевской эпохи" [1]). Но и по сохранившимся чертам можно представить себе, что, несмотря на усилия бюрократии обеспечить продовольствием население и несмотря на ответственность помещиков за продовольствие своих крестьян, в неурожайные годы население, особенно крепостное, фактически было предоставлено в значительной степени самому себе, на жертву голоду, болезням и нищете.

Первый сильный общий неурожай, разразившийся над населением в царствование Николая I, был в 1833 г. Неурожай охватил пространство в 50.000 кв. м. с населением в $14^1/_2$ милл. душ. Население страшно бедствовало. „Не дай бог,—пишет Никольский,—никому видеть таких бед, какие испытал народ в 1833—1834 гг. по случаю неурожая хлеба... Одно воспоминание о них ужасно. Бедные, не имея в запасе хлеба, бродили по лесам и собирали гнилушки, рвали сережки с березы и орешника, с дубка желуди и все это толкли, мешали с мукою и пекли для себя хлеб. Барда с винного завода была лучшею примесью к хлебу; но и той было мало, ибо на заводах мало курили вина. Домашний скот крестьяне кормили липовым, дубовым и березовым листом. Ни у помещиков, ни у крестьян сена не было; снимали крыши с изб и сараев, и этою полусгнившею соломою кормили лошадей. Птиц и свиней почти перевели. От суровой, грубой и неестественной человеку пищи многие крестьяне страдали болезнью, похожею на водянку или отеки" [2]). По другим сведениям крестьяне употребляли в пищу

Еще могло бы пособить молоко, но он продал последнюю корову, и умирающему часто, как говорится, нечем душу отвести. У женщин пропадает молоко в груди, и грудные младенцы гибнут, как мухи. Никто не знает этого потому, что никто не посмеет писать или громко толковать об этом, да и многие ли заглядывают в лачуги крестьянина. А ведь то не секрет, что голодные годы не суть явление редкое; они, напротив, появляются периодически". Заблоцкий-Десятовский. „Гр. Киселев и его время", т. IV, стр. 301.

[1]) Ермолов. „Наши неурожаи и продовольственный вопрос", ч. I, изд. 1908 г., стр. 47.

[2]) „Саратовск. Губ. Ведомости", 1845 г. ноябрь. Цитата заимствована из исследования Никольского. „Хозяйственное описание Балашовского уезда, Саратовской губ.". Спб., 1855 г. стр. 65.

древесную кору, мякину, смешивали с мукою глину [1]). В Саратовской губернии, в Балашовском, Сердобском, частью Аткарском и в нагорной стороне Царицынского и Камышинского уездов, многие из крестьян, особенно из недавних переселенцев, ели хлеб, спеченный с половиною или $^1/_3$ дубовых желудей, лебеды или мякины. Характерно, что саратовский губернатор Переверзев, сообщая приведенные факты, писал тем не менее, что „недостатка в продовольствии нет" [2]). Крестьяне кн. Шаховского Петровского уезда, Саратовской губ., обратившись к губернатору с просьбою о помощи, жаловались, что они, в числе 700 домохозяев, употребляли в пищу гречневую мякину, древесные произрастания, но и это было на исходе; помощи от вотчинных властей они не получали. Уездный предводитель подтвердил, что „из 219 семейств означенных крестьян 125 совершенно не имеют хлеба и еще с наступлением зимы питаются гречневою мякиною и мукою из дубовых желудей с примесью малой части ржаной, а ныне даже и сей хлеб истощился" [3]). В имении гр. Разумовского, Саратовской губ., в селе Скачихе, по описи, составленной уездным предводителем дворянства, в 23-х селах оказалось более 2500 голодающих, при чем в списки были внесены не нуждавшиеся в хлебе, а лишь кандидаты на голодную смерть. Между тем управляющий не только не выдавал им хлеба, но ухудшал их положение, переводя несостоятельных плательщиков оброка на барщину [4]). Во время другого крупного неурожая, в 1839—40 гг., тысячи нищих, преимущественно помещичьих крестьян, блуждали по дорогам, существуя на милостыню. Опять питались мякиною, лебедою, древесною корою и т. п. суррогатами, сеющими болезнь и смерть. Многие помещики, не имея возможности прокормить своих крестьян, бежали из имений. Не менее тяжелым был неурожай 1844—1846 гг. для пострадавших от него губерний. Витебская и Псковская губернии лишились $^1/_{10}$ своего населения из-за голодного тифа. От бескормицы большая часть скота пала, а в Псковской и Витебской губерниях не осталось половины коров и лошадей [5]). Выше говорилось о бедственном положении белорусских губерний. В 1853 г. ген.-ад'ют. Игнатьев

---

[1]) Романович-Славатинский. „Голода в России", „Киевск. Универ. Изв.", 1892 г. № 1, стр. 35.

[2]) Ц. Архив. М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп., 1833 г., № 401.

[3]) Ц. Архив. М. Вн. Хоз. Деп., 1833 г., I отд., I ст. № 61.

[4]) Мордовцев. „Накануне воли", стр. 160—163. Изд. 1890 г.

[5]) Романович-Славатинский. „Голода в России", „Киевск. Унив. Изв." 1892 г., № 1, стр. 59.

проезжая по Могилевской и Витебской губерниям, находил целые деревни, в которых нельзя было отыскать куска хлеба; в некоторых селениях ему давали хлеб, весьма похожий на торф, в других показывали тщательно завернутые куски хлеба, сохраняемые исключительно для детей. По Витебской губернии хлеб еще реже составлял обычную пищу для жителей, которые кормились грибами и разным сырьем [1]).

При такой вопиющей нужде, жалобы крестьян на отсутствие продовольственной помощи и настойчивые требования ее становятся понятными и без наличности сознания ими права на такую помощь. Напротив, приходится удивляться, с каким сравнительно терпением переносили крестьяне полуголодное прозябание и как мало было случаев волнений среди крестьян на этой почве. Собственно говоря, то, что именовалось на правительственном языке волнениями, были лишь заявления жалоб и требований скопом, самое большое—мимолетные ослушания помещичьей и правительственной власти, тотчас прекращавшиеся, как только удовлетворяли острую продовольственную нужду. Обращение же жалобы в волнение зависело от усмотрения местного начальства, делавшего донесения в центр. Жалоба скопом, пред'явленная в таком крупном имении, как слобода Алексеевка Шереметева, в Воронежской губ., принята была за волнение и побудило правительство прибегнуть к сильным репрессиям вообще против крепостных крестьян. Жалоба, пред'явленная менее крупному помещику, вызывала лишь расследование и удовлетворение тех просьб, которые признавались основательными. В голодный 1833—34 гг. правительство склонно было в малейших выступлениях крепостных крестьян с жалобами на помещиков видеть начало голодных бунтов. В 1839—40 гг. то же правительство, опасаясь репрессиями отвлечь население от полевых работ, предписывало снисходительное отношение к волнующимся крестьянам. Таким образом понятие волнения на продовольственной почве очень относительно. Мы остановимся на тех нарушениях обычного порядка в крепостных имениях, которые считались волнениями самим правительством.

Общее количество волнений, происшедших на продовольственной почве, выяснить очень трудно, ибо установить удельный вес тех разнообразных причин, комплекс которых производил волнение среди крепостных крестьян, почти невозможно по неполноте и пристрастности дошедших до нас сведений о кресть-

---

[1]) Середонин, т. II, ч. I, стр. 211.

янских беспорядках. За время с 1826 по 1854 г. насчитывается 30 волнений, в числе причин которых играет большую или меньшую роль продовольственная нужда. По пятилетиям эти волнения распределяются таким образом: в 1826—1829 гг. было 2 таких волнения, в 1830—1834 гг.—8, в 1835—1939 гг.—5, в 1840—1844 гг.—12, в 1845—1849 гг.—1 и 1850—1854 гг.—2. Сведения за последние два пятилетия нельзя считать полными. В 1847 г., например, произошло известное движение изголодавшегося крепостного населения Витебской губ. Сведения же за 1850—1854 гг. страдают вообще неполнотою вследствие недостатка архивного материала за этот год. Кроме этих 30 волнений, в шести случаях в числе причин занимают более видную роль последствия неурожаев, вроде разорения крестьян, борьбы помещиков с накопившеюся из-за неурожаев недоимкою, перевод крестьян с оброка на барщину по той же причине и т. п. Эти последствия волнения, не характеризуя самого отношения крестьян к продовольственной помощи помещиков и правительства, могут служить для характеристики влияния неурожаев на положение крестьян в крепостных имениях.

Все эти волнения за ничтожными исключениями находятся в непосредственной связи с наиболее крупными неурожаями николаевской эпохи. Так, из указанных 30 волнений 8 произошли в 1833—34 гг., когда Россию посетил исключительный по силе неурожай, 17 волнений относятся к 1839—1842 гг., когда от неурожая, грянувшего в 1839 г. и повторившегося еще в большей степени в 1840 г., население не могло оправиться в течение нескольких лет; в 1839 г. произошло 5 волнений, в 1840 г.—3, в 1841 г.—1, в 1842 г.—8. Итого $^5/_6$ или 83% всех продовольственных волнений николаевского времени так или иначе непосредственно связаны с наиболее острыми неурожаями, бывшими, как известно, в 1833—1834 гг. и в 1839—1840 гг. Остальные 5 волнений, происшедших в разные годы (1—в 1826 г., 1—в 1827 г., 1—в 1846 г., 1—в 1853 г. и 1—в 1854 г.), носили большей частью случайный характер. Продовольственная нужда, служившая в большей или меньшей степени причиною этих волнений, происходила в них не от неурожаев, а от других более глубоких и постоянных причин, завися от экономического разорения, причиненного повышенной эксплоатацией помещика и т. п. До некоторой степени исключение представляет собою волнение крестьян помещицы Пономаревой в 1826 г., где, помимо слухов о воле, имели влияние образовавшиеся от ряда неурожайных лет недоимки, борьба

с ними помещицы и, наконец, продовольственная нужда из-за неурожая, постигшего это имение в 1826 г. [1]).

Волнения крестьян 1833—34 гг. интересны не только для характеристики отношения крестьян к продовольственной помощи помещиков, но и для характеристики влияния крестьянских волнений на продовольственную политику правительства в этом году. Правительство опасалось голодных бунтов и при первых известиях об энергичных требованиях крестьян помочь им, обращенных в более или менее буйной форме к помещикам, било тревогу. В целях успокоения крестьян оно, с одной стороны, расширяло продовольственную помощь, а с другой—усиливало репрессии против крестьян. Особенно сильное впечатление на правительство произвели волнения в Воронежской губ. [2]), а из них, главным образом, вспышка неповиновения в громадном имении Д. Н. Шереметева, в слободе Алексеевка, Бирючинского уезда.

Известие о волнении в Алексеевской вотчине Д. Н. Шереметева пришло в Петербург в начале сентября. Хотя, по словам донесения губернатора, все волнение состояло в шумном требовании хлеба от управляющего Козлова, при чем крестьяне успокоились, когда губернатор приказал выдать Козлову 14 тыс. руб. из 50-тысячного капитала Шереметева, хранившегося в местном Приказе Общественного Призрения, тем не менее, известие об этом событии сильно встревожило министерство внутренних дел. Причину этого нужно видеть в том, что в Алексеевской вотчине состояло в общем 28.000 душ муж. п. Прокормить такое многочисленное население было делом трудным, требовавшим больших средств и энергии. Усмирять же такую массу крестьян, если бы волнение стало разрастаться, было не менее трудно, не говоря уже о том, что пример громадной Шереметевской вотчины мог заразительно подействовать и на крестьян соседних вотчин. На правительство повлияло и то, что одновременно губернатор сообщил о волнении крестьян Бутурлина и о небольшом брожении в имении малолетнего Горяинова, Павловского уезда. Приблизительно в то же время было получено донесение воронежского губернатора от 31 августа о беспорядках в имении Подкользиных и Суханова, Павловского уезда. Таким образом почти одновременно волнения произошли в Бирю-

---

[1]) Ц. Архив М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп., 1826 г., № 336. См. ст. „Крестьянские волнения 1826 г. в связи со слухами о воле 14 дек. 1825 г." стр. 90—101.

[2]) Ц. Архив М. Вн. Дел. Хоз. Деп., 1833 г., отд. I, ст. I, связка 165, ч. I и Деп. Пол. Исп., 1833 г., № 417 и 420.

чинском (Алексеевская вотчина), Бобровском (Бутурлинская вотчина) и Павловском уездах, при чем в имении у гр. Шереметева было 28.000 душ м. п., у гр. Бутурлина более 10 тыс. душ м. п. Если даже у таких крупных и богатых помещиков возникали продовольственные затруднения, повлекшие за собой волнения и неповиновения среди крестьян, то еще больших затруднений и замешательств могло ждать правительство в меньших имениях. Губернатор сам обратил внимание министра внутренних дел на необходимость облегчить выдачу ссуд крупным помещикам, имевшим более 100 душ, раз продовольственные затруднения будут грозить нарушениями общественного спокойствия. Правительство забило тревогу. Опасения еще более возросли под влиянием сообщения полтавского губернатора, что и там значительные помещики находятся „в крайнем затруднении“, не имея „ни наличных денег, ни запасов“ для продовольствия крестьян. В записке, представленной в комитет министров, Блудов[1]) выражал опасение, что в Полтавской губ. могут произойти такие же беспорядки, как и в Воронежской. Он указал, что в крупных имениях „значительное число душ крестьян скорее иногда может поставить помещика в затруднение к продовольствию их, нежели имение малолюдное“. Полагая облегчить выдачу ссуд крупным помещикам при продовольственных затруднениях, он считал необходимым распространить эту меру на губернии Воронежскую, Полтавскую, Слободско-Украинскую, 3 новороссийских и на Кавказскую область. Таков был, следовательно, район, где министерство ожидало беспорядков. Это предложение Блудова было рассмотрено комитетом министров 12 сентября, при чем во главу своих соображений о необходимости помогать крупным помещикам комитет ставил опасения крестьянских беспорядков. Комитет, „усматривая усугубляющиеся затруднения в продовольствии помещичьих крестьян и являющиеся уже признаки вредных от такого положения вещей последствий, рассуждал, что к каким бы ни относить оные причинам, т.-е. к действительной ли невозможности владельцев удовлетворить нужды их крестьян или же и к беспечности, при всем том, однако же, правительству подлежит в деле, *угрожающем общественному спокойствию*, принимать меры решительные, долженствующие иметь исключительно ту цель, чтобы отвратить совершенный недостаток в хлебе там, где оный действительно окажется, и *предупредить через то внутренние беспорядки*,

[1]) В то время министр внутренних дел.

не щадя никаких издержек и не обращаясь на первый раз к помянутым причинам с тем, что об оных может быть разыскано впоследствии, и что всякое денежное пособие от казны должно быть почитаемо долгом того владельца, который оное получит". На этом основании комитет полагал, „чтобы в случае совершенной крайности, когда помещичьи крестьяне больших имений по строжайшему дознанию окажутся в положении, заставляющем опасаться совершенного недостатка и, может-быть, *нарушения общего спокойствия*, местные начальства уполномочены были оказывать сим крестьянам немедленное надлежащее пособие... выдачею хлеба в натуре". Это положение комитета министров о дополнительных ссудах крупным помещикам, имеющим более 100 душ, было 17 сентября утверждено государем, при чем Николай I собственноручно написал: „Весьма справедливо, но при этом строжайше подтвердить всем местным властям все буйства укрощать не потворством, а наказуя виновных даже силою". Что под силою разумелась военная сила, явствует из последовавшего вслед за тем высочайшего повеления предписать по войскам, чтобы с этой стороны гражданскому начальству оказывалось безотлагательное содействие. Циркулярные извещения об этих повелениях государя немедленно полетели в разные углы империи, побуждая местных губернаторов ретиво усмирять крестьян при малейших вспышках волнений, хотя бы и не на продовольственной почве. Повеления Николая I в 1833 г. об усмирении крестьян силою, несомненно, получили тогда распространительное толкование. По ответам губернаторов на указанные циркулярные предписания видно, что они поняли их в смысле приказания при всех подобных беспорядках вызывать военные команды. Конечно, Николай I разумел волнения только на почве продовольственной нужды, но его повеления volens-nolens должны были распространиться на волнения, происшедшие по другим причинам. После высочайшего повеления от 19 и 21 сентября 1833 г. усмирения стали суровее; они стали сопровождаться вызовами военных команд, а следовательно, и более тяжелыми наказаниями, ибо продолжение неповиновения после ввода военной команды могло повлечь за собой предание военному суду. Таким образом учащенный вызов военных команд после 1833 г. отнюдь не указывает на усиление крестьянских волнений, а характеризует лишь усердие губернаторов при исполнении высочайшего повеления. В этом отношении 1833-й г. сыграл тяжелую роль в истории крестьянских волнений.

Между тем опасения министерства внутренних дел и Николая I были напрасны. В ответных донесениях губернаторов на циркулярные предписания по поводу указанных высочайших повелений, нигде не говорится о возникших или даже грозивших возникнуть беспорядках на продовольственной почве, если не считать Воронежской губ., беспорядки в которой и вызвали энергичные меры правительства. Но и в этой губернии волнения крестьян были слабы. Достаточно ознакомиться с волнениями крестьян у Шереметева, Бутурлина и других помещиков, чтобы убедиться, как ничтожны были беспорядки, устрашившие Николая I и побудившие его требовать усмирения крестьян военною силою.

Беспорядки, возбудившие энергичную деятельность в центре, по существу носили совершенно мирный характер и были „мгновенными", как их потом назвал высочайше командированный в Воронежскую губ. флиг.-ад. Протасов, нарушениями порядка и обычного повиновения, выражавшимися в более или менее настойчивых требованиях помощи. К активному выступлению с просьбами, требованиями и т. п. крестьяне вынуждались обыкновенно крайнею необходимостью. При этом всюду, где помещики и правительство принимали энергичные меры к удовлетворению продовольственной нужды, волнения быстро прекращались.

Быстро было прекращено волнение крестьян в имениях помещиков Подкользиных и Суханова, Павловского уезда, хотя здесь оно несколько осложнилось начавшимся брожением из-за иска воли, который крестьяне пытались возбудить против своих помещиков.

Несколько продолжительнее было волнение в обширной Алексеевской вотчине Д. Н. Шереметева. Продовольственная нужда здесь была очень значительна, и вотчинному управлению приходилось делать значительные затраты на их удовлетворение. Донесения о неурожае стали поступать еще с июня 1833 года. Тогда же Алексеевскому вотчинному управлению было предписано раздавать пособие хлебом наиболее нуждающимся крестьянам. На основании этого распоряжения было раздано 2.500 четвертей, сверх ранее розданных крестьянам 8.780. Но хлебные запасы Алексеевской вотчины быстро истощились. В июне пришлось затратить оброчную сумму на покупку 2.000 четвертей, а нужда в пособии все увеличивалась. Главное управление приказало затронуть капитал, хранившийся в Приказе Общественного Призрения, на покупку еще такого же количества хлеба. Этих затрат оказа-

лось мало, число нуждающихся в пособии разросталось. Прибегли к хлебным и денежным запасам другой вотчины Шереметева, где нужды в продовольствии не было. Еще в июле было предписано вотчинному управлению Борисовской вотчины, Хотинского уезда, Курской губ., отпустить в слободу Алексеевку все хлебные запасы, образовавшиеся от сбора на мельницах и от господской запашки. Затем в августе отдано распоряжение тому же правлению перевести в Алексеевку от 40 до 50.000 рублей на покупку хлеба. В Алексеевку был послан в качестве доверенного лица подпоручик Мотавкин, который должен был вместе с управляющим Козловым и вотчинным правлением руководить продовольственной кампанией и следить за порядком и тишиною в вотчине. Когда, приблизительно 10 августа, вотчинное правление предписало алексеевским крестьянам ехать за хлебом в Борисовскую вотчину, отстоящую от Алексеевки на 180 верст, крестьяне наотрез отказались выполнить это приказание. Они считали доставку хлеба очень обременительной. Крестьяне, требовали, чтобы им были выданы деньги взамен хлеба, но получили отказ. По словам управляющего, крестьяне собрались в большом количестве около дома и с буйством и криком пред'являли это требование. С большим усилием удалось Козлову убедить крестьян подождать распоряжения помещика. Крестьяне, впрочем, успокоились, когда Козлов привез им из Воронежа 14.000 р., выданных ему по распоряжению губернатора из шереметевского капитала в 50.000 руб., хранившихся в Приказе Общественного Призрения. Шереметев не разрешил выдавать крестьянам пособие деньгами, предписав, в случае дальнейших ослушаний, прибегнуть к помощи земской полиции. Мотавкину было поручено произвести расследование всех происшедших в имении случаев ослушаний крестьян. Результатом такого расследования была отдача, по распоряжению Шереметева, четырех крестьян в смирительный дом на год и наказание розгами при полиции других, менее виновных. Домашняя расправа с неповиновавшимися, повидимому, плохо помогла, и мелкие ослушания продолжались. 20 сентября Д. Н. Шереметев обратился к самому министру внутренних дел с жалобою на крестьян и их противодействие принятым продовольственным мерам. Шереметев просил как губернатора, так и министра внутренних дел принять меры к ограждению спокойствия в его имении и принудить крестьян не мешать продовольственным мероприятиям. Просьба Шереметева была получена в министерстве уже после высочайшей резолюции 19 сентября и, конечно, не-

медленно вызвала со стороны Блудова строгое подтверждение воронежскому губернатору принять меры к сохранению порядка в имении Шереметева: „вводя непослушных и строптивых в повиновение, буде нужно, и силою законной власти и строгости“. Репрессивных мер, повидимому, не понадобилось. По крайней мере, во всеподданнейшем рапорте Протасова от 14 октября не говорится ни о каких экстраординарных мерах для усмирения крестьян Шереметева.

Из вышеизложенного видно, что волнение, произведшее на правительство сильное впечатление, фактически состояло в отказе крестьян ехать за хлебом в другую вотчину и требовании выдать им пособие деньгами, а не хлебом.

Брожение среди крестьян Бутурлина было, повидимому, серьезнее. В этом громадном имении был полный неурожай хлеба и трав. Нужда у крестьян была очень сильна, а продовольственная помощь помещика замедлилась. В августе в имение приехал сам помещик, но и он не сразу помог, а, видимо, изыскивал на месте средства продовольствия крестьян и обсеменение полей. 17 августа изголодавшиеся крестьяне окружили дом толпою, более чем в 1.000 человек, и приступили к Бутурлину с просьбою немедленно выдать им хлеб. Этого Бутурлин не мог или не хотел сделать. Он об‘яснил им цель своего приезда и необходимость обождать, пока он предпримет меры для их продовольствия. Крестьянина, смелее других заявившего о крайней необходимости *тотчас* получить хлеб, он приказал арестовать. Возбужденная толпа не позволила его взять. В этом-то и состояло главное преступление толпы, воспротивившейся скопом распоряжению помещика. Однако нашлись крестьяне, которые остановили раздраженных односельчан. При их помощи сельские начальники исполнили Бутурлинское приказание, а крестьяне разошлись по домам. Однако крестьяне не очень доверяли обещаниям Бутурлина озаботиться о их продовольствии. По от‘езде его, 20 августа, толпа крестьян, более чем в 500 человек, энергично приступала к атаману с требованием хлеба. Они кричали, что дальше ждать не могут, так как многие из них умирают от голода, отказ же в хлебе может повлечь за собой грабеж в домах тех, у кого еще сохранился хлеб. 21 августа толпа приступила еще энергичнее, настаивая, чтобы им дали, если не хлеба, то хотя бы официальную бумагу, с которой они могли бы пойти к губернатору с просьбой о помощи. Атаман выдал бумагу за своею подписью и вотчинною печатью, в которой были изложены все требования крестьян и отказ ждать Бутурлинской по-

мощи. Когда к губернатору явилось 12 человек с этой бумагой, то он, извещенный уже о происшедшем самим Бутурлиным, арестовал всех ходоков, предоставив самому помещику расправиться с ними; кроме того, земскому исправнику предписано было раз'яснить крестьянам их положение, заботы помещика о них и ответственность перед законом за неповиновение. Бутурлин 30 августа сообщил губернатору, что после произведенного расследования он приказал пересечь до 30 чел. и из них 12 чел. годных отдать в рекруты, а негодных назначить в ссылку на поселение в дальние губернии. Из 12 арестованных ходоков некоторые также были навсегда удалены из вотчины, а остальных, по просьбе Бутурлина, должны были „обрить, наказать розгами“ и водворить опять в имение. Бутурлин сам признавал, что суровость наказаний не соответствует поступку, но считал эти репрессии необходимыми в виду тревожного настроения в соседних имениях, ибо, по его сведениям, „все соседственные слободы, малороссиянами заселенные, ожидают с величайшим любопытством, какой будет конец предприятиям депутатов“, посланных к губернатору. Эти репрессии произвели свое действие. По крайней мере воронежский губернатор Бегичев, во всеподданнейшем рапорте от 13 октября 1833 г., об'яснял успокоение крестьян между прочим, „примером строгости, оказанным помещиком с пособием земской полиции с зачинщиками беспокойства“.

После описанных беспорядков и примененных к крестьянам репрессий, волнения в Воронежской губ. прекратились. Уже 14 октября Протасов донес государю, что все уезды Воронежской губ. находятся „в совершенном спокойствии“.

Из других волнений, происходивших на почве неурожая 1833 года, более или менее известно еще одно, вспыхнувшее в имении Окуловой[1]) Подольского уезда, Московской губ., весною 1834 года. В сельце Никольском помещицы Окуловой существовала суконная фабрика, поставлявшая сукно в казну в определенном количестве. Крестьяне работали на фабрике. Земли у них было, повидимому, мало, скотоводство незначительно, так что даже в обычные годы у них не хватало хлеба на продовольствие, что, по указанию уездного предводителя Сухово-Кобылина, было довольно обычным явлением для помещичьих фабричных имений. В неурожайные 1833—34 годы

---

[1]) Ц. Архив М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп., 1834 г., № 342.

крестьянам Окуловой пришлось испытать значительную продовольственную нужду, при чем здесь играли роль не столько самый неурожай в имении, сколько трудность найти заработок и низкая заработная плата при высоких хлебных ценах. Постоянные фабричные работы мешали крестьянам иметь сторонние заработки, низкие же цены на труд плохо обеспечивали положение и тех, кому удавалось их иметь. Продовольственная помощь если и оказывалась помещицею до волнения, то в крайне недостаточном размере. Многим крестьянам поэтому приходилось существовать милостынею. Остальные также испытывали недостаток в хлебе. Весною 1834 г. среди них вспыхнуло волнение. Помещица потребовала зачем-то двух крестьян в Москву. Крестьяне отказались выдать их и, бросив фабричные работы, пошли вместе с ними в Подольск, дав предварительно перед образом клятвенное обязательство дружно стоять друг за друга. В Подольске крестьяне оказали противодействие при аресте товарищей, так что пришлось применить военную силу. Крестьяне не пред'являли никаких претензий, кроме просьбы о хлебе. Губернатор подозревал на основании каких-то сведений, что эти просьбы были умышленны, так как крестьяне, по его словам, „предполагали, что имение помещицы их возьмут в опеку и что по сей причине они будут принадлежать казне". Подтверждение таких тайных рассчетов крестьян он видел в том, что при расследовании в каждом крестьянском доме нашли в среднем почти по 1 чтв. ячменя и овса и „следовательно, имея сей хлеб, они совершенно голодными быть не могли". Тем не менее, губернатор принял серьезные меры к немедленному удовлетворению продовольственной нужды крестьян. Лично прибыв в имение, он приказал купить муки для раздачи крестьянам. Желая доставить помещице средства для продовольствия, он предложил ходатайствовать перед комиссиею по снабжению войск сукнами о скорейшей выдаче ей денег, если таковые ей следовало получить; с тою же целью он разузнавал, нет ли у Окуловой сукна для поставки в казну, чтобы таким образом получить лишние деньги на продовольствие крестьян. По словам губернатора, сама Окулова из'являла полную готовность снабжать крестьян хлебом, но не умела сделать этого. Она медлила с продовольственной помощью, полагая, например, что приисканная ею работа для крестьян вполне достаточна для обеспечения их существования, упуская совершенно из вида, „что ныне за работы платится дешевле прошлогоднего, тогда как хлеб в цене удвоился".

На ряду с заботою губернатора о продовольствии, крестьянам пришлось испытать на себе сильные репрессии. Применяя к ним высочайшее повеление от 19 сентября 1833 г., московский генерал-губернатор распорядился ввести в имение военную команду, а затем крестьян предали военному суду. Губернатор утвердил приговор и немедля привел его в исполнение[1]). Наказание производилось в присутствии крестьян, с бранных из селений в районе 15 верст. Этих репрессий было достаточно, чтобы ввергнуть крестьян в рабское повиновение, особенно, когда острая продовольственная нужда в то же время была удовлетворена. По словам бурмистра, в крестьянах пробудилось такое усердие, что пятеро бежало делать то, что приказывалось одному. Крестьяне принялись за брошенные было фабричные работы.

Во всех описанных волнениях возникшие среди крестьян беспорядки служили побудительной причиной для принятия местными и центральными властями, энергичных продовольственных мер. Не только самые беспорядки, но иногда одни опасения их заставляли местные и центральные власти позаботиться о продовольствии крестьян. Примером этого могут служить мотивы, по которым была оказана продовольственная помощь крестьянам Шаховского, в селе Успенском (Ардым тож), Петровского уезда, Саратовской губ.

Здесь в 1834 г. положение крестьян было безвыходным. Просьбы о помощи, обращенные к вотчинным властям, не имели результата; крестьяне обратились к губернатору, указывая, что даже гречневая мякина, смешанная с „древесными произрастаниями", которою питались около 700 душ, уже на исходе, и им грозят „гибельные последствия голода". Указание уездного предводителя дворянства, что крестьяне не только находятся в крайней нужде, но в имении „явно показывается дух ропота" воздействовало на губернатора сильнее всяких крестьянских просьб. Недавно бывшие в этом имении беспорядки внушали ему опасение, что под влиянием голода они вспыхнут вновь. Поэтому с целью „не допустить крестьян до несчастных последствий голода и вместе предотвратить дальнейший ропот, о на пмоверность коего вселяют опасение происходившие уже в имении сем некоторые беспорядки в истекшем

---

[1]) По этому приговору два крестьянина были наказаны кнутом и сосланы на каторгу в Сибирь; семь человек понесли наказание плетьми, а затем четырех из них сослали в Сибирь на поселение и трех отдали в арестантские роты; наконец, пятьдесят человек были предоставлены „попечительному исправлению" самой помещицы.

году", приказал немедленно закупить на 1.000 р. хлеба и раздавать его наиболее нуждающимся. Сумма эта была взята из средств, отпущенных в распоряжение комиссии народного продовольствия, и немедленно же было сообщено об этом заведующим саратовским имением князя Шаховского с требованием вернуть затраченные деньги и принять соответственные меры к продовольствию крестьян. В то время сам владелец имения кн. Як. Фед. Шаховской находился за границей, а заведывали его имением кн. Н. Л. Шаховской, сен. И. С. Горголи и ген.-м. Гозен. Под влиянием требования губернского начальства они приняли ряд мер: в имение был послан для распоряжений управляющий имением князя П. Ф. Шаховского, губернатору были немедленно возвращены 1000 рублей и дано распоряжение использовать с тою же целью находившиеся в вотчинной конторе 4.000 рублей.

Выше не раз отмечалось тревожное настроение правительства в 1833 г., опасавшегося взрыва голодных бунтов. Оно побудило Николая I сделать вышеприведенное повеление о подавлении крестьянских волнений силою, что повлекло за собой усиление репрессий против волновавшихся крестьян. Эти же опасения заставили правительство с тревогою следить за всеми вспышками неповиновения в помещичьих имениях. Губернаторам было предписано еженедельно доносить государю о спокойствии в имениях. Для немедленного востановления обычных отношений между крестьянами и помещиками принимались энергичные меры. Некоторые суровые усмирения крестьян, происходившие в 1833 г., приходится поэтому об'яснить не силою самых волнений и упорством крестьян, а исключительно нежеланием правительства дать развиться крупным беспорядкам. Примером того, как отражалось тревожное настроение правительства на судьбе крестьян, волновавшихся в 1833 г., может служить волнение в имении помещицы Денисьевой [1]). Это волнение началось еще весной 1833 г. Крестьяне волновались по поводу иска воли, которой они пытались возбудить еще в 1832 г. Они считали, что должны принадлежать казне на том основании, что Денисьева была когда-то дворовой девушкой их прежнего господина, А. К. Разумовского. Надеясь сделаться вольными, приняв на себя уплату долга Разумовского, крестьяне упорно отказывались повиноваться помещице. В имение была введена воинская команда,

---

[1]) Ц. Архив М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп., 1833 г., № 401; Мордовцев „Накануне воли", стр. 176—205.

их заставляли работать под конвоем, но все это мало помогало. Предание группы крестьян уголовному суду также не устрашило их. Напротив, неповиновение и упорство возростали. Волнение затянулось до осени 1833 г., когда так опасались голодных бунтов. В Саратовской губ. продовольственная нужда была велика. Правительству приходилось помогать многим помещикам не только мелким, но и крупным. При таком положении дела власти, естественно, с тревогой относились к каждому известию о волнении крестьян, опасаясь, что пример неповиновения одних заразительно подействует на других. В Петербурге были очень недовольны действиями губернатора Переверзева, находя их слишком мягкими. В конце октября Переверзеву было сделано даже строгое внушение. Результатом, конечно, было усиление репрессий: часть крестьян была предана военному суду, к другим щедро применялись розги, аресты и т. п. Эти меры оказали воздействие, и в декабре крестьяне, главным образом, под влиянием возвращенных ходоков, признавших иск о воле безнадежным, принесли повинную и принялись за обычные господские работы. Военно-судное дело, в конце концов, окончилось сравнительно благополучно для крестьян: 9 человек понесли наказание палками по 25 ударов, а один по поимке подлежал преданию военному суду.

IV.

Другой цикл продовольственных волнений помещичьих крестьян группируется около неурожая 1839—1840 гг. За четыре года (с 1839 по 1842 гг.) известно 17 волнений, при чем 5 из них приходятся на 1839 г., 3—на 1840 г., 1—на 1841 и 8 произошло в 1842 г. Волнения в 1842 г., впрочем, об'ясняются не только неурожаем 1839—1840 гг., но и указом 2 апреля 1842 г. об обязанных крестьянах; поэтому правильнее выделить их в особую группу.

Неурожай 1839—1840 гг. был значительно слабее неурожая 1833—1834 гг. Он выразился, собственно, лишь в посредственном урожае ржи в 1839 г. и полном неурожае ее в 1840 г. Яровые же хлеба как в 1839 г., так особенно в 1840 г. уродились хорошо. Продовольственные затруднения возникали почти исключительно из-за отсутствия у населения ржи, ибо во многих местах не было собрано даже семян. Вопрос об обсеменении озимых полей в 1840 г. очень серьезно озабочи-

вал правительство и дворянство. „Всего страшнее,—писал Николай I Паскевичу,—что ежели озимые поля не будут засеяны, то в будущем году будет уже решительный голод“ [1]). Рожь приходилось сберегать на посев, а население кормилось до урожая 1841 г. овсом, ячменем и всевозможными суррогатами. Помещики не могли доставлять им рожь для продовольствия и заменяли ее яровыми хлебами. Неурожай 1839—1840 гг. поразил, сравнительно с неурожаем 1833—1834 гг., небольшую площадь. В 1839 г. весьма скудный урожай был в губерниях Воронежской, Екатеринославской, Енисейской, Калужской, Киевской, Костромской, Московской, Оренбургской, Подольской, Тверской, Харьковской, Черниговской, Рязанской, Тамбовской, Тульской, Херсонской, Полтавской. В 1840 г. неурожай особенно сильно поразил губернии Калужскую, Тамбовскую, Рязанскую и в особенности Тульскую [2]). Эта местность была „житницею“, откуда хлеб поставлялся в другие губернии, а потому неурожай в этих губерний тяжело отражался на продовольствии населения других губерний, где принуждены были покупать хлеб. Несмотря на сравнительно меньший неурожай 1839—40 гг., сравнительно с 1833—34 гг., он очень тяжело отозвался на помещичьих крестьянах. Нельзя забывать, что население не успело еще оправиться после неурожая 1833—1834 гг. тем более, что в промежуточные годы в губерниях, особенно сильно пострадавших в 1839—1840 гг., цены на хлеб были очень низки, а потому население и при урожае терпело значительные убытки. Помещики не успели еще расплатиться с долгами, сделанными во время продовольственной кампании 1833—1834 гг., как нужно было напрягать все силы для прокормления крепостных крестьян в 1839—1840 гг. Неудивительно, что при таких условиях продовольственная нужда населения была громадна. Именно к этим годам относятся те ужасные картины голодания крепостных крестьян, которые привел Забл.-Десятовский в своей известной записке 1841 г. На этой-то почве и вспыхивали волнения крестьян в 1839, 1840 и 1841 гг.

В 1839 г. известны волнения в четырех имениях: в имении Искрицкого Суражского уезда, Черниговской губ., в имении Козлова Подольского уезда, Московской губ., среди

---

[1]) Кн. Щербатов. „Кн. Паскевич-Эриванский“, т. IV, стр. 439, а также „Имп. Николай I в его письмах к кн. Паскевичу“, „Р. Архив“, 1897 г. кн. 1, стр. 28.

[2]) Варадинов. „История М. Вн. Дел“, т. III, кн. 2, стр. 440, 523.

крестьян помещицы Кубитович Мосальского уезда и помещицы Пауль Козельского уезда, Калужской губ.

Наиболее типичным для продовольственных волнений в помещичьих имениях было волнение крестьян в имении В. А. Пауль [1]) Козельского уезда, Калужской губ. Продовольственные затруднения в с. Леонове и дер. Громоздовой, принадлежащих помещице В. А. Пауль, связаны не только с неурожайными 1839 и 1840 гг.; они существовали в этом имении давно, из года в год, обусловленные, повидимому, малоземельем, беспорядочною барщиною и вообще бестолковым управлением помещицы; посторонние же заработки были незначительны и не могли обеспечивать существование крестьян. До 1834 г. они принадлежали помещику, камергеру Петру Базилевскому. По словам Пауль, приобревшей это имение от Базилевского в 1834 г., крестьяне найдены были ею в самом плачевном положении. На 118 тягол было только 45 лошадей; рогатого скота совершенно не имелось. Они терпели сильную нужду в продовольствии, питались подаянием, распродавали последний скот и забросили полевые работы. Яровые и озимые поля, коноплянники найдены были помещицею Пауль в значительной степени невозделанными. Конечно, эти явления помещица об'ясняла леностью и дурными привычками крестьян. Но для Пауль выгодно было представить положение крестьян у Базилевского в худшем виде, чтобы доказать, что крестьяне разорились не от ее управления, а, напротив, их экономическое положение у нее значительно улучшилось. Она указывала, что неповиновение крестьян в 1839 г. было обычным явлением в этих селениях еще до нея. По ее словам, приехав в имение после покупки, она узнала, что, по просьбе Базилевского, туда прибыл член уездного суда для приведения крестьян в повиновение. Приобретя имение, Пауль тотчас должна была делать крупные затраты для того, чтобы хоть немного поднять крестьянское хозяйство и сделать крестьян полезными работниками для себя. По ее словам, она прирезала к каждому крестьянскому клину по 30 дес. земли, прекратила взыскание оброка в 2500 рублей, дала крестьянам 105 лошадей, 50 штук крупного скота и до 200 штук мелкого, наконец помогала им при обсеменении полей. Однако, судя по тому состоянию, в котором застали крестьян неоднократные расследования 1839 и 1840 гг., помощь помещицы

---

[1]) Ц. А. М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп., 1839 г., № 254.

была очень недостаточной, и экономическое положение крестьян оставалось крайне печальным.

В селе Леонове и деревне Громоздовой было всего 227 душ муж. пола, которые числились в 118 тяглах. Крестьяне эти занимались земледелием и выделкою клещей для хомутов, как подсобным промыслом. В прошении, поданном губернатору в 1839 г., крестьяне, жалуясь на бедность, об'ясняли ее крайнею недостаточностью земельных наделов. По словам самой Пауль, она даже прирезала крестьянам земли, но зато она отняла от крестьян большую часть коноплянников под посев табака. По словам вице-губернатора, „крестьяне, лишенные возможности снять такое же количество, как и прежде, коноплей и видя, что американский табак, как растение несвойственное климату Калужской губ., растет дурно, с неудовольствием смотрели на это нововведение". Существовавшая в имении барщина мешала крестьянам обработать даже то количество земли, какое имелось у них. Самая господская запашка не была велика, занимая лишь 100 десятин, т.-е. менее 1 десятины на тягло, при 60 десятинах луга. По расследованию временного отделения земского суда в 1839 г., „бедность крестьян проистекала от беспорядочного распоряжения сельскими работами. Г. Пауль, обращая хозяйственное внимание на обработку господской земли, в весеннее и летнее время употребляет крестьян на барщину поголовно, не давая им дней для себя, лишив их тем возможности своевременно заняться обработкою своих участков земли и уборкою с оных хлеба". Крестьяне еще весною 1840 г. жаловались, что ежедневные господские работы разорили их. Правда, староста показывал летом 1840 г., что крестьяне работают брат на брата [1]), но то был, вероятно, результат стремления помещика упорядочить барщинные работы, после того как были раскрыты его злоупотребления поголовной барщиной. Беспорядочное распределение господских работ мешало и сторонним заработкам крестьян. По этому же расследованию временного отделения, Пауль, которому помещица вполне доверяла управление имением, „в удобное время никого не отпускал для заработков на сторону". Крестьяне, правда, имели подсобный промысел: они выделывали клещи для хомутов. Но, по словам крестьян, этот промысел давал им ничтожный заработок. В 1839 г., например, они вырабатывали в неделю 1 руб. 50 коп. асс., „чего

---

[1]) Система барщины, при которой господские работы производились ежедневно половинным количеством тягольных работников в имении.

для пропитания семейства... по дороговизне хлеба без особого пособия весьма недостаточно". Скотоводство крестьян было в крайне плачевном состоянии, так что оно также не могло стать источником их существования. Пауль, по словам местного земского исправника, управлял имением как „арендатор", а не так, как „все русские дворяне". Губернатор называл его управление „непорядочным". В вину Паулю ставилось, что управление имением он доверял таким лицам, как солдат, дворовый человек, староста и десятский; эти лица имели право распоряжаться крестьянами и наказывать их по своему произволу; крестьяне никогда не могли быть уверены в своей судьбе, так как Пауль слушал и верил наветам каждого из своих подданных. Особенным доверием и властью пользовалась у него дворня. Этот факт следует отметить, ибо неуверенность помещиков в личной безопасности среди враждебного им крепостного населения иногда диктовала им стремление образовать из дворни нечто вроде опричнины, служащей для их личной охраны. Чтобы привязать дворню к себе, такие помещики склонны были смотреть сквозь пальцы на злоупотребления дворовых по отношению к крестьянам, основательно полагая, что от приложения принципа divide et impera [1]) выиграет он один. Лихвинский городничий Лисенко, которому было поручено летом 1840 г. установление порядка в имении Пауль, указал, что дворовые в этом имении „распоряжаются каждый по произволу своему и имеют право, не докладывая господину, освобождать от работ крестьян, но более того—их наказывать, не давая в том никому отчета, и крестьяне до такой степени напуганы, что при виде дворового человека прячутся в коноплю и крапиву". Дворовые позволяли себе даже охотиться с ружьем за домашней крестьянской птицей.

Можно себе легко представить, как тяжело должен был отразиться неурожай 1839—1840 гг. на крестьянах Пауль. И без того существующие только при поддержке помещицы, крестьяне с. Леонова и дер. Громоздовой должны были окончательно разориться. На их беду неурожай в этом имении последовательно повторялся в 1839 и 1840 гг. Уже в 1839 г. крестьяне заявляли, что терпят крайний недостаток в продовольствии, что лично подтвердил и губернский предводитель дворянства. По исследованию, произведенному временным отделением земского суда в ноябре или декабре

---

[1]) „Разделяй и властвуй".

1839 г., положение крестьян в это время было крайне тяжелым [1]).

Несмотря на крайнюю нужду, до ноября 1839 г. в имении все было спокойно. К ноябрю терпение крестьян истощилось. Не получая от помещицы продовольствия, они отказались повиноваться, пока им не будет оказана денежная помощь. Часть крестьян отправилась в Калугу к самому губернатору. Последний, выслушав их, счел должным прочесть им лекцию о незаконности отлучки из имения без разрешения помещицы и отправил их обратно в имение в сопровождении полицейского чиновника со строгим подтверждением местной полиции добиться безусловного повиновения крестьян. Однако, в то же время он негласно потребовал от помещицы обеспечить продовольствием крестьян под угрозою опеки; в случае отказа помещицы земская полиция должна была принять самостоятельные меры к продовольствию крестьян. Помещица не выказала усердия в исполнении требования администрации. У нея даже не оказалось хлеба для раздачи крестьянам, и земский исправник принужден был раздать хлеб из запасного магазина по мерке на душу, а всего 50 четв. ржи. Части крестьян, 93 человекам, было предписано итти на сторонние заработки, а часть должна была остаться в имении для исполнения господских работ. Помещица согласилась лишь выдать крестьянам, работающим на барщине, по 2 фунта печеного хлеба на человека в день, и предложила крестьянам заработок у себя в имении, а именно: рубку дров с платою за каждую сажень по 1 рублю и по 7 рублей за вывозку ее в с. Белев за 15 верст от с. Леонова. Но все эти меры очень мало устраивали крестьян. Помещичьего пайка в 2 фунта только на занятых барщиною было, конечно, недостаточно для прокормления их семейств. Проработавши на барщине при таком условии некоторое время, крестьяне отказались от нее из-за недостатка хлеба. Плата за рубку и возку дров не окупала даже их расходов по этой ра-

---

[1]) „При осмотре временным отделением крестьянских дворов, их амбаров и сараев, при понятых сторонних людях, кроме 4-х дворов, нигде запасного хлеба не оказалось, и хотя найден хлеб в скудном количестве у некоторых печеный из покупной муки на выработанные деньги, но и тот смешанный с конопляными выжимками, а у других оказался хлеб в маленьких кусках, полученный от подаяния через испрашивание милостыни. Во всех вообще домах, кроме 4-х, заметна совершенная нищета, недостатки в необходимой для зимнего времени одежде; рогатого и мелкого скота большая часть домохозяев совершенно не имеет, на каждое тягло не более как по одной только лошади; 2 семейства с малолетними находятся в болезненном состоянии без всякого пособия и средств к пропитанию“.

боте; на каждой сажени привезенных в Белев дров крестьянам пришлось бы терять 3 рубля. С большою неохотою крестьяне уходили и на сторону, жалуясь, что по наступившему зимнему времени им трудно найти заработок. Пришлось арестовать 9 человек более непокорных, сделать новые внушения, чтобы назначенные на сторонние заработки двинулись из имения. Но, в конце концов, земский суд предоставил им право оставаться в имении и заниматься выделкою клещей, если бы они нашли это более выгодным для себя. Положение крестьян было тем труднее, что, по уверению их, и этот заработок по своему размеру не мог обеспечить их продовольствия, почему сторонняя помощь им была необходима. Тем не менее, постепенно порядок в имении наладился, конечно, не без применения розог земской полицией. Часть крестьян разошлась на сторонние заработки, часть кое-как перебивалась у себя в имении, помещица со своей стороны увеличила размер продовольственной помощи барщинникам до 3-х фунтов в день на человека, выдавая также овес для лошадей. В имении все-таки полного спокойствия не было; помещик чувствовал себя неспокойно среди враждебно настроенных крестьян и постоянно тревожил власти жалобами на их неповиновение. По словам помещицы, неповиновение и вражда крестьян дошли до таких размеров, что летом в 1840 г. она, опасаясь за личную безопасность, принуждена была выехать с детьми из имения. Хотя часть жалоб Пауль была признана местными властями совершенно неосновательными, среди крестьян, несомненно, шло брожение. Зимою 1839—1840 гг. она подала губернатору прошение, где ходатайствовала о взятии имения в казенное ведомство на основании „крайнего недостатка в поземельных владениях и от того претерпеваемой бедности". Оно осталось без движения. В ту же зиму, по словам Пауль, крестьяне послали двух ходоков в Петербург для подачи просьбы [1]).

Весною 1840 г. между помещиком и крестьянами произошло столкновение. В виду жалоб крестьян на непродовольствие, губернатор поручил уездному предводителю повлиять на помещицу и заставить ее помочь крестьянам. Сначала помещица запротестовала, считая достаточным тех 3 фунтов печеного хлеба, которые она выдавала работающим на барщине, но затем, уступая доводам предводителя, согласилась выдавать крестьянам на каждую мужского и женского пола

---

[1]) Крестьяне подали два всеподданнейших прошения, где жаловались на притеснения помещика и просили о продовольствии.

душу по 1 пуду муки в месяц для прокормления и отдать для обсеменения яровых полей овес и коноплю, отобранные от крестьян еще осенью 1839 г. Условием такой помощи помещица ставила прекращение жалоб на нее. Крестьяне наотрез отказались прекратить жалобы и просить прощения. Уговоры и порка 8 крестьян не произвели впечатления; пристав арестовал 14 человек, отправил их в Козельск, а остальных отпустил по домам, учредив особый присмотр за ними. Небольшое замешательство было в имении и летом 1840 года. Крестьяне отказались принимать хлеб, раздававшийся в то время помещицей, предпочитая снимать свою недозрелую рожь и питаться ею. Крестьяне мотивировали свой отказ тем, что помещица обвешивала их, выдавая меньшее количество против обещенного. Помещица запротестовала против ранней жатвы, опасаясь за обсеменение озимых полей. По распоряжению администрации снятие кормовой ржи было приостановлено, чему крестьяне подчинились.

В общем крестьяне очень мирно переносили тяжелую продовольственную нужду, о чем свидетельствовали все чиновники, которым приходилось бывать в имении. Постоянные жалобы помещицы то на неповиновение, то на буйство оказывались большею частью ложными.

Приведя факты, рисующие экономическое положение крестьян Пауля и их поведение в неурожайное время, губернатор говорил в своем донесении от 7 сентября 1840 г.: „Все сие в совокупности показывает, что крестьяне г-жи Пауль не бунтуют, как она старается доказать во всех своих бумагах, но, будучи выведены из терпения непорядочным управлением мужа помещицы, более достойны сострадания, нежели преследования. Я убежден в этом кроме донесения местной полиции через личные об'яснения в бытность мою в Козельске с уездным предводителем дворянства и некоторыми дворянами". Он не находил нужным принимать особые меры против крестьян Пауль, „ибо они покорны воле владелицы и исполняют приказания управляющего ее беспрекословно".

Все чиновники сходились на признании тяжелой продовольственной нужды в имении, недостаточной помощи помещицы и беспорядочного управления имением.

Весною 1840 г., как указывалось, уездный предводитель дворянства настоял, чтобы помещица с 1-го июня выдавала на каждую душу мужского и женского пола по 1 пуду муки в месяц: в виду недостатка ржи было разрешено выдавать муку из 3 частей овсяной и 1 части ржаной. Однако оказа-

лось, что помещица не в состоянии оказать такой помощи. Даже печеный хлеб, который выдавался крестьянам на барщине, пекся из крестьянского овса и конопли, отобранных от крестьян осенью 1839 г., якобы для обеспечения посева ярового хлеба. Предводитель распорядился тогда раздать крестьянам отобранное от них, а помещице было выдано пособие из губернского продовольственного капитала в размере 10 р. ассигнациями на душу, т.-е. 648 р. на покупку ржи. Однако и после того продовольствие крестьян не было обеспечено. Из хлеба, купленного на выданное пособие, помещик выдавал нуждающимся крестьянам „с обвесом и угрозами" по 13 фунтов на 10 дней, что не удовлетворяло крестьян, требовавших добросовестной выдачи по пуду в месяц на каждую душу мужского и женского пола, как было обещано, или же вовсе отказывавшихся от помощи. Пособие скоро истощилось, а других средств у помещика не было; ассигнованные помещице на покупку муки две или три тысячи рублей, по ее уверению, были потеряны приказчиком, чему, впрочем, местные власти не верили. Из крайней нужды крестьяне начали жать рожь в половине июля и даже продавать ее. Как указывалось, по просьбе помещицы это было немедленно запрещено. По словам Лисенко, в крестьянском быту замечалась чрезвычайная бедность; не говоря уже о коровах и овцах, в редком доме имелась курица. В скоте чувствовался крайний недостаток. Часть крестьянских яровых полей осталась незасеянной за недостатком семян. Полевые работы производились с трудом, ибо не хватало лошадей; просьба же крестьян дать им лошадей для обработки полей не была удовлетворена. К довершению безвыходного положения крестьян, помещик, борясь с воображаемыми им бунтами, отослал на шоссейные работы в Малоярославец 40 лучших работников, большею частью домохозяев, считая их главными бунтовщиками. При наличности в имении лишь 100 тягол, такая убыль рабочих сил была крайне тяжела для крестьян. Из оставшихся дома, по указанию Лисенко, „едва ли окажется 30 исправных работников".

В 1840 г. неурожай в имении был еще сильнее, чем в предыдущем году. Рожь не родилась и сам-друг; после посева продовольствия не могло хватить даже на 1 месяц. Ярового было мало, так как его и посеяно было недостаточное количество. Дождливая погода мешала уборке как крестьянского, так и господского сена. Правда, у помещика сбор хлебов был довольно удовлетворителен. Для крестьян, впрочем, благополучие помещика значило мало. Пауль не только не принимала

никаких мер для организации их продовольствия в надвигавшемся голодном году, но начала даже продавать свой хлеб. Губернатор запретил вывоз господского хлеба из имения. Кроме того, он возбудил вопрос о взятии имения Пауль в опеку. Министр внутренних дел согласился с мнением губернатора, и калужское губернское дворянское собрание, к началу 1841 г., сделало соответствующее постановление.

В апреле 1841 г. сенат утвердил постановление дворянского собрания, и таким образом крестьяне получили относительную свободу. Опекунам, занятым хозяйством в своих имениях, трудно было постоянно вмешиваться во внутреннюю жизнь крестьян, и последние были в значительной степени предоставлены самим себе. Хозяйственное управление было поручено двум крестьянам, опекуны ограничивались лишь письменными приказами. Нельзя сказать, чтобы такая самостоятельность нанесла вред крестьянам. При сдаче имения в опеку по описи у крестьян было 64 лошади, разного крупного и мелкого скота 123 штуки, птиц—122 штуки. В 1847 же году, когда имение было возвращено Паулю, у крестьян уже была 151 лошадь, 561 штука крупного и мелкого рогатого скота и 521 штука птицы. Не так выгодна была опека для помещика. Во многих отношениях доходность имения понизилась, что вполне понятно, раз крестьяне не находились под прессом карательной руки помещика. Это разорение имения дало повод помещику вновь засыпать различные учреждения жалобами на опекунское управление.

Взятием имения в опеку не закончились злоключения крестьян Пауль. Осенью 1841 года Николай I приказал послать надежного штаб-офицера дело сие подробно расследовать и донести лично ему. Результатом этого расследования было предание самого Пауль [1]) военному суду в ноябре 1841 года. Военный суд, тянувшийся до 1846 года, оправдал Пауля, и по его постановлению крестьяне, в свою очередь, были преданы военному суду за неповиновение; в 1848 году состоялся приговор, и крестьяне были вполне оправданы.

Кроме волнения крестьян Пауль, в Калужской губернии в 1840 году известно еще одно волнение, распространившееся на многие имения Жиздринского и Мосальского уездов. Исходным пунктом его послужили события в имении помещицы

---

[1]) В. А. Пауль в то время уже умерла, и имение перешло во владение ее мужа.

Засецкой [1]) Мосальского уезда. Это волнение, возникшее, главным образом, на почве слухов о вызове правительством крепостных крестьян в Бессарабию, находилось в непосредственной связи с неурожаем 1839 и 1840 гг. Хотя нет указаний на какие-либо особые продовольственные затруднения в указанных уездах, тем не менее крестьяне живо чувствовали на себе влияние неурожайного года. По словам жандармского полковника Ахвердова, крестьяне Жиздринского и Мосальского уездов, Калужской губернии, добывали себе средства к существованию в значительной степени посторонними заработками по городам. В 1839 г. эти заработки так сократились, что им пришлось остаться дома. В результате они проедали последние крохи без всяких надежд впереди, ибо всходы весною 1840 года не обещали ничего хорошего. Крепостная масса, тяготившаяся всегда крепостным игом, усиленно жаждала выхода из своего положения, жадно воспринимала распространившиеся весною 1840 г. слухи о том, что правительство особым указом приглашает желающих переселиться в Бессарабию, даруя им свободу от крепостного состояния. Говорили, что шедшим добровольно будет выдана награда, будут даны разные льготы и денежные пособия, несогласных же переселяться повезут насильно. Указ об этом вышел, якобы уже 2 года тому назад, т.-е. в 1838 г., но священники его утаивали. Распространение этих слухов началось приблизительно в апреле со времени возвращения из бегов крестьянина помещицы Засецкой, Данилы Герасимова. Очень вероятно, что, побывав на юге в новороссийских степях, он принял за правительственный указ воззвание одной из новороссийских помещиц, приглашавшей селиться на ее свободных землях с обещанием различных льгот. Забл.-Десятовский, по крайней мере, говорит, что подобное воззвание было, действительно, обнаружено в Калужской губернии при волнении крестьян Засецкой, и оно-то, по его словам, и сыграло роль в событии 9 мая в селе Сильковичах. Еще задолго до 9 мая среди помещичьих крестьян той местности ходил слух, что в этот день, когда в селе Сильковичах бывала большая ярмарка и в нем сходились крестьяне из окружающих имений, кто-то будет объявлять указ о вызове переселенцев в Бессарабию. Действительно, в этот день после обедни, когда большинство собравшихся крестьян было уже

[1]) Ц. Архив М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп., 1840 г., № 231; „Материалы для истории креп. права“, стр. 46. Забл. - Десятовский. „Гр. Киселев и его время“.—т. IV, стр. 324, 326—327.

пьяно, дворовый человек помещика Нарышкина, Ив. Барышев, одетый в казакин, обшитый мишурными галунами, начал рассказывать, что последовал указ, которым призывают помещичьих крестьян к переселению в Кишинев со свободою из помещичьего владения, что он прислан оттуда по воле правительства для приглашения. В несколько минут толпа, окружавшая его, сделалась многочисленной; дабы слова его были более слышны, поставили его на возвышение и он, „держа в руках бумагу, провозглашал свободу и призвание к переселению“. Пристав Горцевич арестовал Барышева и увел в вотчинную контору. Толпа бросилась к конторе, избила до полусмерти пристава, разграбила контору, взяв деньги и вещи, а самого Барышева, освободив, с торжеством посадила на стул и понесла по улице. На радостях было, конечно, немало выпито. Попировав, крестьяне мирно разошлись по домам, не заметив даже, что бурмистр завел Барышева в свою квартиру. Напоив его до бесчувствия, бурмистр вывез Барышева из села тайком и представил начальству. Горцевича также спасли, хотя и в истерзанном виде. Власти реагировали на это событие целым градом репрессий. Николай I приказал предать Барышева военному суду, заранее назначив для него ссылку в крепостные арестанты в Бобруйск. К делу было привлечено много народа. По 27 мая было арестовано 168 чел. из крепостных разных помещиков. Одних арестовывали, других выпускали. Аресты сильно устрашили крестьян. Для караула при арестованных была выслана инвалидная команда из 20 человек и 15 егерей, кроме 50 невооруженных бессрочно отпускных. Были командированы особые чиновники для раз‘яснения ложности слухов; губернатор, лично выехавший в Сильковичи, также внушал крестьянам не верить им; должны были разослать даже печатные об‘явления с опровержением слухов. Для задержки беглецов расставлены были всюду кордоны.

Все эти меры подействовали, и уже 31 мая губернатор мог сообщить, что слухи о вызове в Бессарабию ослабевают.

Движение, охватившее не одно, а несколько имений произошло в 1840 г. также в Моршанском уезде, Тамбовской губернии. Волнение, возникшее здесь в имении Голицына [1]), в селе Сосновке, на почве недовольства продовольственной помощью помещика, перекинулось в другие крепостные имения, забросив зерно брожения даже в среду казенных крестьян.

---

[1]) Ц. Архив. М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп., 1840 г. № 232; „Материалы для ист. креп. права“, стр. 45, 46.

Правда, происходившие при этом беспорядки были быстро прекращены. Но на фоне терпеливого голодания крепостной массы это движение выделяется, как признак общности настроения крепостных крестьян, готовых к протесту против размеров и формы оказываемой им продовольственной помощи.

Продовольственная нужда в 1839—1840 гг. в Тамбовской губернии была очень значительна. Из имений неслись жалобы крестьян, что помещики не снабжают их хлебом. Тамбовский губернатор Корнилов перечисляет 8 таких имений, при чем говорит лишь об одном случае, когда жалоба не подтвердилась. Это брожение среди крестьян осложнялось слухами о даровании воли крепостным тех помещиков, которые не дадут требуемого крестьянами количества хлеба. Правда, пособия, назначенные правительством тамбовским помещикам, а также надежды, возлагаемые на хороший рост яровых и трав, несколько успокаивали население, но все же весною 1840 г. были неоднократные случаи неповиновений, крестьянских жалоб и требований, пред'являемых к помещикам. Так, чиновник министерства внутренних дел, командированный в Тамбовскую губернию, Долгоруков, упоминает о волнении в одном Данковском имении. Крестьяне разбили амбар, выбрали хлеб и самовольно сменили сельских начальников. В Моршанском уезде пример волнения подали крестьяне Голицына в селе Сосновке, где было 1330 душ. В Сосновке крестьяне были довольно состоятельны; некоторые из них занимались извозом, имея 4—5 лошадей. В неурожайный 1839 год помещик оказывал помощь крестьянам, хотя и не в том размере, как это делалось казенным крестьянам [1]). Управляющий выдавал на каждую душу мужского и женского пола по 4 гарнца ржи, 1 четверику овса и 1 четверику мякины. Скот был также на господском корме, за исключением занятого извозом. Выдача эта производилась с октября 1839 г., но в апреле 1840 г. приостановилась из-за оскудения господского запаса. В мае крестьянам попрежнему стали выдавать хлеб, но крестьяне сочли себя обиженными за то, что им не возместили пропуск выдачи за апрель. 6 мая крестьяне потребовали прибавки хлеба; получив отказ, они бросили господские работы, а затем в количестве 100 человек ушли в Моршанск жаловаться на управляющего за его отказ в продовольствии. Крестьяне жаловались, что вы-

[1]) Предписанием министерства государственных имуществ от 25 января 1840 г. и министерства внутренних дел от 20 и 22 мая положено было выдавать нуждающимся крестьянам казенного ведомства, мещанам и отставным солдатам по 30 фунтов хлеба или по 5 гарнцев ржи на душу.

даваемого пайка им не хватает на месяц, и просили выдавать в том же размере, как выдают солдатам. Прибывшая в имение земская полиция арестовала было некоторых крестьян, но крестьяне отбили их. В имение была направлена военная команда и выехал исполняющий должность губернатора, генерал Лешерн. Он признал жалобы крестьян основательными и приказал выдавать на каждую наличную душу мужского и женского пола всех возрастов по 1 четверику ржи в месяц; арестованные до того крестьяне были им освобождены согласно требованию толпы. Все воздействие на крестьян ограничилось поркой нескольких из них, особенно резко настаивавших на выдаче им солдатского пайка. Сделанные уступки успокоили крестьян, и порядок в Сосновке восстановился.

„Сосновская дача", установленная Лешерном сделалась быстро известной во всем Моршанском уезде. Своим размером она превышала паек, установленный правительством для казенных крестьян, и конечно его не достигала продовольственная помощь, оказываемая помещиками своим крестьянам. Среди крестьян началось брожение. Не только помещичьи, но и казенные крестьяне стали требовать „сосновской дачи". В тех имениях, где помещики не увеличили пайка до ее размера, произошли беспорядки, и крестьяне отказывались итти на работы. Губернатор Корнилов лично посетил некоторые имения, внушая крестьянам повиновение помещикам и необходимость довольствоваться тою помощью, которая им оказывалась. На ряду с этим были приняты, конечно, „решительные меры", и беспорядки быстро прекратились. Корнилов отменил распоряжение Лешерна и разрешил управляющему села Сосновки, согласно с его просьбою, выдавать крестьянам вместо ржи соразмерное количество ярового хлеба. Мотивы такого решения были вынуждены отчасти необходимостью. Предыдущие 3-летние неурожаи истощили запасы помещичьего хлеба, и оставшийся озимый хлеб необходимо было сберечь для обсеменения озимых крестьянских и господских полей. Корнилов указывал, что в виду этого невозможно было заставлять помещиков выдавать крестьянам зерновую рожь, ибо сохранение запасов зернового хлеба для посева должно было составлять главную заботу правительства.

В 1840 гр. Строганов, управлявший в то время министерством внутренних дел, секретно дал инструкцию тамбовскому губернатору Корнилову, в случае подобных беспорядков (т.-е. волнений на продовольственной почве), „употреблять преимущественно полицейские исправительные меры, кроме,

однако же, главных зачинщиков неповиновения", если только беспорядки не будут связаны с другими важнейшими преступлениями. Привлекать к суду многих крестьян опасались, „дабы не подвергать имение еще большему разорению излишним в настоящее рабочее время отвлечением крестьян от их занятий". При помощи розог с крестьянами расправлялись быстро, не отвлекая их от работ. Наезд же следственной комиссии, земского суда и различных чиновников, допросы крестьян, аресты виновных, а в случае предания крестьян военному суду постой военной команды не только отвлекали рабочие силы от господских и крестьянских работ, но и разоряли имения. Таким образом, экономические соображения научили правительство воздействовать на крестьян не только тяжестью кулака; напротив, стали опасаться злоупотреблять им.

В 1840 г. известно еще одно волнение в селе Вышгороде, помещика Нарышкина [1]), Рязанской губ.

Волнения, происходившие в 1840 г., конечно, не исчерпываются описанными случаями. Губернаторы не считали нужным сообщать в министерство внутренних дел о маловажных, по их мнению, случаях неповиновения крестьян, да и сам гр. Строганов не склонен был обращать внимание на все случаи замешательства в помещичьих имениях. Так, он докладывал в начале августа, что в Тамбовской губернии „народ продолжает оставаться совершенно спокойным", в то время как в рапорте флигель-ад'ютанта кн. Васильчикова за этим утверждением шло характерное добавление: „Если и бывают иногда некоторые частные беспокойства, то таковые, впрочем, самые маловажные, происходят в отказе крестьянами итти на господскую работу, требуя продовольствия. Все сии случаи разбираются в ту же минуту местными начальниками и вслед за сим восстановляется в сих имениях порядок". Губернатор же несколькими днями позднее уверял, что Тамбовская губерния „пользуется совершенным спокойствием. Помещики везде кормят крестьян своих и со стороны сих последних никакого ропота или волнения не видно" [2]).

---

[1]) Ц. Архив. М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп., 1841 г. № 234; „Материалы для ист. креп. права", стр. 59, 60; Повалишин. „Рязанские помещики и их крепостные", стр. 249—255.

[2]) В этой же Тамбовской губернии, по указанию Заблоцкого-Десятовского, „во время пребывания управляющего министерством внутренних дел в Тамбове, несколько тысяч помещичьих крестьян шли в город, но были остановлены местным начальством и сворочены в сторону обещанием удовлетворить их просьбы". Забл.-Десятовский „Гр. Киселев и его время", т. IV, стр. 302.

В ряду продовольственных волнений волнения 1842 г. занимают, как было указано, совершенно особое место. 1842-й г., как и предыдущий 1841-й, относятся к более или менее благополучным годам николаевского царствования. В 1841 г. только в пяти губерниях и одной области урожай признавался скудным, а в 1842 г. в 4-х губерниях жатва была недостаточной и в некоторых губерниях замечался местный недостаток продовольствия. Однако, и в указанном году известно 8 волнений, связанных с продовольственными затруднениями в помещичьих имениях [1]). Об'яснять эти волнения исключительно влиянием предыдущих неурожаев 1839—40 гг. не приходится, хотя, несомненно продовольственная нужда, как результат последовательных двухлетних неурожаев, чувствовалась местами очень сильно. Эти волнения в значительной степени об'ясняются ложными слухами среди крепостных в 1842 г. по поводу указа 2 апреля об обязанных крестьянах. Как известно, в связи с выходом этого указа, в народе распространились слухи о даровании воли, при чем во многих местах народные толки считали принесение жалоб на помещиков непременным условием ее получения. Этим об'ясняется обилие жалоб крестьян и сравнительно большое количество волнений в 1842 г. В частности, населению, находившемуся еще под влиянием неурожаев 1839—40 гг., естественно было жаловаться прежде всего на недостаток продовольствия тем более, что крестьяне были убеждены в ответственности помещиков за непродовольствие крепостных вплоть до лишения их права владеть ими. По этим соображениям количество волнений на продовольственной почве в 1842 г., превышающее их количество в такие неурожайные годы, как 1833—34 гг. и 1839—40 гг., нужно об'яснять не столько неурожаями предыдущих лет, сколько влиянием слухов по поводу указа 2 апреля 1842 г. Одни уже слухи о воле и о благожелательном отношении правительства к крестьянским жалобам на помещиков придавали смелость крестьянам, до того покорно сносившим продовольственную нужду, подавать соответствующие жалобы на помещиков и подкреплять их отказами от повиновения.

---

[1]) В губерниях: Костромской, Новгородской, Нижегородской, Пензенской, Полтавской и Саратовской. Кроме того, в Смоленской губ., в некоторых имениях, крестьяне самовольно отлучались и толпами в 15—40 человек являлись в Смоленск к губернатору, жалуясь на недостаток продовольствия.

После 1842 г. продовольственных волнений в царствование Николая I почти неизвестно. За все последующие 12 лет (с 1841 по 1854 г.) известно лишь четыре волнения, где продовольственная нужда играла более или менее значительную роль в ряде причин, вызывавших брожение среди крестьян. Совершенно особое место занимает крупное массовое волнение на продовольственной почве в конце 40-х годов,—волнение, охватившее крепостное население 3-х уездов и приковавшее к себе внимание не только местных, но и центральных властей. Это было известное движение витебских крестьян в 1847 году, снявшихся с родных мест в поисках за волею и продовольственною помощью [1]). Оно было серьезным предостережением для правительства, но само по себе носило чисто местный характер и, не поддержанное остальною крепостною массою, быстро замерло под давлением правительственных репрессий.

Бросая общий взгляд на продовольственные волнения крестьян при Николае I, можно сказать, что характер их с течением времени несколько изменился, отразив на себе изменение отношения крепостных к своему положению и к помещикам. Волнения 1833—34 гг. были крайне разрознены и незначительны, при чем формы их были чрезвычайно мирны. В волнениях 1839 и 40-х годов на ряду с прежними встречаются новые черты, новые настроения. Крестьяне становятся более требовательными, не удовлетворяясь теми крохами, которые кидали им помещики во время голодовок. На ряду с повышенною требовательностью замечается рост враждебности к помещикам, что делалось в то время уже бытовым явлением крепостной жизни. „Отношение помещичьих крестьян к своим помещикам,—писал тамбовский губернатор Корнилов Строганову в июне 1840 г.,—изменяются видимо и постепенно становятся жесткими и неприязненными; впрочем,—успокаивал Корнилов,—это изменение не достигло еще той степени зрелости, чтобы без крайних и неожиданных причин можно было ожидать общего возмущения“ [2]). Наиболее же тревожным и важным для правительства фактом были элементы солидарного выступления крепостных, выставлявших, несмотря на внешнюю разобщенность имений, одни и те же требования, одинаково реагировавших на создавшееся положение.

---

[1]) См. статью: „Основные черты крестьянских волнений перед освобождением“.

[2]) Ц. Архив. М. Вн. Д. Деп. Пол. Исп., 1840 г. № 232.

Крестьян об'единяет уже не только продовольственная нужда, но и восприимчивость к слухам о воле, которые все чаще и чаще волновали крепостную массу.

„Мысль о свободе между помещичьими крестьянами,— писал тот же Корнилов Строганову, — не есть случайная, происходящая от каких-либо посторонних обстоятельств или внушений неблагонамеренных людей, а *общая, постоянная*, которая проистекает из самого круга законом постановленных прав и обязанностей помещика и отношений его к крестьянам и развилась постепенно действием времени, выражается при всяком случае и при всяком необыкновенном случае. Таким образом, при холере крестьяне обвиняли своих помещиков, что они отравляют ручьи и источники; во время бывших в прошедшем году пожаров, что они умышленно и нарочно зажигают свои собственные деревни, которые должны поступать в казну и которых они не хотят отдать государю; наконец, при настоящих обстоятельствах, когда умы всех поражены были опасением голода, они стали требовать хлеба и надеялись, что если помещики им не дадут требуемого количества, то *их возьмут в казну и они будут вольными*. Это стремление может быть совершенно уничтожено не иначе, как разве только с изменением прав помещика и крестьянина; удержать его в пределах обществ·нной тишины и спокойствия есть дело местного начальства“.

Таким образом, все эти продовольственные волнения не представляли непосредственной опасности для правительства. Опасны же они были, как и все волнения этой эпохи, лишь как симптомы растущего народного раздражения. С этой точки зрения с ними и считалось правительство. Несмотря на ничтожные размеры продовольственных волнений, крестьяне, сами того не зная, своими единичными, разрозненными выступлениями направляли правительственную политику в продовольственном вопросе, заставляя правительство и дворянство, из страха перед возможностью более крупных волнений, не только принимать энергичные продовольственные меры в частных случаях, но и изменять соответственным образом продовольственную организацию в целом. В этом отношении удельный вес продовольственных волнений определяется не фактической силой и упорством крестьян, распространенностью волнений и их количеством, а силою страха правительства и помещиков перед возможностью народного восстания, хотя бы на почве голода.

V.

Ознакомившись с отношением правительства, дворянства и крестьян к продовольственному вопросу в помещичьих имениях, можно сделать некоторые выводы, насколько выгодна была для них та организация продовольственной помощи, которая существовала в крепостное время.

Переложение на помещиков забот о продовольствии крепостных, несомненно, должно было приносить значительные финансовые облегчения правительству. Но в то же время непосильность продовольственной обязанности для дворянства и крестьянские волнения из-за недостаточной помощи при продовольственной и семенной нужде заставляли правительство вмешиваться в организацию продовольствия помещичьих крестьян и принимать на себя в той или другой форме все большую и большую часть расходов по продовольствию крепостных крестьян. Возраставшие затраты правительства на продовольствие помещичьих крестьян имели тенденцию постепенно сделать обязанность помещиков кормить крестьян—ненужною фикцией.

Затрачивая громадные средства на продовольствие помещичьих крестьян, правительство было стеснено в распоряжении ими и организации продовольственной помощи существованием крепостного права. Между правительством и крепостными крестьянами стоял помещик, неприкосновенность власти которого правительство считало своей обязанностью охранять всеми доступными средствами. Во имя охраны престижа помещичьей власти, правительство должно было отказываться от должного контроля над расходованием сумм, раздаваемых в пособие помещикам, в добросовестности которых имело полное основание сомневаться; во имя той же охраны оно не могло вмешиваться в организацию продовольственной помощи крестьянам внутри имения.

Обязанность помещиков продовольствовать крестьян постепенно делалась вредной с точки зрения общественного спокойствия и порядка, давая лишний повод к нарушению крестьянами повиновения помещичьей власти. Во имя поддержания безусловного повиновения крестьян их владельцам, правительство приходило к сознанию необходимости или отстранить помещиков от продовольственной помощи их крепостным или скрывать от крестьян ее обязательность для помещиков.

Таким образом, финансовые соображения и интересы общественного спокойствия и порядка толкали правительство на путь самостоятельной продовольственной помощи крепостным

крестьянам и освобождения помещиков от обязанности продовольствовать своих крестьян. Но на этом пути правительство встречало препятствие в виде крепостного права, без нарушения которого нельзя было свободно организовать продовольственную помощь населению. Поэтому продовольственные затруднения, с которыми приходилось энергично бороться правительству в царствование Николая I, должны были постепенно убеждать правительство, что крепостное право служит препятствием правильной постановке продовольственного дела в России, устранить которое необходимо для целесообразного разрешения продовольственного вопроса.

С другой стороны, организация продовольственной помощи крепостным крестьянам была крайне невыгодна и дворянству. Возможность избавиться от разорительной обязанности кормить крестьян во время неурожаев и оказывать им помощь в несчастных случаях могла до некоторой степени мирить помещиков с уничтожением крепостного права.

Мало выигрывали и крестьяне от существования обязанности помещиков оказывать им продовольственную помощь. Дворянство, не имея средств или не желая продовольствовать крестьян, рассчитывало на правительственную помощь. Правительство, со своей стороны, требуя от помещиков исполнения продовольственной обязанности, старалось ограничивать свою помощь крепостным крестьянам случаями только крайней необходимости. В результате крепостные крестьяне сплошь и рядом оказывались предоставленными всем ужасам голодного существования, не получая ни откуда помощи. При таких условиях—продовольственных злоупотреблениях помещиков и непосредственности продовольственной помощи вообще—потеря помещичьей помощи с уничтожением крепостного права делалась для крестьян мало чувствительной. Те блага, которые крестьяне должны были получить с уничтожением крепостного права, были неоценимы в сравнении с неопределенною и нередко недостаточною помощью помещиков своим крестьянам при неурожаях и в несчастных случаях.

Из вышеизложенного видно, что затруднения, испытываемые правительством, дворянством и крестьянством при продовольственной организации в крепостное время, заставляли все три заинтересованные стороны видеть в уничтожении крепостного права первый шаг к правильному разрешению продовольственных затруднений. С этой точки зрения продовольственный вопрос необходимо должен считаться одним из важных факторов, подготовивших падение крепостного права.

Основные черты крестьянских волнений перед освобождением [1].

В истории крестьянской реформы руководящую роль играло отношение самой крепостной массы к крепостному праву. Крепостные далеко не были безгласным, покорным „быдлом“, над которым дворянство и правительство безнаказанно могли производить эксперименты в экономической, правовой и других областях. Крепостная масса определенно и энергично протестовала против крепостных отношений как в целом, так и против частных проявлений крепостного права. Разрозненная, бесправная, безгласная, крепостная масса, будучи поставлена в одинаковые условия существования, подчиненная действию одинаковых причин, проявляла себя неизбежно в одинаковых действиях, и последние-то, складываясь независимо от производящих их единиц и отдельных групп крестьян, составляли тот грозный „глас народный“, к которому внимательно прислушивалось правительство и который все сильнее и сильнее нервировал дворянство. Репрессии, к которым, не скупясь, прибегали как правительство, так и помещики, не могли остановить рост народного протеста. Для правительства и дворянства все более и более выяснялась необходимость искать других путей для борьбы с народным недовольством. Не даром Николай I и Александр II определенно заявляли о преимуществах переворота сверху, чем по инициативе снизу, т.-е. самих крепостных масс. Им, внимательно следившим за проявлениями народного протеста, не могла не становиться очевидной все большая и большая возбудимость крепостных масс, способность их к одинаковым действиям даже без налич-

[1]) Настоящая статья составлена на основании подлинных дел, хранящихся в архиве б. мин. внутр. дел. Привлечены кроме того печатные материалы, исследования, воспоминания и пр. Впервые статья эта была напечатана в сб. „Великая Реформа“ под ред. Дживелегова, Мельгунова и Пичета, т. III.

ности об'единяющего центра или вождя. Массовые движения 1854, 1855 и 1856 гг. учтены были высшим правительством именно в этом смысле и были одним из решающих факторов, побудивших правительство энергично приступить к реформе крепостного быта.

В виду такого значения народного „языка фактов" в истории крестьянской реформы необходимо было бы уделить значительное внимание изучению различных форм протеста крепостных против своего положения. При этом необходимо отметить и помнить, что вряд ли одна какая-либо группа народных протестов имела здесь первенствующее значение, будут ли то массовые волнения, побеги, насилия над личностями представителей помещичьей власти и т. п. Важнее была общая линия поведения народных масс, тот „дух недовольства" и вражды, которым был пропитан мир крепостных отношений и отравлял существование помещиков. Для того, чтобы помнить роль самих крепостных масс в истории крестьянской реформы, нужно было бы выяснить картину всего противокрепостного движения среди крестьян, выяснить характер крепостных отношений между помещиками и крестьянами перед реформою. В данном очерке мы останавливаемся лишь на массовых протестах, где участвовали не единичные личности, а группы крестьян, причем и здесь мы отграничиваем себе лишь область тех крестьянских движений, которые на официальном и общепринятом языке именуются крестьянскими волнениями. Под этим термином мы разумеем неповиновение помещичьей или правительственной власти, оказываемое более или менее значительной группой крестьян и представляющее по юридическому существу своему нарушение целыми группами крестьян законов, регулирующих крепостные отношения. Эти неповиновения были крайне разнообразными по своей форме, но всегда сопровождались нарушением обычного течения крепостной жизни в данном селении, имении или даже большем районе. Иногда волнение выражалось лишь в массовой отлучке из имения с целью принести местному или губернскому начальству жалобу на помещика или вотчинные власти. Иногда это было лишь ослушание помещичьей власти, „неповиновение" в прямом смысле этого слова. В иных случаях крестьяне выступали более активно и самостоятельно, внося изменение в крепостной уклад жизни сообразно своим взглядам и понятиям. Сюда относятся смена вотчинных начальников, суд над ними, самообложение, иногда самостоятельная организация самоуправления, самовольное распоряжение господским имуществом и

т. п. действия, которые могут быть обозначены одним словом—самоуправство. Нечего и говорить, что одно и то же волнение может принадлежать одновременно к той и другой форме волнений, и эти два вида нарушений спокойствия в помещичьих имениях составляют собственно лишь две формы волнений внутри крепостной ячейки. Но поскольку крепостные отношения пользовались защитою и контролем правительственной власти, почти при каждом таком волнении крестьянам приходилось так или иначе соприкасаться с правительственными властями. Несомненно, что лишь немногие внутреннекрепостные волнения могли прекращаться силою самой помещичьей власти. По отношению к неповиновениям и буйству отдельных личностей при условии покорности всей крепостной массы, помещик мог, конечно, сам прекращать неповиновение. Но если неповиновение и самоуправство принимали массовый характер, то помещик большею частью обращался к правительственным властям с просьбою о содействии усмирению.

Сравнительно очень незначительное количество волнений, сведения о которых доходили до центральных властей, прекращалось при первом же вмешательстве местных и губернских властей, в форме „убеждений“, „внушений“ и других „кротких“ мер. Обыкновенно крестьяне делались виновными в непокорстве правительственным властям, ибо большею частью „упорствовали“ при убеждениях, пока к ним не применяли более суровых мер воздействия, в виде порки, арестов, тюремного заключения, предания суду общегражданскому или военному, вплоть до воздействия военною силою, начиная с простого ввода военных команд и их постоя и кончая расстрелом толпы огнестрельным оружием. При этом простое „упорство“, требованиям правительственной власти подчиниться крепостным законам и обычаям нужно отличать от неповиновения правительственной власти, когда крестьяне от выдержанного, спокойного отказа подчиниться распоряжениям помещика или вотчинных властей переходили к актам неповиновения и даже буйства против правительственных властей, как таковых. В таких случаях волнение из круга внутреннекрепостных отношений переходило в область политических отношений, выливаясь в различные формы неповиновения правительственным властям. Если такого рода неповиновения сопровождались столкновениями с военными командами, то неповиновения переходили в бунты. Если же эти бунты охватывали большие массы народа, об'единялись единством цели

и действий, сопровождались отказом от какого бы то ни было повиновения существующим правительственным властям и крепостные массы отлагались, так сказать, от подчинения существующей политической системе, то такой бунт переходил в восстание. Забежим немного вперед и теперь же скажем, что во вторую четверть XIX века таких восстаний неизвестно, а бунтов было крайне незначительное число.

Сделав несколько общих замечаний о сущности и формах крестьянских волнений, перейдем к фактической стороне и ознакомимся с ростом, формами и причинами волнений в последние 35 лет существования крепостного права, а именно от 1826 по 1861 г.

Этот период достаточно обширен, чтобы можно было судить о роли и значении крестьянских волнений и даже уловить изменение в характере их. При этом должно отметить, что этот период резко распадается на николаевскую эпоху и эпоху выработки крестьянской реформы, при чем первые годы царствования Александра II занимают промежуточное положение; когда начались новые веяния, крестьянство было полно ожиданий, и различные слухи о воле широко циркулировали среди него. Остановимся теперь на николаевской эпохе, этом специфически крепостном времени.

Благодаря тому, что провинциальные архивы до сих пор разработаны крайне мало, волнения известны, главным образом, по сведениям, доставлявшимся в министерство вн. дел. Понятно, губернаторы доносили далеко не о всех волнениях, а лишь о более выдающихся. Благодаря этому количество *известных* случаев волнений далеко еще не говорит о действительном их количестве, но зато мы можем сказать с большею или меньшею вероятностью, что наиболее крупные волнения нам известны. К сожалению, многие из этих волнений известны нам лишь по фамилии владельца имения и по губернии, ибо многие из дел о крестьянских волнениях уничтожены и безвозвратно погибли для истории. Особенно сильное опустошение произведено в делах, относящихся к началу 50-х годов. Период времени от 1850—1853 года и некоторые годы из 30-х и 40-х годов и теперь известны почти исключительно по официальным отчетам м-ва вн. дел. Отчеты же эти страдают неполнотою сведений, лишающей возможности уловить действительный характер волнений; к тому же в эти отчеты нередко вкрадывались крупные ошибки. Лишь разработка местных провинциальных архивов и некоторых центральных

поможет, быть может, восстановить этот пробел в истории крестьянских волнений.

Волнения, известные в той или другой мере за период времени от 1826 по 1854 г., происходили в 712 имениях [1]), т.-е., ежегодно в среднем волновалось по 24 имения. Эти волнения происходили в 43 губерниях, при чем на каждую губернию в среднем приходится более 16 волнующихся имений. В Саратовской же губ., например, было более 40 волнений. Эта цифра об'ясняется наличностью исследования Мордовцева, использовавшего многие дела архива саратовского губернского правления, в силу чего сведения о волнениях в Саратовской губернии отличаются большою полнотою. Вообще же можно отметить, что от 31 до 40 волнений было только в 3 губерниях, от 21 до 30 волнений—в 6 губерниях, от 11 до 20—в 17 и до 10 волнений—в 16 губерниях.

За этот промежуток времени за время от 1826 по 1829 гг. было 88 волнений, от 1830—34 гг.—60, в 1835—39 гг.—78, в 1840—44 гг.—138 волнений, в пятилетие от 1845 по 1849 гг. количество волнений повысилось до 207 и, наконец, в пятилетие 1850—54 гг. упало до 141. Из этих цифр видно, что, за исключением четырехлетия от 1826 по 29 гг., когда на количество волнений сильно повлиял первый год царствования Николая I, обильный волнениями отчасти по поводу слухов о воле,—количество волнений растет до конца 40-х годов и затем резко падает в первое пятилетие 50-х годов. К этому факту падения нужно относиться с большою осторожностью и по некоторым соображениям можно предположить, что это уменьшение лишь кажущееся.

Во-первых, пятилетие 1845—49 гг. приходится признать исключительным. В эти годы в юго- и северо-западном крае усиленно шла подготовка инвентарей, а в юго-западных губерниях произошло и самое введение нового инвентарного положения. В эти же годы в указанных губерниях было заметно влияние галицийских событий 1846 г., и до них доходили волны польской демократической агитации. В 1844 г.

[1]) Приведенные выводы сделаны на основании подлинных дел, хранящихся в архиве б. мин. внутр. дел, отчетов мин. внутр. дел за 1836—54 гг. („Мат. для ист. креп. права") и „Истории министерства внутр. дел" Варадинова (т. III, кн. 1—4), составленной также на основании подлинных дел, многие из которых в настоящее время в архиве мин. внутр. дел уже уничтожены. Некоторые факты почерпнуты из местных исследований Повалишина, Мордовцева, Снежневского и др., из воспоминаний современников и т. д.

в Западном крае казенные крестьяне были переведены с барщины на оброк, что вызвало соответствующие ожидания и среди помещичьих крестьян. Все эти обстоятельства порождали ряд слухов и волнений. Действительно, четвертая часть (50) волнений за указанный период приходится на юго- и северо-западный край. В юго-западных губерниях, например, количество волнений в это пятилетие резко повысилось сравнительно с предыдущим. С 7 количество волнений поднялось до 26, т.-е. увеличилось почти в 4 раза. Зато в следующее пятилетие (1850—54 гг.) в этом районе не зарегистрировано ни одного волнения. Введение инвентарей здесь, при всех их недостатках, все же несколько улучшило положение крепостных, что и делает понятным отсутствие волнений среди них в следующее пятилетие. Слухи по поводу перевода казенных крестьян на оброк вызвали в северо-западном крае волнения в 7 имениях.

С другой стороны в это же пятилетие был объявлен, а затем в 1849 г. негласно отменен указ 8 ноября 1847 г. о праве крестьян выкупаться при продаже имения с аукционного торга. Этот эпизод николаевского законодательства также послужил причиной ряда волнений в различных губерниях. Более или менее значительные беспорядки по этому поводу известны в 21 имении; кроме того в 5 имениях отмечено влияние слухов по поводу этого указа. В следующее пятилетие известно уже только одно волнение по поводу указа 8 ноября, хотя, быть может, это зависит и от недостатка сведений. Наконец, на эти годы падает сильное оживление в правительственных и дворянских кругах в области крестьянского вопроса, что претворялось в крестьянской среде в обилие слухов о воле, а это в свою очередь оживляло крестьянские надежды, выводило их из инертного состояния и побуждало к борьбе за свои права. Таким образом в это пятилетие можно отметить ряд специфических причин, повлекших за собою обильные волнения, причин,—которые перестали действовать в последующее пятилетие и отсутствовали в предыдущее. Пятилетие же 1850—54 гг., наоборот, отличается глухой реакцией в крестьянском вопросе, что могло вызвать уменьшение слухов о воле среди крепостных. Кроме того, цифра волнений за это пятилетие отличается из-за недостатка сведений большою неполнотою, сравнительно с цифрами за предыдущие пятилетия. Если же мы даже эту неполную цифру сравним с количеством волнений за 1840—44 гг., то мы все же должны будем отметить некоторое увеличение количества их. Некоторые же

современники (напр., Самарин, Славутинский) положительно свидетельствуют, что количество волнений возросло именно в последнее 10-летие перед приступом к реформе, т.-е. и в указанное пятилетие.

Если же мы расположим волнения по 10-летиям, то увеличение числа их резко обозначится, а именно:

с 1826 по 1834 г. было 148 волнений,
„ 1835 „ 1844 г. „ 216 „
„ 1845 „ 1854 г. „ 348 „

Из приведенных фактов явствует, что волнения ко времени реформы участились [1]). При этом можно отметить любопытное явление. В круг волнений все с большею силою захватываются черноземные местности с сильно развитою барщинною системою. Особенно это заметно в левобережной Малороссии. Как известно, там экономическое положение населения было крайне тяжелым, и эксплоатация крепостного труда делалась все интенсивнее и интенсивнее. Как бы в соответствии с этим, растут и крестьянские волнения в этих губерниях. Так, еще в четырехлетие 1826—29 г. левобережная Украина дала только 1 волнение, в следующие 2 пятилетия—по 6, затем количество волнующихся имений растет, давая цифры 9, 18, несколько падая в последнее пятилетие (14 имений). Новороссийские степные губернии вступают в круг волнений лишь со второй половины 30 годов, причем опять-таки количество волнений последовательно растет до конца 40 х годов и несколько падает в 50-х годах. Восточные степные губернии выступают на арену волнений лишь в 40 годах. Этот последовательный рост менее всего заметен в поволжских губерниях, но это нужно считать скорее результатом недостатка сведений о волнениях. До начала 40-х годов многие сведения о волнениях в Саратовской губ. почерпнуты из книги Мордовцева „Накануне воли“, но автор, к сожалению, довел свой труд лишь до начала 40-х годов. По этой причине сведения конца 40-х и начала 50-х годов менее полны, чем сведения предыдущих пятилетий. Но и вышеприведенные факты указывают на связь роста крестьянских волнений с ростом экономической эксплоатации крестьян в черноземных барщинных местностях.

---

[1]) В период от 1855 по 1861 г. (до 19 февраля) было 474 волнения, т.-е. количество их в последнее пятилетие перед реформой увеличилось сравнительно с предыдущим 10-летием на 36%. Всего с 1826 по 1861 г. насчитывается 1186 волнений.

Эта зависимость крестьянских волнений от экономического положения населения станет яснее, если мы бросим хотя бы беглый взгляд на причины волнений. При этом нужно заметить, что почти в каждом волнении, о котором есть более или менее подробные сведения, можно найти целый комплекс причин; выделить же из них главную крайне трудно, а иногда и невозможно по односторонности и неполноте материалов. Можно лишь констатировать наличность тех или других причин и лишь с большею или меньшею вероятностью заключать о преобладании определенной причины. Из 423 имений, причины волнений в которых более или менее известны, в половине из них (210) причинами было стремление крестьян,—на основании ли слухов о воле или же на основании ложных или действительных прав на волю,—освободиться от крепостной зависимости. Частные стороны крепостного права и крепостных отношений служили причинами в 398 имениях, т.-е. почти в $^3/_4$ имений. Сложение этих цифр само по себе указывает, что в некоторых волнениях эти два рода причин сосуществовали; на ряду с недовольством крестьян и протестом их против тех или других сторон крепостной жизни, они стремились освободиться от крепостной зависимости на каких-либо, по их мнению, законных основаниях. В имениях второй группы мы можем различать волнения, вызванные экономическими причинами, и волнения, имеющие основанием правовые взгляды крестьян, разврат помещиков, суровое обращение и т. п. Экономические причины отмечены в 208 волнениях, т.-е. эта группа волнений равняется группе, связанной со стремлением крестьян к воле. Среди этих экономических причин наибольшее количество волнений (47) вызвала барщина; сюда же нужно отнести 9 волнений, вызванных переводом крестьян на барщину, и к этой же группе, вероятно, нужно отнести те волнения, где причиною служило „обременение работами“ (39 имений). Следовательно барщинные работы вызвали волнения всего в 95 имениях, что составляет 44% тех волнений, в которых отмечены экономические причины. Оброчная система служила причиною волнений в 26 имениях, а различные меры изыскания оброчной недоимки—в 9 имениях. Немало страдали крестьяне и от продовольственной нужды, которая вызвала волнения в 30 имениях. Переселение крестьян дали 17 волнений, и, наконец, уменьшение количества крестьянской земли послужило причиною волнений в 13 имениях. Приведенные цифры, думается, подтверждают связь волнений с экономическими причинами и громадное значение барщинной системы в истории крестьян-

ских волнений. Можно сказать, что экономическая история быта помещичьих крестьян нашла себе точное и верное отражение в крестьянских волнениях. Крестьяне реагировали почти на все тяжелые стороны экономического быта, и в этом отношении история крестьянских волнений может служить дополнением и яркой иллюстрацией к истории экономического быта крепостного населения и развития помещичьего хозяйства во второй четверти XIX века.

Выше было указано на несомненный факт учащенности волнений по мере приближения к эпохе крестьянской реформы. Но самая учащенность еще ничего не говорит о силе волнений, об упорстве крестьян и о степени роста сознательности и солидарности, проявляемых крестьянами во время волнений. В этом отношении волнения разбираемого периода не обнаруживают никакого усиления. Мы не будем останавливаться на фактах неповиновения помещикам и вотчинным властям. Заметим лишь, что наиболее частыми формами неповиновения был отказ от работ, от платежа оброка или вообще от повинностей. Отметим любопытный факт, что в 12 имениях крестьяне отказывались не только от господских работ, но и от обработки крестьянских полей. О силе волнения дают больше данных случаи самоуправств, сведение о которых отмечены в 208 имениях.

Судя по этим сведениям (а наиболее крупные волнения, как сказано, вероятно, попали сюда), волнения, даже по отношению к крепостным порядкам, отличались мирными формами. Отметим некоторые факты. За все 29 лет лишь в 22 имениях крестьяне сменили вотчинных начальников, а в 11 установили самоуправление. Насильственные же действия против вотчинных властей отмечены в 24 имениях, угрозы и буйство против них—в 9 имениях; против же самого помещика (или помещицы) насильственные действия встретились лишь в 3 имениях, а угрозы и буйство—в 8. Замечательно, что за все 29 лет лишь в 9 имениях крестьяне самовольно распорядились господским имуществом.

Если мы возьмем другую мерку для силы крестьянских волнений, а именно силу упорства крестьян при усмирениях и силу сопротивления правительственным властям, то придется также констатировать относительную мирность крестьянских волнений. Случаи пассивного сопротивления, т.-е. упорства в неповиновении помещичьей власти, несмотря на вмешательство правительственных властей, можно отметить в значительной группе волнений. Но уже упорство при постое военной

команды встречается лишь в 9 имениях. Неповиновение местным властям отмечены в 80 имениях, губернским властям—лишь в 4, губернаторам—в 6 имениях, и особо командированным чиновникам от высшей власти (здесь разумеются, главным образом, флигель-ад'ютанты, посылавшиеся Николаем I для усмирения крестьян в выдающихся случаях волнений)—в 7 имениях. Для характеристики мирности крестьянских волнений достаточно указать тот факт, что из 271 имения, о которых по данному вопросу имеются сведения, лишь в 34 было оказано какое бы то ни было сопротивление военным командам; вооруженные же столкновения с ними произошли лишь в 8 имениях за все 29 лет, при чем 5 случаев относятся к 20-м и к началу 30-х годов. Лишь в 2 имениях крестьяне сами произвели нападение на военную команду. Буйство и грубость против чиновников встретились в 15 имениях, а насильственные действия против них—в 10 имениях.

Несколько более серьезную картину дают способы усмирения крестьян, но к этому показателю нужно относиться с крайнею осторожностью, ибо он, по крайней мере, с равным правом может служить показателем отношения самого правительства к крестьянским волнениям—в сторону ли репрессии или же в сторону более мягкого отношения к волнующимся. Обильные и сильные волнения крестьян в 1826 г., как известно, побудили Николая I усилить репрессии против крестьян, что, впрочем, не мешало императору делать, с другой стороны, попытки облегчить и улучшить положение крепостных крестьян. Именно в этом году были установлены военные суды для крестьян, виновных в неповиновении помещичьей власти; эти суды составлялись наполовину из гражданских чинов, наполовину из военных, при чем губернаторы имели право утверждать приговоры, если к телесным наказаниям присуждалось не более 9 человек; в противном случае приговор представляли через министра внутренних дел и комитет министров на утверждение государя. За все 29 лет известно 80 случаев предания крестьян такого рода военным судам, при чем большая половина их относится к периоду 1826—1834 гг.

Уже в конце 30-х годов известно лишь 12 случаев предания военному суду, а в половине 50-х годов известно лишь 3 подобных случая. Но это отнюдь не значит, чтобы в 20-х и 30-х годах волнения были сильнее и требовали более суровых и быстрых наказаний. Нет, вакханалия военных судов вполне объясняется ретивостью местной администрации в применении данного им репрессивного средства против крестьян и склон-

ностью самого Николая I воздействовать на крестьян репрессиями. По крайней мере, именно к 30-му году относится его известное распоряжение подавлять волнение силою (под чем разумелась военная сила). Военные команды за этот период времени были введены, правда, в 259 имениях. Но применить огнестрельное оружие пришлось за 29 лет только в 4 случаях, при чем 2 из них относятся к концу 20-х годов; холодное оружие пустили в ход в 4 имениях. Не останавливаясь на других средствах усмирения, мы отмечаем эти факты для характеристики, с одной стороны, силы правительственных репрессий, а с другой—слабости крестьянского сопротивления и упорства.

Но если, повидимому, волнения крепостных не отличались силою, и неповиновения быстро прекращались без резкого сопротивления со стороны крестьян, то нельзя не отметить, что, быстро потухая, эти вспышки нередко возобновлялись. Несмотря на неполноту имеющегося материала, можно указать на 68 имений, где волнения повторялись от 2 до 5 раз, при чем в счет введены лишь те имения, где вспышки волнений повторялись не в один и тот же год. Иногда эти вспышки отделялись одна от другой несколькими годами, иногда повторялись из года в год, а в промежутках крестьяне были в брожении, не обнаруживая открытого неповиновения или какихлибо самоуправств, но и не будучи „в обычном повиновении". Это состояние брожения бывало до того невыгодным для помещиков, что нередко, пробившись с подобным имением более или менее продолжительное время, помещик или продавал имение в другие руки, либо обращался с просьбою к правительству о покупке имения в казну. В одном случае такого рода волнение тянулось 37 лет (с 1811 г. по 1848 г., имение Закашевской, Волынской губ.), в течение какового времени крестьяне более или менее сильно волновались 5 раз; имение переходило от помещика к помещику, и, в конце концов, в 40-х годах владельцы, в руки которых досталось разоренное таким волнением имение, просили правительство купить его в казну; кажется, покупка не состоялась, и волнение прекратилось само собою с введением инвентарей 1848 года. Не обременяя читателя подробностями, укажем лишь, что таких затяжных волнений, продолжавшихся в общей сложности от 10 до 30 лет, известно в николаевское время в 14 имениях, в 29 имениях они длились от 3 до 9 лет, и в 24-х имениях—в течение 2-х лет.

Повторяемость отдельных вспышек волнения не составляет еще существенного признака затяжного волнения. В некоторых

случаях крестьяне открыто не повиновались лишь один раз, и это волнение было быстро подавлено. Но, несмотря на внешнюю покорность наличного населения, в имении и после усмирения не было „обычного повиновения“, „обычного спокойствия“. Крестьяне разбегались, деревни постепенно пустели и как бы вымирали, что, конечно, вело к полнейшему разорению помещика. Иногда крестьяне оставались в родных местах, но „дух неповиновения“, враждебность к помещику, мелкая неисполнительность и небрежность к господским повинностям были так велики, что помещики, не имея оснований жаловаться на неповиновение крестьян и требовать усмирения, в то же время не имели возможности заставить крестьян повиноваться себе; в конце концов, помещик тем или иным путем стремился освободиться от подобного неспокойного имения.

Известен и другой тип затяжного брожения, когда формально крестьяне все время повиновались и не давали повода администрации вмешаться во внутренние отношения между помещиками и крестьянами. Но в то же время „дух неповиновения“ в крестьянах был так велик, мелкие столкновения были так часты и так невыгодно отражались на помещичьем хозяйстве, что помещики обращались с просьбами об усмирении к правительственным властям, просили о вводе военной команды, о военном суде. Однако, несмотря на всю снисходительность администрации к помещикам в подобных случаях и готовность поддержать авторитет помещичьей власти, помещики получали иногда отказ за отсутствием какого-либо повода для применения репрессии. Ко времени реформы этот „дух недовольства“ все чаще и чаще становился обычным состоянием отношений крестьян к своим помещикам, и уже на этой почве все чаще и чаще вспыхивали отдельные случаи неповиновений. Повидимому, не столько самые волнения, обыкновенно быстро подавляемые, сколько именно растущий „дух неповиновения“, состояние общего брожения и непокорства крестьян, делающий из каждого имения маленький вулкан, грозящий постоянно извержением, наталкивали многих помещиков на путь поисков наиболее выгодного освобождения от пут крепостных отношений. Кроме того, эта самая враждебность отношений делала крестьян все более и более восприимчивыми ко всевозможным слухам о воле.

Общность враждебного настроения создавала благоприятную почву для массовых противокрепостных движений. Дворянская масса инстиктивно это чувствовала. Не даром в литературе по крестьянскому вопросу крепостного времени,

в воспоминаниях современников встречаются нередко указания на рост этого „духа неповиновения“ в крестьянах, на опасность его и возможность второй пугачевщины.

Нельзя не признать, что в крестьянских волнениях накануне реформы были некоторые черты, оправдывающие до некоторой степени дворянские страхи. Крестьянские волнения были, правда, попрежнему разрознены, отдельные вспышки быстро подавлялись, крестьяне не обнаруживали ни силы упорства, ни силы сопротивления. Но в крепостной массе можно отметить нарастание недоверия к местным и даже центральным властям, за исключением одного царя. Любопытно, что в конце 40-х годов шествие толп витебских крестьян к самому царю показать, чем кормят их паны, не было в то время единичным явлением. И в других местах по другим поводам крестьяне заявляли о полном недоверии к являвшимся к ним для усмирения властям и намеревались итти всем миром к самому царю. С другой стороны—и это самое важное в конце царствования Николая I и в начале царствования Александра II—приходится отмечать наличность крупных массовых движений, когда тысячи крестьян различных имений и даже губерний по одному и тому же поводу приходили в движение на большом пространстве. Эти движения выделяются из обычного типа крестьянских волнений и должны быть выделены в особую группу. К ним относятся такие волнения, как витебское движение 1847 года, движение крестьян в разных губерниях в 1854 и 1855 гг. по поводу морского и государственного ополчения, и, наконец, массовое движение крестьян на юге России „в Таврию за волей“ в 1856 г.

Главною причиною витебского движения 1847 г. было экономическое положение крестьян Витебской губ., обостренное трехлетними последовательными неурожаями. Неурожаи подкосили не только крестьянские хозяйства, но разорили и многих помещиков. Продовольственная нужда голодающего населения или совсем не удовлетворялась, или удовлетворялась крайне плохо. На эту почву упали слухи о готовящейся воле, чему дала повод подготовка инвентарей. Набор рабочих на строившуюся Николаевскую железную дорогу породил слух, что поступившие на эту работу получат свободу от крепостного состояния. Распоряжение о переселении казенных крестьян из Витебской губернии в другие отдаленные в народном воображении распространилось и на помещичьих крестьян. Появилась версия, что Витебскую губернию, как неплодородную, решено зарастить лесом, а крестьяне должны переселиться в лучшие

губернии на условии дарования воли и выдачи на переселение паспортов, денег и подвод. Другой слух говорил, что в великороссийских губерниях уже дают волю и нужно спешить туда. Эти слухи жадно ловило измученное население и, наконец, тронулось с родных мест в надежде на волю в других губерниях и на защиту царя, раз они ему покажут, чем кормят их паны. Крестьяне продавали за бесценок скот, имущество и целыми сотнями двигались в путь. Движение, начавшееся в Себежском уезде весною 1847 г., быстро охватило Дриссенский и Невельский уезды. Вскоре их примеру готовы были последовать крестьяне всей Витебской губ. В Дриссенском уезде крестьяне, видимо, готовились к сопротивлению, ибо перед походом покупали ружья, порох, лили пули, перековывали лемехи на пики. На пути толпы крестьян в 100, 300 и даже 500 человек оказывали сопротивление военным отрядам, пытавшимся остановить ту или другую толпу, при чем несколько человек крестьян было убито. В Великолуцком уезде, Псковской губ., одна партия в 500 человек избила незначительную военную команду, вышедшую против нее, разогнала бывших при том понятых, избила исправника и захватила в плен станового пристава. Общее количество волновавшихся простиралось до 10.000 человек, а из побега принятыми мерами было возвращено более 600, да около 600 человек не было разыскано. Правительству пришлось употребить против крестьян значительную военную силу: в усмирении участвовал один пехотный полк, один батальон, 2 роты из двух других полков, витебский гарнизонный батальон и инвалидные команды. Усмирением руководил выехавший в места волнения витебский, смоленский и могилевский генерал-губернатор Голицын и 2 командированных флигель-ад'ютанта. Помимо применения довольно значительной военной силы, правительству пришлось оказать и денежную помощь голодающему населению. После первых же известий о витебском движении в распоряжение Голицына было командировано несколько чиновников министерства внутренних дел с деньгами на продовольствие в размере 10.000 руб. Нечего и говорить, что военною силою движение было подавлено, и расправа за него была сурова. Военному суду было предано 95 человек, а по другим известиям—114. Менее виновные были наказаны розгами, при чем число наказанных простиралось до 4.000 человек.

Движение по поводу призыва в морское ополчение относится к весне и лету 1854 г. Хотя поступление в морское ополчение для крепостных крестьян было обусловлено согласием

помещиков, при чем их разрешение должно было подтверждаться каждые 5 месяцев, хотя в ополчение принимались жители только С.-Петербургской, Олонецкой, Тверской и Новгородской губерний, но слухи о призыве в ополчение распространились во многих губерниях. Быстро создалась версия, что поступление в ополчение ведет за собою освобождение от крепостной зависимости как для охотников, так и для их семейств, для поступления же согласия помещиков якобы не требуется. Толпами потянулись крестьяне из различных имений в уездные и губернские города, даже в Петербург и Москву, для заявления своего желания поступать в ополчение. Это движение наблюдалось, по сведениям департамента полиции исполн., в 10 губерниях, между прочим, в Рязанской, Тамбовской, Владимирской, Нижегородской, Пензенской, Новгородской. Правительству пришлось силою подавлять беспорядки: на места были посланы войска для задержания крестьян и возвращения их на места жительства. Туда же были командированы 2 флигель-адъютанта. Мерами строгости удалось подавить это движение, но уже самая необходимость для правительства силою подавлять горячий отклик крепостного населения на свой призыв была известным банкротством для правительства.

Подавленное в 1854 г., это движение возобновилось в 1855 г. с еще большею силою, уже по поводу призыва населения в государственное ополчение. Государство, напрягая все силы в борьбе с внешним врагом во время Крымской кампании, обратилось к населению с призывом прийти к нему на помощь. Крепостное население, во имя каких бы то ни было мотивов, выразило полную готовность вступить в ряды ополчения и жертвовать, если нужно, своею жизнью и имуществом для защиты „царя и отечества“. И вот, в то время как правительство само призывало к себе на помощь, в то время как для него были дороги каждый лишний солдат, каждая лишняя копейка, это самое правительство должно было не только отказываться от помощи населения, но военною силою подавлять вызванное им народное возбуждение, затрачивать военные силы и материальные средства для водворения спокойствия в помещичьих имениях во имя поддержания идеи ненарушимости и неприкосновенности помещичьей власти. Правительство, не могущее даже в острый момент борьбы с внешним врагом, располагать народными силами, правительство, принужденное вести борьбу на два фронта—с внешним врагом и преданным себе населением, при чем борьба с последним диктовалась единственно охраною неприкосновенности крепостного права, такое прави-

тельство не могло не поставить себе задачею по окончании внешней войны устранить средостение между собою и населением, т.-е. уничтожить крепостное право. Отсюда-то истекает громадное значение крестьянских волнений 1854—1855 годов по поводу морского, а главным образом, государственного ополчения. Эти волнения поставили перед правительством вопрос о целесообразности крепостного права остро и определенно на плоскость необходимой государственной реформы. В то же время эти волнения, проявившиеся в более или менее одинаковых формах во многих губерниях, направленные не против частичных злоупотреблений или сторон крепостного права, но об'единенные убеждением народа в даровании ему воли, показывали общность настроения и способность к однородным действиям крепостных масс вне зависимости от какого бы то ни было сговора и руководительства.

Движение 1855 года проявилось в 6 великорусских губерниях (Воронежской, Саратовской, Казанской, Пермской, Самарской и Симбирской) и одной юго-западной (Киевской). Киевское и великорусское движение несколько отличались одно от другого, отличалось и отношение правительства к ним. И здесь, и там по поводу призыва в государственное ополчение быстро распространились слухи в различных вариациях, что поступление в ратники освобождает от крепостной зависимости как поступивших, так и их семейства. Народ стал массами из'являть желание поступить в ополчение. Но в Киевской губернии это стремление к воле осложнилось и углубилось историческими воспоминаниями о казачестве, казацком самоуправлении, независимости и т. д. Поэтому население здесь резче заявило свои права на самоуправление с уничтожением крепостной зависимости, что являлось, по их мнению, следствием записи „в казаки", т.-е. в ополчение. С другой стороны, в юго-западном крае правительство, в силу господства польского элемента среди дворян-помещиков, всегда было склонно поддерживать и культивировать преданность крепостного населения православию и русскому царю. Поэтому не в его интересах было принимать репрессивные меры против стремления крепостных служить царю по его призыву. В этом движении в юго-западном крае как высшая администрация, так и высшее правительство видели прежде всего взрыв патриотических чувств населения, хотя бы и сопряженный с рядом заблуждений и ложных слухов. Этими обстоятельствами и об'ясняется более мягкое отношение правительства к киевским крестьянам сравнительно с великорусскими. В то время как

по отношению к киевским рекомендовалась до конца мягкость, терпимость к заблуждениям крестьян, выставлялось непременною волею государя, чтобы военная сила употреблялась лишь в крайних случаях, в великорусских губерниях немедленно были приняты энергичные репрессивные меры, и было отдано распоряжение предавать военному суду не только являющихся самовольно для поступления в ополчение, но даже приносящих „несправедливые“ жалобы на злоупотребление помещичьей властью. Здесь специальный характер „патриотизма“ крестьян не укрылся от администрации, и воронежский губернатор, например, в первых же своих донесениях указывал, что желание служить в рядах ополчения является для крестьян лишь средством освободиться от крепостной зависимости. Здесь защита неприкосновенности крепостного права была поставлена твердо, решительно, без всяких колебаний и уклонений в сторону. Впрочем, в Воронежской губернии, например, имело значение и то обстоятельство, что разгар движения совпал с разгаром полевых работ (июнь), так что прекращение полевых работ, сопровождавшее это движение, грозило разорением помещичьих хозяйств, и требовалось быстрое прекращение беспорядков, чтобы доставить помещикам необходимые рабочие руки. Во всяком случае большая мягкость, нерешительность, а первоначально и растерянность местной администрации в Киевской губернии должна была благоприятствовать росту движения, крутые же меры в великорусских губерниях задавили в самом начале начавшее разгораться движение. Нельзя не отметить также, что росту киевского движения благоприятствовало то, что главным очагом движения были громадные имения кн. Лопухина, Понятовского, братьев Браницких, с тесно расположенными селениями, население которых в каждом отдельном имении и в мирное время постоянно общалось между собою.

Не имея возможности подробно характеризовать то и другое движение, отметим лишь, что в киевском движении волнение вылилось, с одной стороны, в требованиях от священников царского указа о записи в казаки и освобождении в силу этого от крепостной зависимости, при чем эти требования сопровождались иногда побоями и истязаниями священников, обысками церквей и т. п. С другой стороны, крестьяне, записавшись в казаки, признавали себя вольными, прекращали исполнение господских повинностей, вводили самоуправление и вообще, не делая никаких насилий помещикам и вотчинным властям, прекращали всякие крепостные отношения, устанавли-

вая обыкновенно соседские отношения равных между собою людей. Господское имущество нигде не было тронуто: напротив, в некоторых местах громады принимали на себя охранение его неприкосновенности. Правда, среди крестьян циркулировало мнение, что все имущество господ, вся земля должны перейти к крестьянам, но практического решения этого вопроса они, видимо, ждали от правительственной власти. Движение это, резко проявившись в Сквирском, Васильковском и Каневском уездах, наблюдалось также в Таращанском, Черкасском, Уманьском, Чигиринском и других. При усмирении военною силою в нескольких местах произошли кровавые столкновения военных команд с крестьянами. Наиболее крупными из них были столкновения в с. Мал. Березне Сквирского уезда, с. Быковой Гребле Васильковского уезда и в селах Таганче и Корсуне Каневского уезда. При усмирениях, по официальным сведениям, в Киевской губ. было убито до 36 крестьян и ранено 57. Эти цифры, несомненно, следует считать уменьшенными, ибо многие крестьяне скрывали свои раны, боясь ответственности за участие в движении, и умирали от них по дороге и дома. Всего для усмирения в Киевскую губ. в волнующиеся местности пришлось двинуть 16 эскадронов кавалерийской дивизии, 2 роты сапер, резервный батальон Белевского егерского полка и 1 дивизион. Для усмирения в места волнений выехал сам ген.-губернатор кн. Васильчиков, а из Петербурга был командирован с тою же целью ген.-ад'ютант Яфимович.

В великороссийских губерниях движение было подавлено с большею легкостью и с меньшими затратами военной силы. Но и здесь в Воронежской губ., в с. Масловке Бобровского уезда, произошло кровавое столкновение военной команды с населением, в результате которого было 9 раненых, из них 5 тяжело. В общем движение в великороссийских губерниях не отличалось большою стойкостью, и в Воронежской губ., например, под влиянием кровавого масловского усмирения окрестные волнующиеся имения успокоились сами собою. Других подобных же очагов волнения не обнаруживалось, и усмирение не выходило из ряда обычных.

Движение на юге России 1856 г. также тесно связано со слухами о воле и отчасти с крымскою войною. Весною 1856 г. по всей южной России пронесся слух о вызове помещичьих крестьян для заселения разоренных мест Крымского полуострова, при чем переселенцам выдавалось якобы пособие и, сверх того, значительная поденная плата за казенные работы.

Этот слух видоизменялся и принимал местами более легендарную форму о раздаче воли самим царем. Так, в Харьковской губ., в Изюмском уезде говорили, что где-то за Днепром в Херсонских степях сидит на горе царь и раздает волю. В Екатеринославской и Херсонской губ. также шел слух, что в Перекопе „в золотой шапке сидит царь и всем пришедшим раздает волю, а неявившиеся или опоздавшие остаются попрежнему в панской неволе". Под влиянием этих слухов крепостной люд тронулся со всем своим скарбом и семействами, иногда целыми деревнями, в поиски за этим легендарным царем или с целью сделаться вольными через поселение в Крыму. С помещиками крестьяне расставались в большинстве случаев вполне дружелюбно, забирая впрочем от них необходимый скот, экипажи и пр. Иногда они являлись к ним перед уходом прощаться и благодарить за заботы о них. Только в одном случае в Екатеринославской губ. уход сопровождался буйством. „Собравшись с кольями, крестьяне ворвались в господский дом, начали грабить, что попало, с похвальбою убить наемного приказчика, и делали угрозы самой помещице; наконец, забрав все свое имущество и экономический скот и выбив в домах окна и двери, они бежали".

Движение „в Таврию за волей" началось в Екатеринославской губернии. В одних только Верхнеднепровском и Екатеринославском уездах число бежавших доходило до 9.000 человек. Затем движение проникло в Херсонскую губ., где уже в июне месяце число беглецов доходило до 3.000 человек. С меньшею силой это движение проявилось в Черниговской, Полтавской, Харьковской, Курской и Орловской губерниях. Подавление движения также потребовало вмешательства военной силы. В помощь земской полиции были назначены военные команды. Переправы через Днепр и Днестр были подчинены строгому наблюдению; на Перекопском перешейке были учреждены военные раз'езды. В губерниях, прилегающих к Новороссии, начальникам губерний было поручено энергично раз'яснять ложность означенных слухов. Из Петербурга для усмирения был командирован ген.-м. гр. Адлерберг. При усмирении и возвращении беглецов в Херсонской и Екатеринославской губерниях произошло несколько кровавых столкновений между толпами крестьян и военными командами. Так, в Екатеринославской губ. одна партия беглецов с косами бросилась на конвой и понятых и намеревалась избить станового пристава; против крестьян было пущено в ход оружие, при чем один крестьянин был убит. В другой раз беглецы частью Екатеринослав-

ской, частью Херсонской губ. в числе 3.000 человек, будучи остановлены в Херсонской губ. ротою солдат, с дубинами в руках бросились на последних. По крестьянам был открыт огонь, в результате чего один крестьянин был убит и трое ранено. В трех других случаях столкновений екатеринославских крестьян с солдатами был убит 1 крестьянин и ранено 33. Наконец, известен еще шестой случай столкновения херсонских крестьян с военною командою, при чем убито было 2 и тяжело ранено 14. Итого, по официальным данным, в Екатеринославской и Херсонской губерниях произошло 6 кровавых столкновений, при чем 5 человек убито и 50 ранено. Только к концу года удалось восстановить спокойствие в этих губерниях; движение, начавшееся в мае, наиболее сильно проявлявшееся в разгаре полевых работ, постепенно затихло под влиянием суровых репрессий, убеждений и разочарования в правильности слухов. В других из указанных губерний это движение проявлялось с меньшею силою, быстрее было подавлено и более мирными средствами. По крайней мере, по официальным сведениям, для успокоения крестьян оказалось достаточным „внушений и вразумлений"; впрочем, имеется свидетельство одного современника относительно Харьковской губ., что крестьянам этой губернии пришлось в своих странствиях также ознакомиться с действиями военой силы и испытать на себе телесные наказания.

Эти массовые движения 1854, 1855 и 1856 гг., связанные со слухами о воле, представляют собою резкое отличие от волнений на почве слухов о воле в 1826 г. При воцарении Николая I каждое волнение было изолировано одно от другого, и слухи скорее являлись поводами или сопутствующими явлениями. Почти в каждом волнении 1826 г. можно вскрыть более частную и в то же время сильнее действующую правовую или экономическую причину. В 1854—55 и 1856 гг., наоборот, крестьяне волновались, уходили из родных мест независимо от того, каковы были отношения между ними и помещиками; как было указано, в движении „в Таврию за волей" крестьяне являлись даже с благодарностью к владельцам, расставались с ними вполне мирно и дружелюбно. Одни и те же цели, одни и те же интересы двигали в одном направлении тысячи крестьян без всякого сговора между собою, без какой бы то ни было агитации, кроме ложных слухов и толков о воле. В воздухе как будто бы носилась зараза, заставлявшая крестьян покидать родные места, разоряться и двигаться с семьями в поисках желанной воли, как то было

в 1856 г., или готовиться жертвовать собою на поле брани из желания доставить волю своим родным и близким, а при благополучном окончании похода—и себе, как то мы видим в движении 1854—55 гг. Эти массовые движения на почве слухов о воле, эта восприимчивость народных масс к слухам и переход их к активным действиям, несомненно были опасными признаками как для правительства, так и для дворянства. Отчет министерства внутренних дел за 1858 г. не даром ставит движение 1855 и 1856 гг. в непосредственную связь и на основании этих движений говорит: „Видно было, что, мысль о вольности крепостных людей возбуждена в народе, что они не совсем терпеливо выжидают таких обстоятельств, с которыми, по их понятию, удобно могло быть соединено освобождение их от крепостного состояиня. Все это заставило опасаться, что обнародование во всеобщую известность предположений об улучшении быта помещичьих крестьян могло послужить поводом к нарушению между ними порядка и повиновения владельцам“. Такие опасения подкреплялись еще тем, что ложные толки о воле в 1856 г., помимо юга России, были распространены еще в 9 губерниях (Петербургской, Нижегородской, Калужской, Ковенской, Симбирской, Могилевской, Киевской, Черниговской, Самарской).

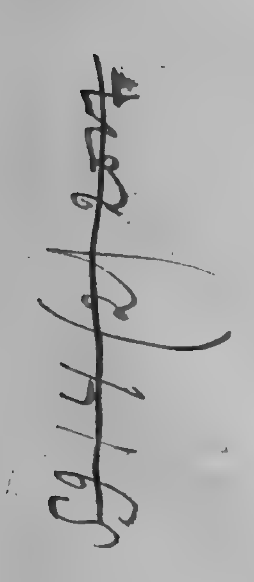
Впрочем, здесь они не привели ни к какому массовому движению и, самое большее, сопровождались изолированными беспорядками, быстро прекращаемыми местными силами.

Нельзя забывать также, что на ряду с указанными движениями 1854, 1855 и 1856 гг. продолжались и обычные крестьянские волнения. Правда, в 1855 г. их официально известно лишь 10 (волнения, связанные с государственным ополчением, в этот счет не идут), в 1856 г. их число повышается до 25, в 1857 г. до 40. В 1855 г. в 4 имениях крестьяне были усмирены при помощи полицейских наказаний, в 3—для усмирения была употреблена военная команда. В 1856 г. военная команда употреблялась в 9 имениях, а в 10—крестьне усмирены при помощи полицейских наказаний, в 1 имение был командирован фл.-ад‘ютант кн. Сумароков-Эльстон. Наконец, в 1857 г. военные команды были введены в 24 имения, а в 16 порядок восстановлен был местными полицейскими мерами.

Опасения министерства внутренних дел, что с об‘явлением приступа к крестьянской реформе беспорядки среди крестьян разрастутся и примут опасные размеры, оказались, конечно, напрасными. Правда, в 1858 г. в министерство внутренних дел были доставлены местными властями сведения

о волнениях почти в 200 имениях (по отчету министерства внутренних дел—более чем в 170 имениях). Но эта цифра, превышающая почти в 5 раз количество волнений в 1857 г., явилась, несомненно, в значительной степени результатом энергичных требований министра внутренних дел от начальников губерний доносить о всех случаях неповиновения, как бы они ни были незначительны. Поэтому в 1858 г. в число сведений о крестьянских волнениях попадаются донесения о неповиновениях даже нескольких крестьян, прекращенных внушениями или полицейскими мерами, примененными становым приставом и другими мелкими полицейскими чиновниками. В 1859 г., по официальным сведениям, было 70 волнений, в 1860 г. до высочайшего сведения было доведено о 100 случаях неповиновения; наконец в 1861 г. до марта месяца, т.-е. приблизительно до об'явления манифеста, известно более 10 случаев волнений. Всего же с 1855 по 1861 г. было 474 волнения. Несомненно, таким образом, что крестьяне не оставались спокойными и во время выработки Положения 19 февраля. Как бы ни были незначительны случаи неповиновений, сведения о которых попадали в эти годы в министерство внутренних дел, все же на ряду с незначительными волнениями были и довольно крупные. Можно указать, для примера, на вопиющее дело 1860 г. саратовских и самарских крестьян кн. Кочубея, желавшего присвоить себе землю, купленную этими крестьянами за собственные деньги на имя помещика. Кроме того, эти цифры, если даже не считать выдающегося по количеству неповиновений 1858 г., показывают нарастание волнений сравнительно с 1857 г., а именно: в 1857 г. было 40 волнений, в 1859 г.—70, в 1860 г. известно 100 случаев неповиновений, и, наконец, в 2 только зимних месяца 1861 г. было более 10 случаев. Этот факт не может удивлять читателя. Крепостные отношения продолжали существовать; следовательно, существовали причины, вызывающие волнение крестьян, тем более, что с переносом разработки крестьянской реформы в Петербург среди крестьян стали замечаться разочарования и опасения, что господа опять скрали или скрадут волю, и крепостное право будет существовать попрежнему. Но к обычным причинам волнений в это время прибавились новые. Во-первых, некоторые беспорядки и неповиновения вызывались циркулировавшими среди крестьян слухами о готовящейся воле. Во-вторых, многие помещики сами энергично готовились к предстоящей реформе, заблаговременно округляя свои владения, отрезая от крестьян лучшие земли, переселяя

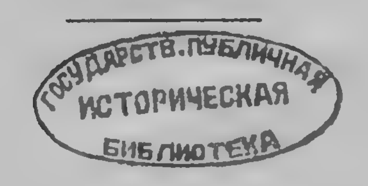
их на неудобные, продавая крестьян на своз; с приступом к реформе, усилилась отдача крестьян в рекруты, случаи безземельного освобождения крестьян против их воли, ссылки крестьян в Сибирь, каковыми уловками и злоупотреблениями помещики старались обеспечить за собой возможно большее количество земли. Правительство боролось с этими злоупотреблениями, запретив прием в рекруты из мелкопоместных имений, подчинив строгому контролю и всячески стеснив ссылку в Сибирь, переселение крестьян и проч., но помещики, конечно, умело обходили создававшиеся слабые преграды, и злоупотребления на этой почве, видимо, продолжались со стороны „предусмотрительных“ помещиков. Крестьяне не могли, конечно, относиться спокойно к такой практической подготовке к проведению реформы в жизнь и энергично протестовали против попыток обезземелить их или снабдить негодною землею. Отсюда ряд волнений, тесно связанных, с готовящеюся реформою и составляющих прелюдию к волнениям при проведении в жизнь Положения 19 февраля, когда не только „предусмотрительные“ помещики, но и вся дворянская масса энергично боролась с крестьянством из-за каждого клочка земли, пытаясь всячески обездолить и без того экономически обездоленного реформою крепостного крестьянина.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Предисловие	5
Борьба крестьян за свое освобождение	7
Крестьянские волнения 1826 г. в связи со слухами о воле и о 14 декабря 1825 г.	39
Волнения крестьян в связи с продовольственным вопросом в помещичьих имениях	113
Основные черты крестьянских волнений перед освобождением	189

19. **С. Любош.** Последние Романовы (Николай I, Александр I, Александр II, Александр III и Николай II). Портреты и характеристики	1	р.	80	к.
20. **Акад. С. Ф. Платонов.** Петр I	—	„	—	„
21. **Проф. Е. В. Тарле.** Три катастрофы	—	„	30	„
22. **Его же.** Кризис Германии	—	„	30	„
23. **Проф. И. И. Игнатович.** Борьба крестьян за освобождение	—	„	—	„
24. **Проф. И. Олар.** Французская революция и феодальный режим	—	„	—	„
25. **П. Дюбуа.** Ирландская драма	—	„	35	„
26. **С. И. Данини.** История Франции в новейшее время (1870—1924 г.г.)	—	„	—	„
27. **С. В. Рождественский.** Сословный строй в России	—	„	—	„
28. **О. Е. Корнилович.** Общественное движение в России в XV и XIX в.в.	—	„	—	„

Общественные науки. Философия.

1. **Сидней Вебб.** Англия при рабочем правительстве. Перев. под ред. Д. О. Заславского	—	р.	—	к.
2. **Норман Анжель.** Если Англия желает жить. Перев. И. Я. Колубовского	—	„	—	„
3. **Г. Гослар.** Америка в 1924 году. Перев. Е. Бак	—	„	—	„
4. **Гастон Рафаэль.** Король Рура Гуго Стиннес. Перев. П. К. Губера	—	„	—	„
5. **Финансовые проблемы современной России.** Сборник статей М. И. Боголепова, И. М. Кулишера, Д. Лоевецкого, В. М. Штейна и В. В. Новожилова	1	„	20	„
6. **Инж. В. Гант.** Организация труда. Перев. В. Л. Щегло	1	„	50	„
7. **Г. Винтер.** Тэйлоризм. Перев. Е. Н. Федотовой	—	„	—	„
8. **Д. Кейнс.** Аграрная революция в Европе. Перевод с англ., под ред. Д. О. Заславского	—	„	—	„
9. **Его же.** Соединенные Штаты и Европа. Перев. с английск., под ред. Д. О. Заславского	—	„	—	„
10. **Его же.** Борьба за экономическое владычество. Перев. с англ., под ред. Д. О. Заславского	—	„	—	„
11. **Проф. В. Титлинов.** Новая церковь	—	„	40	„
12. **Г. Маутнер.** Атеизм в эпоху Великой Французской Революции. Перев. И. Я. Колубовского	—	„	—	„
13. **Дж. Спарго.** Он знал Маркса. Перев. под ред. Д. О. Заславского	—	„	20	„
14. **Л. М. Клейнборт.** Очерки рабочей журналистики.	1	„	25	„

Естествознание. Точные и прикладные науки.

1. **Проф. В. Аренс.** Математические игры и развлечения. Под ред. Я. И. Перельмана	—	р.	—	к.
2. **Проф. Л. Геффтер.** Что такое математика	—	„	—	„
3. **Проф. А. Васильев.** Преподавание математики в средней школе Европы и Америки	—	„	—	„
4. **Эм. Борель.** Пространство и время. Перев. М. А. Лихарева	—	„	—	„
5. **Проф. Н. А. Яблоновский.** Телеграфные аппараты	—	„	75	„
6. **В. В. Рюмин.** Беседы о магнетизме	—	„	—	„
7. **В. В. Рюмин.** Чудеса техники	—	„	—	„

2р.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

В ЛЕНИНГРАДЕ: Книгоиздательство „ПЕТРОГРАД“ Просп. Володарского, 51, телеф. 5-61-46.

В МОСКВЕ: Петровка, 7, книжный магазин „МАЯК“ телеф. 1-48-92 и 44-74.

